КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

ТОМЪ XIX.

Декабрь.

1887 г.

КІЕВЪ.

Тип. А. Давиденко, аренд. Л. Штаммомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4.

СОДЕРЖАНІЕ.

Декабрь, 1887 г.

Отъ Редакціи.

I. БУГСКОЕ КОЗАЧЕСТВО И ВОЕННЫЯ ПОСЕЛЕНІЯ. *(Лѣтописные наброски о. Владиміра Лобачевскаго)* 591

II. МУЗЫКАНТЪ. *(Повѣсть Т. Гр. Шевченка)*. 627

III. РОДЪ ЛАШКЕВИЧЕЙ и ДНЕВНИКЪ ОДНОГО ИЗЪ НИХЪ. **Ѳ. Николайчика**. 696

IV. ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ОТШЕЛЬНИКА К—СКОЙ ПУСТЫНИ.—*Іер. Ѳ—ла*.. 717

V. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Первое столѣтіе города Екатеринослава. 1787—9 мая 1887 г. Сост. М. М. Владиміровъ. Екатеринославъ. 1887 г.—Столѣтній юбилей Екатеринослава. 9 мая 1787—1887 г. Состав. преподаватель екатериносл. семинаріи К. Корольковъ. Екатеринославъ. 1887 г.—*В—о.*—б) Программа для собиранія этнографическихъ свѣдѣній, сост. при этнографическомъ отдѣлѣ имп. общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. Москва. 1887 г.—*О.*—в) Холмскій народный календарь на 1888 годъ.—*Г. IV.* Кіевъ. 1887 г.—*Холмскаго старожила.*—г) Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1700 до конца августа 1772 г. Часть I. Сост. А. С. Петрушевичъ. Львовъ. 1887 г.—*К. Шнейдера* 761

VI. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ вопросу о южно-русскихъ апокрифахъ.—*О. Л.*—б) Еще одна изъ древнѣйшихъ церквей въ Кіевѣ.—*П. Л—ва.* в) Къ древней топографіи Кіева.—*А. Маркевича.*—г) Изъ воспоминаній о Н. Д. Иванишевѣ.—*Ѳ. Лободы.*—д) Междуплеменныя соприкосновенія.—*И. Колюмбаша.*—е) „Царь Максиміліанъ" въ Ковлѣ.—*И. Б.*—ж) Два стихотворенія П. И. Артемовскаго-Гулака.—Сообщ. *И. П. Сокальскій.*—Рекрутская пѣсня.—Сообщ. *И. Пономаревъ*. . . 775

Поправка. 804

Дозволено цензурою. Кіевъ, 28-го ноября 1887 года.

Отъ Редакціи.

Съ выпускомъ настоящей книжки изданіе «Кіевской Старины», за болѣзнью редактора-издателя, пріостанавливается на неопредѣленное время, но *не прекращается*, какъ не вѣрно сообщено въ нѣкоторыхъ газетахъ. Въ виду сдѣланныхъ намъ положительныхъ заявленій по сему предмету, мы не теряемъ надежды, что изданіе можетъ быть возобновлено, хотя и подъ другою редакціею.

Мы получили и не перестаемъ получать много самыхъ искреннихъ заявленій живѣйшаго и глубокаго сожалѣнія по поводу объявленной нами пріостановки изданія, и это еще болѣе утверждаетъ насъ въ высказанной нами надеждѣ.

Не имѣя возможности, по состоянію здоровья нашего, своевременно отвѣчать на каждое изъ этихъ заявленій, считаемъ долгомъ выразить печатно нашу глубокую душевную благодарность всѣмъ изъявившимъ, по поводу пріостановки изданія, такъ или иначе свое сочувствіе какъ къ самому изданію, такъ и лично къ намъ. Благодаримъ отъ души всѣхъ тѣхъ, которые въ теченіи шести лѣтъ не переставали оказывать свое сочувствіе и содѣйствіе изданію своими трудами и приношеніями, большими и малыми. Печальная необходимость заставила насъ положить перо; мы сдѣлали однако все, что могли, для дѣла, котораго никогда не считали нашимъ личнымъ, и будемъ рады, если оно найдетъ продолжателей, болѣе насъ искусныхъ и достойныхъ. Остается масса драгоцѣннаго историческаго матеріала, явилось много готовыхъ и намѣченныхъ работъ по исторіи нашей родины. Было бы по истинѣ жаль, если бы все это осталось втунѣ, за неимѣніемъ мѣстнаго органа.

Сохраняя за собою, на основаніи существующихъ постановленій, въ теченіи годичнаго срока, право на возобновленіе изданія или передачу онаго въ другія руки, если на то послѣдуетъ разрѣшеніе, мы готовы по прежнему принимать отъ всѣхъ желающихъ продолженія изданія всякаго рода заявленія по сему предмету, равно и извѣщенія о готовыхъ и изготовляемыхъ трудахъ и матеріалахъ по южно-русской исторіи и этнографіи, для передачи въ свое время кому слѣдуетъ. Адресъ нашъ прежній: *Кіевъ, Михайловская улица, № 12. Въ редакцію «Кіевской Старины».*

По этому же адресу покорнѣйше просимъ всѣхъ гг. подписчиковъ, не доплатившихъ или вовсе не уплатившихъ подписной суммы, присылать деньги и поспѣшить высылкою оныхъ.

Желающіе пріобрѣсть экземпляры «Кіевской Старины» за прежніе годы (1882—1887 гг.) пользуются объявленной раньше уступкой до 25%, или же по особому соглашенію съ редакціей, и обращаются также: *Въ Редакцію «Кіевской Старины». Кіевъ, Михайловская улица, д. № 12.*

Бугское козачество и военныя поселенія.

(Лѣтописные наброски о. Владиміра Лобачевскаго).

Можно считать признанными наукою важность и интересъ детальнаго изученія краевой исторіи мѣстными силами въ формѣ историческихъ очерковъ городовъ, селъ, приходовъ и другихъ мелкихъ территоріальныхъ единицъ, которыя часто бываютъ отмѣчены и своеобразными этнографическими чертами. «Кіевская Старина» много разъ имѣла случаи указывать въ библіографическомъ отдѣлѣ на прекрасные труды въ этомъ родѣ по изученію южно-русской земли. Въ ряду ихъ довольно видное мѣсто занимаютъ работы мѣстнаго духовенства по описанію церквей и приходовъ. Духовенство херсонской епархіи, къ которому принадлежитъ авторъ предлагаемаго нами труда, успѣло опубликовать въ своемъ епархіальномъ органѣ нѣсколько (хотя и не очень много) такихъ работъ, и нѣкоторыя изъ нихъ сообщаютъ данныя, имѣющія въ большей или меньшей степени интересъ научный, а иныя отличаются и хорошей научной обработкой. Все дѣло зависитъ, конечно, отъ степени заинтересованности автора своимъ сюжетомъ, отъ той искры Божіей, которая въ нѣкоторыхъ людяхъ не угасаетъ до старости, не взирая на тяжелыя невзгоды, преслѣдующія ихъ иногда всю жизнь, не взирая на сельскую глушь, въ которой судьба крѣпко держитъ ихъ многіе годы, на недостатокъ просвѣщеннаго общества, который болѣе слабыхъ гонитъ изъ деревни вонъ.

Къ такимъ выдающимся силамъ среди сельскаго духовенства херсонской епархіи принадлежитъ о. Владиміръ Лобачевскій, священникъ селя Ольшанки, елисаветградскаго уѣзда. Ясность и спокойствіе мысли, отчетливость памяти, неослабѣвшей въ теченіе долгой жизни, разнообразно направленная пытливость, теплая пастырская гуманность и не подкупная справедливость сужденій и наконецъ скромное довольство своей судьбою—все это сквозитъ въ его трудѣ, привлекаетъ къ нему и сооб-

щаетъ ему особенное значеніе. Недавно о. Лобачевскій переступилъ за 25 лѣтъ своего священства въ селѣ Ольшанкѣ; ранѣе священствовалъ тамъ лѣтъ 10 отецъ его. Во время долгаго служенія своего о. Владиміръ успѣлъ пріобрѣсти довѣріе прихожанъ, и въ историческомъ трудѣ своемъ часто обращается къ ихъ воспоминаніямъ, а еще чаще къ своимъ наблюденіямъ. Трудъ его носитъ заглавіе: «Лѣтопись прихода села Ольшанки св. Іоанна Милостиваго церкви». «Лѣтопись» представляетъ рукопись въ 31 листъ (листы не сшиты) и раздѣляется на три части, изъ которыхъ однако только двѣ первыя были въ нашемъ распоряженіи. По плану и по задачамъ, по разнообразію и обширности матеріала, трудъ этотъ шире формальныхъ рамокъ приходской лѣтописи и въ этомъ главный его интересъ для насъ; въ своихъ наблюденіяхъ, воспоминаніяхъ и сужденіяхъ авторъ часто выходитъ далеко за околицу своего села и за границы своего прихода, хотя конечно остается неизмѣнно на мѣстной, херсонской почвѣ; жизнь своего прихода онъ изучаетъ въ соотношеніи съ условіями краевой природы, съ условіями этнографическими и историческими, по скольку эти послѣднія отразились въ его микрокосмѣ—селѣ Ольшанкѣ. Въ трудѣ о. Лобачевскаго находимъ свѣдѣнія: о почвѣ, флорѣ и фаунѣ, о рѣкѣ Синюхѣ, на которой расположено село, о мѣстныхъ древностяхъ, находимъ этнографическій очеркъ мѣстныхъ жителей—болгаръ: узнаемъ о ихъ одеждѣ, о монетахъ, служащихъ украшеніемъ для женщинъ, о пищѣ, о нравахъ и характерѣ населенія, о религіозномъ его состояніи, объ обычаяхъ, предразсудкахъ, суевѣріяхъ, о занятіяхъ и промыслахъ ольшанцевъ, о рынкахъ сбыта, объ экономическомъ состояніи прихожанъ. Всѣмъ этимъ матеріаломъ мы не считаемъ себя въ правѣ пользоваться для «Кіевской Старины»: онъ представляетъ свой значительный, но спеціальный интересъ и не отвѣчаетъ задачамъ этого изданія. Точно также опускаемъ церковную и приходскую лѣтопись въ тѣсномъ смыслѣ слова. Ограничимся тою, значительною впрочемъ, частью лѣтописи, которая касается двухъ важнѣйшихъ эпохъ въ жизни нашего края: эпохи существованія бугскаго козачества и эпохи военныхъ поселеній. Эта часть представляетъ найбольшій обще-научный историческій интересъ по слѣдующимъ причинамъ: 1) авторъ пользуется нѣкоторыми, попавшими ему въ руки, документами, не обнародованными въ печати, приводя ихъ дословно и восполняя устными разсказами и преданіями прихожанъ, а также своими личными долголѣтними наблюденіями, 2) исторія бугскаго козачества едва тронута въ исторической литературѣ; точно также и для исторіи военныхъ поселеній на югѣ Россіи мало опубликовано матеріаловъ, и между ними трудъ о. Лобачевскаго, по обилію свѣдѣній, заслу-

женно можетъ занять видное мѣсто. Выпуская нѣкоторыя части труда, мы считаемъ необходимымъ округлить печатаемую часть его и сдѣлать ее болѣе понятною для читателя, предпосылая ей, въ сокращеніи, замѣчанія автора о положеніи села Ольшанки и о характерѣ мѣстнаго населенія; точно также не считаемъ себя въ правѣ опустить и замѣтокъ о мѣстныхъ древностяхъ, которыя могутъ пригодиться для археолога.

В. Я.

Село Ольшанка находится въ херсонской губерніи, въ елисаветградскомъ уѣздѣ, въ ольшанской волости, при рѣкѣ Синюхѣ, на мѣстѣ бывшаго когда-то Ольшанскаго шанца. Названіе свое Ольшанка получила отъ имени ручейка Ольшаны, протекающаго по юго-восточной сторонѣ селенія и впадающаго въ рѣку Синюху. Ручеекъ Ольшана получилъ свое названіе, какъ говоритъ преданіе, отъ небольшаго лѣска, который находился когда-то на вершинѣ балки, съ восточной стороны села, по теченію ручейка Ольшаны и состоялъ изъ деревьевъ ольхи. Находили въ балкѣ засыпанными въ почвѣ и дубовыя деревья. Кромѣ настоящаго названія, Ольшанка имѣетъ еще и другое, древнее — Маслова, которое, говорятъ, получила отъ имени одного изъ первыхъ поселенцевъ, жившихъ здѣсь еще до прихода настоящихъ жителей ольшанскихъ—болгаръ. До настоящаго столѣтія Ольшанка называлась «Ольшанское село».

Вся земля ольшанцевъ, за небольшимъ исключеніемъ, находится на ровной, возвышенной и открытой мѣстности, съ одиноко стоящими по мѣстамъ нагими степными курганами. Больше кургановъ видно на возвышенностяхъ по рѣкѣ Синюхѣ, бывшей границею между Польшей и Россіей: это, очевидно, были пограничные сторожевые посты запорожскихъ козаковъ, какъ говорятъ и мѣстные старожилы. Но есть курганы и въ глубинѣ степей, на возвышенныхъ равнинахъ. Такъ, имѣютъ свои названія: Новакова могила, съ столбообразнымъ камнемъ на ней, Брингачева могила, Чернева могила, Остра могила, Раскопанная могила. Эта послѣдняя дѣйствительно разрыта; разрывается она охотниками до кладовъ—нѣкоторыми крестьянами деревни Осичокъ и теперь, но въ глубинѣ ея могли только дорыться до чего-то въ родѣ погреба, выложеннаго камнемъ. Она находится по дорогѣ изъ Ольшанки въ

село Добрянку, на шестой или пятой верстѣ, на возвышенности. Такая же раскопанная могила, съ двумя меньшими, находится по дорогѣ въ городъ Ольвіополь изъ Ольшанки, на 12-й верстѣ. На юго-востокъ отъ Ольшанки, по дорогѣ въ село Исаевку, на четвертой или пятой верстѣ, по правую руку, стоитъ громадный курганъ и поодаль отъ него, въ линію, еще 3—4 меньшихъ. Недавно около этого большаго кургана охотники сложили сажени двѣ камня, которымъ былъ обложенъ весь курганъ. Кургана самаго не разрывали, но на вершинѣ его имѣется впадина съ отверстіемъ на юго-западъ. Квартировавшіе въ Ольшанкѣ офицеры военнаго поселенія называли этотъ курганъ «Суворовскимъ», объясняя это тѣмъ, что Суворовъ, въ войнѣ съ Турціей или съ Польшей, стоялъ здѣсь лагеремъ и на этомъ курганѣ находилась будто бы его палатка. Говорятъ, что на военныхъ картахъ этотъ курганъ и значится «Суворовскимъ». Есть еще около села Чумная могила. Она стоитъ надъ самою рѣкою Синюхою, на высокомъ утесѣ, въ одной верстѣ по дорогѣ изъ Ольшанки къ Осичкамъ. Насыпь эта когда-то видно была высокая, сдѣлана въ формѣ трехугольника и обкопана глубокой и широкой траншеей. Здѣсь погребены всѣ умершіе во время чумы, бывшей въ Ольшанкѣ въ 1812 году. Здѣсь же, между чумной могилой и селомъ, по-надъ рѣкой тянутся на плоской, какъ будто нивеллированной, равнинѣ какія-то, едва уже возвышающіяся надъ уровнемъ земли, но правильно расположенныя, земельныя сооруженія или окопы. Одни изъ старожиловъ говорятъ, что это былъ чумный кварталъ, съ палатками для заболѣвающихъ и выздоравливающихъ, а другіе, позднѣйшіе, что тамъ же былъ расположенъ лагеремъ полкъ рабочихъ солдатъ или депо для устройства, при введеніи военныхъ поселеній, госпиталя и другихъ казенныхъ зданій. На чумной могилѣ въ настоящее время водруженъ крестъ.

Къ числу приходскихъ памятниковъ можно отнести и такъ называемыя въ народѣ «фигуры», или большіе кресты, стоящіе при дорогахъ и въ другихъ мѣстахъ. Такихъ крестовъ, поставленныхъ по разнымъ случаямъ, особенно по поводу бывшихъ эпидемій, имѣется у насъ въ приходѣ болѣе десяти. Нѣсколько ихъ стоитъ въ самомъ селеніи, при въѣздѣ и выѣздѣ изъ него, два при колодцахъ и одинъ при церкви, а остальные въ степи, при раздѣленіи дорогъ.

Устроены они всѣ въ одной почти формѣ: на крестѣ изображено распятіе Господне, по бокамъ трости и другія орудія страданій Господнихъ, затѣмъ иногда 30 сребренниковъ, ангелы предстоящіе, надписи и проч.; нѣкоторые огорожены рѣшеткой.

Отличительныя черты нравовъ и характера ольшанскихъ жителей болгаръ—это консервативность во всемъ, кастовая замкнутость, домовитость, семейственность, трудолюбіе, умѣренность во всемъ до скупости и, сравнительно, трезвенность. По своему южному темпераменту, большая часть изъ нихъ весьма горячи и склонны къ мщенію, но вмѣстѣ съ тѣмъ добры и чрезвычайно терпѣливы, готовы къ примиренію. Постоянство въ терпѣніи, выносливость и умѣренность болгаръ часто меня удивляли. Любятъ легальность, любятъ слѣдовать разъ установившимся порядкамъ, но на прогрессѣ въ чемъ бы то ни было туги и вообще мало предпріимчивы. Въ обыденной жизни радушны и гостепріимны, но не до увлеченій; свадебныя только пиршества у нихъ тянутся долго, и то преимущественно съ своими же родными. Въ словѣ многіе еще очень честны: твердо держатъ данное слово, но часто очень долго и туго выполняютъ его, въ отношеніи, напримѣръ, отдачи долговъ, свадебныхъ подарковъ и проч.

Ольшанка населилась исключительно болгарами, вышедшими изъ Турціи въ 1773 году. Въ семъ году, во время бывшей тогда войны Россіи съ Турціей, болгары ольшанскіе вышли изъ села Флатарь, изъ подъ-Силистріи, въ числѣ 400 почти семействъ, на жительство въ Россію. Были также между ними переселенцы и изъ другихъ мѣстъ, изъ-подъ Рущука и Виддина, даже изъ Добруджи; это послѣднее видно изъ того, что и теперь еще одна часть населенія Ольшанки называется «добруджанами». Главнокомандующій русской арміей въ Турціи графъ Румянцевъ принялъ ихъ милостиво и поручилъ маіору Штеричу съ 72 гусарами провести отъ рѣки Дуная до крѣпости святыя Елисаветы (нынѣ городъ Елисаветградъ). Прибывъ туда осенью 1773 года, они были размѣщены на зимовлю въ селеніяхъ Дмитровкѣ, Аджамкѣ и Диковкѣ, пока Румянцевъ не прибылъ въ городъ Кременчугъ, и тогда, по совѣ-

щаніи съ мѣстнымъ начальствомъ, ихъ поселили (въ 1774 г.) на избранномъ ими самими урочищѣ, при рѣкѣ Синюхѣ, на настоящемъ мѣстѣ. Здѣсь, по преданію, было уже нѣсколько хижинъ поселенцевъ—молдаванъ, которыхъ выселили въ сосѣднія села молдаванскія: Синюхинъ Бродъ и Лысую гору.

Болгары—ольшанцы, поселившись на земляхъ, отведенныхъ прежнимъ выходцамъ изъ Турціи, названнымъ «войскомъ бугскимъ», тотъ-часъ же вошли въ составъ бугскаго войска, а за тѣмъ и бугскихъ козаковъ.

Отъ этой эпохи документовъ историческихъ никакихъ почти не осталось, а память народная передаетъ намъ еще меньше. Одинъ только quasi документъ проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на темное прошедшее прихода: это выписка изъ «Памятника законовъ о бугскихъ козакахъ», свѣренная и подписанная окружнымъ начальникомъ, полковникомъ и скрѣпленная окружнымъ аудиторомъ. Она была, какъ видно изъ переписки, поднесена министрами военнымъ и внутреннихъ дѣлъ на высочайшее воззрѣніе въ 1803 году, и копія съ нея найдена мною при дѣлахъ бывшаго окружнаго комитета 12-го округа военнаго поселенія. Въ ней читаемъ:

Начало и перемѣны бугскаго войска.

«Войско сіе восприяло начало свое въ 1769 году и образовалось изъ людей иноплеменныхъ. Въ бывшую тогда противъ Россіи турецкую войну, когда россійская армія находилась подъ Хотиномъ, собранъ былъ Портою полкъ изъ молдаванъ, волоховъ и изъ другихъ христіанскихъ народовъ, за Дунаемъ живущихъ. Люди сіи, вмѣсто того, чтобы сражаться противъ Россіи, оставили родину и семьи свои и явились къ командовавшему арміей, генералъ-фельдмаршалу, графу Румянцеву-Задунайскому, которымъ были приняты и служили подъ знаменами его на собственномъ иждивеніи во все продолженіе той войны безотлучно».

«Когда война окончилась, гр. Румянцевъ увѣрилъ ихъ, что подъ покровительствомъ русской державы найдутъ они покойную жизнь и награждены будутъ выгодными для поселенія и обзаведенія землями, при чемъ объявленъ былъ и манифестъ, обѣщающій имъ 30-лѣтнюю льготу. Почему, оставивъ жилища свои въ Молдавіи, Валахіи и за Дунаемъ, они перешли въ предѣлы россійскіе и по-

селились по рѣкѣ Бугу, а въ сосѣдствѣ съ ними, по той же рѣкѣ водворился и другой полкъ, также составленный во время войны изъ разныхъ иностранцевъ, извѣстный тогда подъ именемъ «новоябербованнаго козачьяго полка». По пустотѣ отведеннаго для поселенія ихъ мѣста и отдаленности его отъ городовъ, обзавелись они съ великимъ трудомъ и пользовались обѣщанною имъ льготою восемь только лѣтъ».

Къ этому времени относятся ходящіе въ приходѣ разсказы старожиловъ, что когда осмотрѣлись болгары на своихъ новыхъ жилищахъ и не нашли здѣсь ни садовъ, ни виноградниковъ, встрѣчая вездѣ одну только голую степь и безлюдье, то возроптали на свою судьбину и стали крѣпко скучать о прежнемъ Египтѣ, изъ котораго бѣжали. Многіе, пользуясь близостью границы, эмигрировали обратно: нѣкоторые черезъ рѣку Бугъ въ нынѣшнюю Голту—бывшее турецкое урочище, а другіе, черезъ рѣку Синюху, въ нынѣшнюю каменецъ-подольскую губернію—бывшую тогда Польшу, а оттуда въ Турцію. Русское правительство вынуждено было перехватывать бѣглецовъ и тогда пойманнымъ отрѣзывали косы (которыя носили всѣ болгары) и отдавали ихъ въ солдаты, въ регулярныя войска, и по выслугѣ уже всей службы возвращали опять на мѣсто новаго жительства, въ Ольшанку. Продолжаемъ выписку «Памятника».

«Въ 1783 году, по повелѣнію князя Потемкина, они поступили паки на службу и содержали по рѣчкѣ Бугу противъ турокъ кордоны.

Въ 1787 году, когда открылись со стороны Порты вновь непріятельскія дѣйствія, люди сіи перемѣщены были княземъ Потемкинымъ отъ рѣки Буга во внутрь губерніи, за 200 верстъ, въ селенія Красносельскія, имъ купленныя. По пришествіи же къ границамъ россійской арміи, они возвращены опять на прежнія жилища. Но сими перемѣщеніями перетерпѣли они крайнее разстройство».

Старожилы говорятъ, что перемѣщеніе въ красносельскія селенія и подъ Бахмутъ екатеринославской губерніи коснулось нѣкоторыхъ переселенцевъ турецкихъ, но что собственно болгары-ольшанцы перемѣщаемы не были и оставались на мѣстѣ.

«Въ 1788 году сформированъ былъ изъ выходцевъ сихъ полуторатысячный козачій полкъ, который до заключенія мира на-

ходился въ безпрерывномъ дѣйствіи и былъ при штурмѣ крѣпостей Очакова и Измаила. Въ продолженіи сей войны многіе изъ бугцевъ побиты и ранами изувѣчены, а вдовы и сироты ихъ оставлены безъ довлѣющаго призрѣнія. Наконецъ употребленъ былъ полкъ сей противъ польскихъ мятежниковъ и охранялъ по рѣкѣ Днѣстру и берегамъ Чернаго моря границу. За все то время по многимъ требованіямъ не удовлетворены они заслуженными за фуражъ и провіантъ деньгами».

И теперь еще помнятъ нѣкоторые изъ старожиловъ фамиліи тѣхъ лицъ изъ ольшанцевъ, которые находились въ бугскомъ козачьемъ кавалерійскомъ полку и принимали участіе въ штурмѣ турецкихъ крѣпостей Очакова и Измаила.

«Въ 1796 году покойная государиня императрица, во уваженіе усердной сего полка службы и претерпѣнныхъ изнуреній, всемилостивѣйше повелѣла князю Зубову оставить оный полкъ навсегда на службѣ и причислить къ сему сословію 3,796 душъ, купленныхъ княземъ Потемкинымъ у разныхъ помѣщиковъ, снабдить приличнымъ штатомъ, назначить при рѣкѣ Днѣстрѣ пограничную землю, офицеровъ наградить чинами, отвесть имъ ранговыя дачи и удовлетворить всѣми прежде заслуженными суммами, но за кончиною ея величества все сіе оставлено безъ исполненія.

«Въ 1797 году покойный государь императоръ повелѣлъ распустить полкъ сей изъ службы въ домы, при чемъ не сдѣлано ни какого постановленія, на какомъ положеніи впредь ему оставаться; одна часть его тогда же распущена, а другая оставалась при содержаніи кордоновъ по Днѣстру и Черному морю до 1800 года, а потомъ и она распущена и всѣ люди сіи поверстаны въ крестьянское состояніе. Число ихъ, кромѣ поселенныхъ на принадлежащихъ имъ дачахъ 600 душъ болгаръ, состоитъ нынѣ съ причисленными послѣ ревизіи изъ 6,383 мужеска пола душъ, водворенныхъ въ трехъ уѣздахъ: елисаветградскомъ. ольвіопольскомъ и херсонскомъ. Дворовъ у нихъ 1,595, земли удобной 169,758 деситинъ».

По обращеніи всего бугскаго войска въ крестьянское сословіе и по надѣленіи офицеровъ ихъ земельными угодьями, многіе изъ новыхъ помѣщиковъ сихъ стали заселять подаренные имъ правительствомъ участки пустопорожней земли разнымъ бродячимъ по

южнымъ степямъ людомъ. Вслѣдствіе этого, какъ говорятъ старожилы, пошла глухая, но упорная молва между всѣми выходцами изъ Турціи, что паны и ихъ всѣхъ закрѣпостятъ. Тогда ольшанцы-болгары, какъ помнятъ еще нѣкоторые, при посредствѣ какого-то «капитана» (вѣроятно, упоминаемаго ниже Хмельницкаго), вытребовали себѣ на обѣщанную имъ прежде льготу грамоту, за которою отправлялись депутаціей въ Полтаву, откуда и привезли ее и хранили у своего выборнаго начальника, «пана Ивана», какъ называютъ его, въ воспоминаніяхъ и теперь еще. Между тѣмъ всѣ бугскіе козаки обратились съ коллективною просьбою къ государю и просили о возстановленіи прежнихъ, данныхъ имъ правъ и о обращеніи ихъ снова въ служилое войско. По неимѣнію на этотъ предметъ другихъ данныхъ, обращаюсь опять къ прерванной выпискѣ изъ «Памятника законовъ», въ которомъ обстоятельно и подробно изложено это дѣло.

«Повѣренный отъ сихъ козаковъ, капитанъ Хмѣльницкій подалъ 12 сентября 1801 года просьбу на высочайшее имя о обращеніи ихъ паки на службу изъ крестьянскаго состоянія. Дѣло сіе подносимо было отъ генералъ-прокурора Беклешова на благоусмотрѣніе его императорскаго величества и по высочайшей волѣ предложено совѣту. По мнѣнію его опредѣлено до времени оставить бугскихъ козаковъ въ настоящемъ ихъ крестьянскомъ состояніи, а между тѣмъ черезъ генерала Михельсона предписано бывшему новороссійскому гражданскому губернатору Миклашевскому на мѣстѣ обозрѣть селенія сихъ козаковъ и удостовѣрясь, подлинно ли всѣ они желаютъ возстановленія въ первобытное состояніе, представить вмѣстѣ съ своими замѣчаніями. Вслѣдствіе сего генералъ Михельсонъ поднесъ собранныя губернаторомъ Миклашевскимъ о бугскихъ козакахъ слѣд. свѣдѣнія обще съ мнѣніемъ своимъ на благоусмотрѣніе его императорскаго величества.

Причины, требующія возстановленія бугскихъ козаковъ въ первобытное ихъ состояніе.

1) Бугскіе козаки, изъ иноплеменныхъ (странъ) перешедшіе въ Россію и всегда вѣрно ей служившіе, службою пріобрѣли себѣ право на преимущества своего званія; отвыкнувъ чрезъ долговре-

менное упражненіе въ военномъ дѣлѣ отъ крестьянскаго состоянія они противъ воли ихъ были въ оное причислены.

2) Бывъ обращены въ прежнее ихъ положеніе козачьихъ войскъ, могутъ они, на своемъ иждивеніи, оставаясь, такъ сказать, въ домахъ своихъ, содержать кордонную на границѣ стражу. Стража сія будетъ самая надежная, ибо, защищая границы, защищать будутъ они свои жилища; казна избавится черезъ сіе довольно важныхъ издержекъ, нужныхъ на приводъ изъ отдаленности войска и на содержаніе его въ пограничныхъ мѣстахъ.

3) Возстановленіе бугскихъ козаковъ изъ нынѣшняго въ первобытное ихъ состояніе полезно будетъ и для внутренняго устройствт всего новороссійскаго края: ибо, по новости его, по обширности степей, по разнообразію народа, въ немъ обитающаго, нерѣдко встрѣчается земской полиціи надобность въ подкрѣпленіи военномъ; для сего иногда цѣлые донскіе полки внутри его содержались на счетъ казны. Бугское же войско, живя въ домахъ своихъ, на всякій случай достаточнымъ подкрѣпленіемъ земской полиціи служить будетъ.

4) Устроеніемъ жребія сихъ козаковъ подается примѣръ воздаянія заслугамъ и тѣмъ самымъ привлекается болѣе еще ихъ соотчичей въ предѣлы Россіи.

5) Обращеніемъ сихъ козаковъ въ первобытное ихъ состояніе казна потеряетъ доходу до 1,500 рублей, но сія потеря, въ сравненіи съ выгодами, отъ того ожидаемыми, не можетъ быть уважительна, тѣмъ болѣе, что по силѣ обѣщанной имъ 30-лѣтней льготы во все сіе время должны они свободны быть отъ государственныхъ повинностей.

И такъ, возстановленіе бугскихъ козаковъ въ первобытное ихъ состояніе не только исполнитъ мѣру справедливости, но принесетъ пользу какъ имъ, такъ и государству. На какомъ же основаніи произвести сіе возстановленіе, имѣемъ счастіе представить здѣсь на благоусмотрѣніе вашего императорскаго величества наше мнѣніе, раздѣливъ его по существу предмета на 3 части.

А. Образованіе части воинской.

1) Обративъ бугскихъ козаковъ, согласно мнѣнію генерала Михельсона, въ первобытное ихъ воинское состояніе, съ присово-

купленіемъ къ нимъ и тѣхъ 600 болгаръ, кои въ послѣдствіи на ихъ земляхъ поселились и участь ихъ раздѣлить желаютъ, учредить изъ нихъ, подъ начальствомъ войскового атамана, три пятисотные нерегулярные полка подъ названіемъ бугскихъ козачьихъ. Одинъ полкъ всегда по очереди долженъ содержать кордонную на границѣ стражу, а но востребованію нужды и всѣ три могутъ быть высланы на службу».

Въ слѣдующихъ пунктахъ говорится о томъ, что количество чиновъ въ полку и устройство его должно быть такое же точно, какъ въ донскомъ и черноморскомъ козачьихъ войскахъ, что мѣста офицеровъ должны занять служащіе нынѣ въ бугскихъ войскахъ, или избранные вновь изъ того же войска; чтобы служба отправлялась по очереди и лично, безъ всякихъ наймовъ и замѣновъ; офицерамъ, командируемымъ на кордонную службу далѣе 100 верстъ отъ мѣста жительства и вообще командируемымъ на службу, выдавать изъ государственной казны жалованье по окладу армейскихъ гусарскихъ полковъ, а простымъ козакамъ по 12 р. въ годъ и провіантъ, полковому писарю по 30 р. въ годъ и провіантъ, а также фуражъ для лошадей. Порохъ и свинецъ отпускать, какъ и прочимъ козакамъ, изъ артиллерійскаго вѣдомства.

B. Гражданское и экономическое устройство.

Учреждается войсковая канцелярія подъ предсѣдательствомъ войсковаго атамана, двухъ членовъ непремѣнныхъ изъ штабъ-офицеровъ и двухъ ассесоровъ по выбору на 3 года. По гражданской части состоятъ въ вѣдомствѣ мѣстнаго губернскаго начальства и въ особенности управляющаго губерніей. Канцелярія состоитъ на иждивеніи козаковъ; она участвуетъ въ постройкѣ мундировъ, сбруи и пр., созываетъ обывателей и на ихъ волю отдаетъ выборъ расходчиковъ, сборъ и раскладку суммъ и пр.

C. Особыя постановленія для войска бугскаго.

1) Предоставить бугскимъ козакамъ право пріумножать сословіе ихъ людьми изъ заграницы, имъ единоплеменными, какъ-то: молдованами, волохами, болгарами и пр., къ чему они, содержа по Днѣстру стражу, могутъ имѣть всякую удобность; но строго запретить имъ, для предупрежденія могущихъ случиться злоупотребленій,

принимать природныхъ поселянъ въ козаки, равно какъ и поселять крестьянъ на ихъ землю.

За тѣмъ войску предоставляется землю имѣть общую войсковую, но не воспрещается каждому покупать въ собственность стороннія земли на общемъ положеніи.

4) Состоящіе на бугскихъ козакахъ за послѣдніе годы въ недоимкѣ 15,191 р. 12 к. всѣ простить—какъ по причинѣ разстроеннаго состоянія ихъ отъ бывшихъ переселеній съ мѣста на мѣсто и нѣсколько лѣтъ сряду продолжавшихся тамъ неурожаевъ въ хлѣбѣ, такъ и во уваженіе того, что по силѣ обѣщанной имъ льготы, въ теченіи цѣлыхъ 30 лѣтъ, долженствовали они быть свободны отъ всякихъ повинностей.

5) По сей же причинѣ не взыскивать съ нихъ и рекрутскихъ денегъ, слѣдующихъ по силѣ высочайшаго указа отъ 21 минувшаго сентября за каждаго человѣка по 360 рублей.

Затѣмъ предоставляется николаевскому военному губернатору избрать мѣсто для учрежденія войсковой канцеляріи и проч.

8) Поелику въ нѣкоторыхъ селеніяхъ сихъ козаковъ земли мало, а въ другихъ съ избыткомъ, то при обращеніи ихъ въ воинское состояніе позволить имъ переселиться изъ первыхъ въ послѣднія и въ семъ предоставить имъ полную свободу. Что касается до предполагаемой генераломъ Михельсономъ прибавки бугскому войску земли и отдачи ему всей той, какая между рѣками Бугомъ и Ингуломъ впустѣ находится, то сіе предоставить также мѣстному усмотрѣнію и соображенію николаевскаго военнаго губернатора, равно какъ и всѣ тѣ подробности, какія могутъ быть сверхъ настоящихъ главныхъ положеній нужны къ дальнѣйшему устройству сего войска».

Положеніе сіе во всѣхъ вышеизложенныхъ пунктахъ было поднесено на воззрѣніе государя императора и 28 апрѣля 1803 года высочайше конфирмовано, какъ сказано въ самой выпискѣ; но было ли оно въ тоже время приведено въ исполненіе, на это данныхъ не имѣемъ. Говорятъ старожилы, что бугцы съ нетерпѣніемъ ожидали возстановленія излюбленнаго козачества и нѣкоторые изъ нихъ, какъ слышно тогда было, напримѣръ, вознесенскіе бугцы, волновались даже; но ольшанцы, какъ можно догадываться изъ нѣкоторыхъ документовъ церковныхъ и преданій народныхъ, оставались

въ крестьянскомъ состояніи даже еще спустя полтора десятка лѣтъ, до введенія уланщины бугской или военныхъ поселеній, когда, вмѣсто проэктированныхъ бугскихъ козаковъ, сформированы были изъ бугцевъ, въ томъ числѣ и изъ моихъ прихожанъ, полки бугскихъ уланъ, и ольшанцы вошли въ составъ 4-го бугскаго уланскаго полка. Но такъ какъ до введенія этой реформы прошло 15—18 лѣтъ, то и этотъ небольшой періодъ старины можно все таки освѣтить нѣкоторыми собранными мною данными. Этотъ періодъ можно назвать состояніемъ ольшанцевъ въ сословіи казенныхъ крестьянъ или гражданскимъ состояніемъ, такъ какъ они тогда находились совершенно подъ управленіемъ гражданскаго начальства, избирали изъ среды себя головъ, старостъ и другихъ выборныхъ, имѣли надъ собою начальниками земскихъ засѣдателей, исправниковъ и проч. Ни о какихъ полковникахъ, сотникахъ, хорунжихъ и т. д. не слышно въ народѣ и по документамъ не видно. Потому-то объ этомъ періодѣ, предшествовавшемъ уланщинѣ, или военному поселенію, прихожане старики обыкновенно и теперь говорятъ: «это было еще за гражданства, до поселенія». «За гражданства» первымъ старостою или головою въ Ольшанкѣ былъ, какъ разсказываютъ старики, вышеупомянутый панъ Иванъ (Панта, онъ же Добровъ); фамилія его и теперь еще есть въ приходѣ и довольно распространенная. О немъ осталось въ народѣ такое повѣствованіе. Болгары, не довольные его управленіемъ, и въ особенности какими-то неудовлетворительными общественными разсчетами, собравшись къ его дому, начали его корить и упрекать. Разсерженный панъ Иванъ вынулъ изъ сундука хранившіеся у него какіе-то общественные документы и въ присутствіи всѣхъ бросилъ въ горѣвшую печь, гдѣ они всѣ и сгорѣли. Болгары говорятъ, будто чрезъ уничтоженіе сихъ документовъ они потеряли права свои на льготу и попали въ военные поселяне.

За періодъ «гражданства» у старожиловъ остались самыя отрадныя воспоминанія и преданія. То было доброе старое время, когда всего было въ изобиліи у крестьянскаго люда. Когда пообжились выходцы въ нашихъ степяхъ, познакомились съ ихъ почвой, климатомъ и другими условіями жизни, то увидѣли, что и здѣсь, такъ же, какъ и за Дунаемъ, жить можно безбѣдно и даже въ довольствѣ. Почва, всюду черноземная, была дѣвственна и плодо-

родна, травъ было въ изобиліи, и они никогда не выкашивались, древовидные бурьяны каждый годъ залегали на зиму нетронутыми, давая логовища многимъ звѣрямъ и пристанища птицамъ. По степямъ родили въ изобиліи даровые степные фрукты и ягоды: теренъ, дикія вишни, полуницы (клубника дикая), ожина (ежевика) и многія другія, которыя теперь уже рѣдкостны. На рѣкахъ и прудахъ водились безчисленныя стада дикихъ гусей, утокъ и прочей разной дичи. На поляхъ водилось множество полезныхъ звѣрей, даже стада дикихъ лошадей и козъ. Отъ всего этого теперь и слѣда не осталось уже. На поляхъ также разводили ольшанцы въ большомъ количествѣ пасѣки, даже до нѣсколькихъ сотъ пней. Многіе, послѣ ройбы пчелъ, вывозили ульи въ отдаленныя степи и тамъ, среди громадныхъ бурьяновъ, оставляли ихъ на цѣлое лѣто, забирая потомъ, уже осенью, наполненными медомъ и цѣлыми, ни кѣмъ нетронутыми. Стада овецъ, скота и лошади водились въ изобиліи, выпасаемые на привольныхъ и тучныхъ степяхъ бугскихъ. Это плодородіе и изобиліе земли, обширное и прибыльное скотоводство и овцеводство, цвѣтущее пчеловодство, при трудолюбіи болгаръ, сдѣлало многихъ изъ нихъ зажиточными и богатыми хозяевами.

Въ это доброе, старое время, разсказываютъ старожилы, кромѣ того, что природа благопріятствовала довольству, и сами люди всѣ берегли это доброе. Плугъ, напримѣръ, которымъ работали въ степи, на праздникъ бросали тамъ же, безъ всякаго присмотра, и все было цѣло; такъ же оставляли пасѣки, баштаны, иногда стадо—и никакихъ пропажъ не бывало. Запоры сараевъ, домовъ и пр. были деревянные, а замки считались большею рѣдкостью. Счеты скота, овецъ, пчелъ, даже денегъ никогда не записывались хозяевами или должниками на бумагахъ или роспискахъ, а все это отмѣчалось «карбами», т. е. нарѣзывалось на палочкѣ извѣстное число знаковъ, или карбовъ, означавшихъ число овецъ - приплодовъ, роевъ прибывшихъ, или же число рублей, и то «накарбованное» число было не нарушимо и свято съ обѣихъ сторонъ велось и сохранялось. Старики говорятъ, что люди тогда были дѣйствительно очень просты и неумны очень, теперь же молодое поколѣніе гораздо умнѣе, расторопнѣе и хитрѣе, но все это направлено только къ худу, а прямоты и честности прежней не видно.

Въ 1818 году начала вводиться реформа бугскихъ поселенцевъ. Реформа эта была въ началѣ строго военнаго режима. По принятіи поселянами присяги на вѣрность военной службы, всѣ годные и молодые были приняты въ 4-й бугскій уланскій полкъ, а прочіе оставались въ резервѣ и занимались хозяйствомъ. Всѣ здоровыя дѣти—мальчики отъ 7 лѣтъ были забраны въ военныя кантонистскія школы и тамъ учились грамотѣ и разнымъ военнымъ артикуламъ до 18 лѣтъ. Послѣ 18 лѣтняго возраста юноши поступали на пополненіе состава того же 4-го уланскаго полка и служили вмѣстѣ съ своими братьями и родителями. Каждый изъ нихъ былъ обмундированъ въ аммуницію синяго сукна и имѣлъ верховую лошадь; оружіе его состояло изъ пики, сабли и двухъ пистолетовъ. Для дѣтей военныхъ поселянъ 4-го бугскаго полка былъ устроенъ въ Ольшанкѣ такъ называвшійся кантонистскій дивизіонъ, гдѣ ихъ обучали и измала подготовляли къ военной службѣ. Каждый мальчикъ имѣлъ деревянную саблю и деревянный карабинъ, съ помощью которыхъ учился военнымъ артикуламъ на деревянной же лошади, а иногда при помощи деревянныхъ же пушекъ, обтянутыхъ листовою мѣдью. Неспособныхъ къ строевой службѣ учили разнымъ искусствамъ и ремесламъ: портняжному, столярному, малярному, слесарному, а также отдавали въ особо заведенныя военныя школы: фельдшерскія, писарскія, таксаторскія (топографовъ) и др. Здѣсь же въ Ольшанкѣ былъ учрежденъ такъ называемый штабъ 4-го уланскаго полка и здѣсь была резиденція администраціи какъ дѣйствующаго полка уланъ, такъ и поселенныхъ резервныхъ его эскадроновъ. Здѣсь были устроены: военный госпиталь, дворецъ царскій и домъ для проѣзжающихъ военныхъ начальственныхъ лицъ, съ огромной залой для пѣшихъ ученій кантонистовъ, манежъ для конныхъ ученій зимою, трубаческая школа для военныхъ музыкантовъ, гауптвахта, полковая канцелярія, комитетъ окружной и пр. Здѣсь же, въ штабѣ, построены были квартиры для военныхъ начальствующихъ лицъ: полковника, казначея, квартирместра и др., а также для госпитальнаго персонала дивизіоннато, капельмейстера, ветеринара, инженера и пр.

Въ Ольшанку, какъ штабъ 4 го бугскаго полка, часто наѣзжали для смотровъ и ревизій разныя административныя лица: дивизіонные корпусные генералы и инспекторы военныхъ поселеній: гр. Арачеевъ,

гр. Виттъ и гр. Никитинъ. Инспекторы производили смотры по преимуществу въ полномъ сборѣ бугскихъ уланъ, военныхъ кантонистовъ и военныхъ поселянъ въ одномъ пунктѣ и чаще всего въ гор. Вознесенскѣ, какъ штабѣ четырехъ бугскихъ полковъ. Послѣ смотровъ, всѣхъ уланъ, большихъ и недорослей, распускали на полевыя и домашнія работы, а затѣмъ опять собирали для военныхъ упражненій.

Военный режимъ этого времени положилъ свою печать на всѣ части управленія поселеній. Онъ коснулся даже церквей и духовенства. Сейчасъ по введеніи военныхъ поселеній церковь ольшанская была сдана подъ вѣдомство вознесенскаго военнаго благочиннаго Θеофилакта Башинскаго, который назывался и писался «дивизіонный благочинный бугской уланской дивизіи». Въ Ольшанкѣ же, какъ и въ штабѣ каждаго бугскаго уланскаго полка, одинъ священникъ назначался на весь полкъ, или округъ старшимъ и писался «старшій окружной священникъ», будучи помощникомъ дивизіонному благочинному, у котораго такихъ окружныхъ священниковъ было четыре. Затѣмъ были при штабѣ особенные «штабные діаконы», ведшіе все письмоводство церквей округа при старшемъ окружномъ священникѣ. Благочинные и старшіе священники имѣли обязательно форменныя рясы темно-зеленаго сукна съ краснымъ подбоемъ, а рядовые священники и діаконы—рясы такого же сукна, но съ голубымъ подбоемъ, причетники носили такіе же подрясники и волосы у нихъ должны были быть заплетены въ косу съ голубой лентой. Такую форму издало военное начальство поселеній. Для вознагражденій за требоисправленія военнымъ начальствомъ введена была извѣстная «аракчеевская такса». При совершенной организаціи военныхъ поселеній, церкви и духовенство его испытали на себѣ много перемѣнъ и вліянія со стороны высшаго военнаго начальства. Такъ, церкви въ военныхъ поселеніяхъ начали строиться по особымъ планамъ, изданнымъ военнымъ начальствомъ, въ формѣ квадратнаго креста, введены были однообразныя форменныя церковныя облаченія зеленой матеріи съ золотистыми квадратными крестами, форменныя хоругви—круглыя, металическія, съ сіяніемъ на трехъ древкахъ. Встрѣчи военно-начальствующихъ лицъ въ церкви съ крестомъ и святой водой были обязательны для приходскихъ священниковъ, которые выходили встрѣчать этихъ лицъ не-

премѣнно въ форменныхъ церковныхъ облаченіяхъ. Оффиціальными ктиторами церквей были впослѣдствіи, кромѣ избранныхъ поселянъ, военные волостные командиры, которыми часто состояли иновѣрцы-нѣмцы и поляки. Старостами при штабѣ въ послѣднее время былъ устроенъ и свѣчной заводъ, откуда свѣчами снабжались обязательно всѣ церкви полка или округа, и куда опять свозились всѣ огарки и воскъ для выдѣлки новыхъ свѣчъ. Контроль надъ производствомъ и продажей восковыхъ свѣчъ былъ какъ со стороны духовнаго начальства, такъ и со стороны военнаго, и ежемѣсячная выручка отъ продажи свѣчей въ церквяхъ, а также кошельковая въ концѣ каждаго мѣсяца, представлялась отъ всѣхъ церквей старшему окружному священнику, который ежемѣсячно же сдавалъ сумму въ окружной комитетъ. Въ концѣ года, впрочемъ, отчетъ представлялся дивизіонному благочинному, при которомъ была также небольшая канцелярія съ письмоводителемъ, или военнымъ писаремъ, на казенномъ содержаніи. Въ духовныя правленія причты военныхъ поселеній уже не относились и подчинены были, кромѣ епархіальнаго начальства, ближайшему и широкому вѣдѣнію дивизіоннаго благочиннаго, купно и военнаго начальства.

Хотя духовенство церквей военныхъ поселеній и зависѣло много отъ военнаго начальства, но за то оно всегда почти пользовалось его вниманіемъ къ своему матеріальному положенію и мощнымъ покровительствомъ. Благочинные, напримѣръ, и старшіе священники всегда разъѣзжали по своимъ районамъ по дѣламъ службы на лошадяхъ безплатныхъ; благочинному выдавалось по открытымъ листамъ 4 лошади, а окружному священнику 2. Квартиры почти у всѣхъ священно и церковнослужителей, не имѣвшихъ собственныхъ домовъ, были отъ военныхъ поселеній. Отопленіе и прислуга священникамъ были также отъ поселенія: священнику давался для прислуги инвалидъ-солдатъ, или кантонистъ, и на него отпускалось все содержаніе отъ военнаго поселенія, даже отпускался ежемѣсячно провіантъ, на каждаго служителя по 2 четверика муки и по $1^1/_2$ гарнца крупъ. Затѣмъ, при полномъ развитіи военныхъ поселеній и при введеніи штатовъ, духовенство получило на каждый причтъ полную пропорцію подцерковной земли, а двухъ-штатный причтъ—двойную пропорцію, 198 десятинъ. Всему духовенству назначено было казенное жалованье: священникамъ старшимъ по

147 рублей, младшимъ по 114 р., штатнымъ діаконамъ по 85 р., дьячкамъ по 36, пономарямъ по 17 р. и просфорнямъ по 14 руб. Духовенство военныхъ поселеній въ селахъ прежде всего и стало получать установленныя за службу пенсіи. Въ годы неурожайные духовенству наличному, а также его сиротамъ и вдовамъ выдавался изъ запасныхъ магазиновъ военныхъ поселеній провіантъ мукою и зерно на обсѣмененіе полей. Духовенство военныхъ поселеній пользовалось безплатнымъ лѣченіемъ въ мѣстныхъ госпиталяхъ и имѣло много другихъ выгодъ и услугъ со стороны администраціи военныхъ поселеній.

Въ 1820 году Ольшанку посѣтилъ блаженной памяти государь императоръ Александръ Павловичъ вмѣстѣ съ августѣйшимъ братомъ своимъ Николаемъ Павловичемъ. О посѣщеніи государя вотъ что помнятъ старожилы. Государь пріѣхалъ въ Ольшанку изъ Лысой Горы и здѣсь ночевалъ, такъ какъ тутъ былъ устроенъ такъ называемый дворецъ. На другой день утромъ посѣтилъ ольшанскую церковь, затѣмъ на площади церковной дѣлалъ смотръ бугскимъ уланамъ, бесѣдовалъ милостиво съ стариками, разспрашивалъ о хлѣбопашествѣ и о томъ, какой хлѣбъ лучше здѣсь родитъ и гдѣ поселяне его сбываютъ. Поселяне отвѣчали, что лучше всего родитъ пшеница арнаутка и что возятъ ее для продажи въ Одессу. Помнятъ еще одинъ случай великодушія государя, когда онъ, идучи со смотра уже во дворецъ, встрѣтилъ сидѣвшаго около дома старика, мало видѣвшаго болгарина Іосифа и спросилъ его: сколько тебѣ, старикъ, лѣтъ? Старикъ отвѣчалъ: сто лѣтъ. Государь далъ ему тутъ же 100 рублей на его старость. Такое милостивое обхожденіе государя подало болгарамъ ольшанцамъ смѣлость просить монарха объ освобожденіи ихъ отъ военнаго поселенія и возвращеніи имъ льготныхъ правъ колонистовъ; но крѣпко боялись они своего военнаго начальства, а потому ухитрились, говорятъ старожилы, вотъ что сдѣлать. Приготовивъ прошеніе государю, въ которомъ, ни на кого и ни на что не жалуясь, просили о возвращеніи дарованной имъ при переселеніи изъ Турціи льготы, они вручили его подъ глубокой тайной избранному расторопному болгарину Іорданчику для подачи государю по отъѣздѣ изъ Ольшанки, въ

пути. Государь выѣхалъ изъ Ольшанки на с. Добрянку и здѣсь, на дорогѣ, нагналъ царскій поѣздъ Іорданчикъ, съ бумагой въ рукѣ. Остановивъ одну изъ каретъ поѣзда, онъ сунулъ прошеніе сидѣвшему въ ней лицу и умчался на лихомъ конѣ безъ оглядки въ степь. Объ этомъ, говорятъ, было большое разслѣдованіе, но оно, за всѣми розысками, не открыло, кто подалъ прошеніе отъ имени ольшанцевъ; ольшанцы, страха ради, совсѣмъ отреклись отъ прошенія и изложенныхъ въ немъ пожеланій, и оно осталось безъ всякихъ послѣдствій.

Съ 1827 года ольшанцы и остальные мѣстные военные поселяне, сохранивъ за собою это послѣднее наименованіе, перестали называться бугскими уланами. Не извѣстно мнѣ, по какому государственному акту или распоряженію уланщина была упразднена, а могу констатировать изъ повѣствованій живыхъ еще поселенскихъ дѣятелей того времени слѣдующіе факты измѣненій въ военныхъ поселеніяхъ. Въ 1827 году уланы бугскіе изъ мѣстныхъ поселянъ и резервы ихъ были совсѣмъ разоружены и распущены для занятія хозяйственными дѣлами; но извѣстно, что въ слѣдующемъ году 4-й бугскій полкъ выступилъ въ походъ и участвовалъ въ турецкой компаніи (въ числѣ участвовавшихъ въ ней было до 60 человѣкъ ольшанцевъ). Дѣти всѣхъ уланъ бугскихъ были также распущены изъ кантонисткихъ дивизіоновъ и возвращены родителямъ, всѣ военныя ученія и смотры отмѣнены. Селенія поселянъ стали именоваться уже не дивизіонами или поселенными эскадронами, а просто «военными селеніями», поселяне назывались «военными поселянами». Взамѣнъ оружія и аммуниціи уланъ, поселяне носили установленную для нихъ форменную одежду, состоявшую изъ козакина сѣраго сукна съ такимъ же кушакомъ, и круглой, того же матеріала, фуражки, съ выставленными на ней красными буквами для ольшанцевъ, напр. «12. О. Н. В. П.» (12-го округа новороссійскаго военнаго поселенія). Бугскіе уланскіе полки стали именоваться по названіямъ городовъ военнаго поселенія; такъ 4-й бугскій уланскій полкъ названъ ольвіопольскимъ и комплектовался уже людьми изъ общаго рекрутскаго набора, какъ и другіе войска имперіи. Въ учрежденные кантонистскіе дивизіоны набирали дѣтей солдатскихъ и преимущественно сиротъ изъ разныхъ мѣстъ имперіи и здѣсь приготовляли ихъ наукою къ военной службѣ. Дѣти же военныхъ

поселянъ стали поступать на службу по рекрутскому набору на общемъ положеніи. Военные поселяне могли уже заниматься исключительно хозяйствомъ, и бугскіе козаки и уланы снова стали хлѣбопашцами. Они пользовались тѣми льготами, что не несли никакихъ государственныхъ денежныхъ налоговъ, пользовались землею въ полномъ избыткѣ и безплатно и были подъ опекою и попеченіемъ военнаго начальства. За то они были обязаны, занимаясь свободно хозяйствомъ, снабжать квартировавшій въ округѣ полкъ провіантомъ, фуражемъ, отопленіемъ и квартирами. Вмѣсто кавалерійскихъ начальниковъ, у нихъ явились такъ называемые поселенные: окружные, волостные командиры и низшіе—вахмистры, карабинеры и прочіе военные чины. А потому во всемъ, даже и въ хозяйственныхъ занятіяхъ, царила все таки строгая военная дисциплина, поддерживаемая военными начальниками. И не смотря на все это, положеніе ольшанцевъ и вообще военныхъ поселянъ въ это время, по отзывамъ старожиловъ, было очень удовлетворительно.

20 апрѣля 1828 года получено было оффиціальное извѣщеніе о прибытіи въ нашъ край государя императора. Между тѣмъ, по документамъ видно, что Ольшанку и церковь ея посѣтила въ этомъ году (12 сентября) августѣйшая супруга его, государыня императрица Александра Ѳеодоровна. Изъ разсказовъ старожиловъ извѣстно, что государыня въѣхала въ Ольшанку ночью, при большой, устроенной военнымъ начальствомъ иллюминаціи изъ бочекъ, горѣвшихъ на возвышенностяхъ вокругъ села, и изъ плошекъ, горѣвшихъ по улицамъ. Государыня ночевала во дворцѣ, а на другой день была въ церкви. Въ церковной оградѣ наканунѣ насаженъ былъ садъ изъ разныхъ деревьевъ, которыя и днемъ и ночью изобильно поливали водой, поддерживая зелень и свѣжесть къ пріѣзду государыни, что военно-поселенной администраціей часто практиковалось при смотрахъ начальствующихъ лицъ. Разсказываютъ очевидцы, что когда государыня проходила по аллеѣ этого сада изъ церкви, то, любуясь имъ, взялась за вѣтку одного молодаго деревца, чтобы оторвать ее, но за вѣткой потянулось изъ свѣжаго ила все деревцо. Государыня удивилась и спросила: «давно ли растетъ этотъ садъ»?—Находчивый мѣстный начальникъ поселенія отвѣтилъ: «онъ выросъ вчера, къ пріѣзду вашего императорскаго величества». Государыня снисходительно улыбнулась и пошла дальше. На пло-

щади, около дворца, она любовалась затѣйливыми нарядами ольшанскихъ болгарокъ. Къ столу поднесенъ былъ ей отъ помѣщика Адабаша изъ приходской деревни Осичокъ виноградъ, выросшій и созрѣвшій здѣсь же, въ Осичкахъ. Съ государыней былъ большой штатъ фрейлинъ, которыя были размѣщены по квартирамъ; былъ также въ Ольшанкѣ и извѣстный царскій кучеръ Ильюшка, который ночевалъ въ домѣ болгарина Льва Жекова, живущаго и теперь еще. Государыня выѣхала, говорятъ старожилы, на мѣстечко Лысую Гору, гдѣ былъ сборъ военныхъ поселянъ, и тамъ встрѣтилась съ государемъ, пріѣхавшимъ туда другимъ путемъ изъ Елисаветграда.

Въ 1856 году, когда военныя поселенія, за 40 лѣтъ своего существованія, достигли уже апогея своего развитія, болгары села Ольшанки, въ которомъ безсмѣнно находился штабъ 12-го округа и полка и которое черезъ то болѣе всего выносило тягостей военнаго управленія, начали опять изыскивать средства къ возвращенію давно обѣщанной и потерянной ими 30-тилѣтней льготы. Для этого они, секретно отъ начальства военнаго поселенія, уполномочили своего церковнаго старосту Григорія Кройтора, снабдили его деньгами и отправили въ Одессу для пріисканія свѣдущаго по дѣлу ходатая. Кройторъ отыскалъ занимавшагося адвокатурою отставнаго поручика Петра Бестужева-Рюмина, который составилъ имъ и подалъ 13 іюня 1856 г. прошеніе на высочайшее имя. Прошеніе это сохранилось въ копіи, въ бывшемъ комитетскомъ архивѣ и мы почерпаемъ изъ него интересныя свѣдѣнія. Изложивъ исторію своего переселенія и поселенія въ Россіи (мы разсказали ее раньше), просители продолжали такъ: «но мы, сохраняя многіе обычаи предковъ нашихъ и языкъ Болгаріи, имѣемъ большое затрудненіе въ супружествахъ сыновей нашихъ, потому что вступленія въ законный бракъ съ дѣвицею нашего происхожденія не дозволяютъ родственныя связи по малочисленности обществъ нашей націи; въ теченіе 83 лѣтъ сдѣлалось между нами родство, но нѣкоторые вынуждены были вступать въ таковые браки, чѣмъ нарушалась религія и святость законовъ. А вступя въ супружество съ дѣвицею другаго происхожденія, отъ различія обычаевъ и характеровъ происходятъ въ семействахъ распри и ссоры, чѣмъ нарушается супружеское сожи-

тіе. Болгары же-колонисты, хотя до переселенія нашего въ благословенную Россію были намъ соотечественники, но не соглашаются выдавать дочерей своихъ въ замужество за сыновъ нашихъ, потому что мы не пользуемся тѣми правами, каковые представлены имъ, и чрезъ холостую жизнь молодыхъ людей нашего общества происходятъ разстройства въ домашнихъ обзаведеніяхъ и земледѣліи, отъ чего многіе терпятъ нужду и бѣдность». Изложивъ мотивъ просьбы, ольшанцы переходятъ къ сей послѣдней: «великій монархъ, пишутъ они, повели обратить насъ изъ казенныхъ поселянъ въ первобытное состояніе по переселеніи насъ въ благодатную Россію, на правахъ колонистовъ болгаръ, соотечественниковъ нашихъ. Малочисленность душъ нашихъ, всего до 300 семействъ, не можетъ умалить поселеній твоихъ. Державный отецъ нашъ! мы не ропщемъ на какое либо угнетеніе или начальство наше, мы всѣмъ счастливы въ благоустроенной Россіи, но ради религіи святой умоляемъ тебя, какъ земнаго Бога нашего: отпусти дерзновеніе вѣрноподданныхъ рабовъ твоихъ и осчастливь повелѣніемъ отчислить нашу деревню къ колоніямъ болгаръ, которая одна включена къ военнымъ поселеніямъ, а соотечественники наши, со дня переселенія въ Россію, пользуются неограниченными милостями» и проч. За подписями читаемъ: «Сочинялъ и переписывалъ сіе прошеніе со словъ просителей отставной поручикъ Петръ Владиміровъ Бестужевъ-Рюминъ».

Какъ явствуетъ изъ сего прошенія, главнѣйшимъ мотивомъ просьбы ольшанцевъ о перечисленіи въ колонисты было то, что они встрѣчали большое затрудненіе въ бракосочетаніи своихъ дѣтей съ лицами ихъ же націи изъ колонистовъ; односельцы же болгары почти всѣ перероднились. Причина эта въ дѣйствительности была не маловажною, и теперь еще она отчасти существуетъ. Но и по уничтоженіи уже военныхъ поселеній, колонисты-болгары съ ольшанцами-болгарами въ браки все таки не вступаютъ, вѣроятно, по отдаленности разстоянія между тѣми и другими (около 200 верстъ), а можетъ быть и потому, что они подъ различными условіями жизни прожили такой длинный періодъ времени. Были случаи за время военнаго поселенія, что ольшанскія болгарки охотно выходили въ замужество за колонистовъ, чтобы избавиться отъ казеныхъ работъ военныхъ поселеній; изъ колонистокъ же никто не выходилъ сюда въ замужество, боясь военно-

поселенщины. Слѣдовательно, мотивъ, выраженный въ прошеніи, былъ не единственною причиною, побуждавшею ольшанцевъ искать перечисленія въ колонисты: имъ вообще не въ моготу было уже выносить на себѣ военнопоселенщину. Не жалѣя средствъ, они, какъ говорятъ, собрали и потеряли на это дѣло около 700 рублей. Но 1856 годъ былъ кануномъ уничтоженія всѣхъ военныхъ поселеній, а потому въ ходатайствѣ о перечисленіи въ колонисты имъ было отказано, за предстоявшимъ въ слѣдующемъ же году расформированіемъ всѣхъ военныхъ поселеній.

На канунѣ упраздненія своего военныя поселенія казались столь благоустроенными и внѣшне усовершенствованными, что никто и не подумалъ бы объ ихъ уничтоженіи. Проѣзжая военными поселеніями, бывало, удивляешься тѣмъ порядкамъ, устройствамъ и учрежденіямъ, которыя существовали исключительно въ однихъ только поселеніяхъ. Только вступивъ на территорію военныхъ поселеній, бывало, вы уже видите и чувствуете, что находитесь какъ бы въ совершенно иной, благоустроенной странѣ. Дороги вездѣ прямыя, широкія, нивеллированныя, съ обѣихъ сторонъ обрѣзанныя глубокими, ровными бороздами; на каждой четверти версты съ обѣхъ сторонъ поставлены деревянные крашеные, или каменные выштукатуренные и побѣленные столбы, а на каждой верстѣ—особый большой верстовой столбъ, съ обозначеніемъ цифрами числа пройденныхъ верстъ отъ селенія до селенія. На срединномъ разстояніи между селеніями устроены пріюты для проѣзжихъ, съ разведеннымъ вокругъ садомъ, или же цѣлой плантаціи шелковицы, акаціи и другихъ деревьевъ; въ пріютѣ найдете покойную меблированную комнату для проѣзжающихъ; для утоленія жажды всегда почти имѣется при немъ колодезь или фонтанъ; все это содержится въ образцовомъ порядкѣ и чистотѣ и охраняется нарочнымъ сторожемъ. На границахъ округовъ военныхъ поселеній, на дорогахъ стоятъ большія каменныя, изящно отдѣланныя пирамиды съ надписями въ нишахъ, свидѣтельствующими объ окончаніи территоріи одного округа и началѣ другаго. Всѣ крутизны, встрѣчающіяся на дорогахъ, срѣзаны и обставлены барьерами; рытвины и ручьи перекрыты хорошими мостиками съ деревянными, выкрашенными. или же каменными и

кирпичными рѣшетчатыми перилами, часто обсаженными аллеями деревьевъ. Вообще пути сообщенія въ военныхъ поселеніяхъ находились въ образцовомъ, щеголеватомъ видѣ.

Не въ худшемъ видѣ представлялась и хозяйственная сторона поселеній. На необозримомъ пространствѣ нашихъ, прежде дикихъ. степей бросались въ глаза обширныя поля пшеницы и другихъ разнородныхъ хлѣбовъ. При въѣздѣ въ каждое селеніе военныхъ поселеній васъ пріятно поражалъ громадный токъ, или гумно, на которомъ сложена масса хлѣба, выработаннаго руками поселянъ для потребностей военныхъ поселеній. Токъ расположенъ въ почтительномъ разстояніи отъ селенія, обнесенъ дерновымъ валомъ съ воротами и будкою; весь токъ уставленъ громадными скирдами разнороднаго хлѣба, симметрически и красиво сложенными на небольшихъ постаментахъ, возвышающихся надъ общимъ уровнемъ площади. Посреди тока стоитъ обширная клуня, гдѣ осенью (подъ контролемъ окружнаго командира, волостныхъ и сельскихъ начальниковъ, а также цѣлаго сонма вахмистровъ, карабинеровъ, десятниковъ, членовъ токовыхъ, лановыхъ и проч.) производится проба урожая, а затѣмъ вымолотка зерна руками поселянъ, въ послѣднее же время и при посредствѣ конныхъ молотильныхъ машинъ. Здѣсь при первой пробной вымолоткѣ для опредѣленія качества урожая разныхъ хлѣбовъ присутствовалъ въ послѣднее время обязательно, какъ членъ окружнаго комитета, и старшій окружной священникъ и участвовалъ въ подписаніи составлявшагося по сему акта вмѣстѣ съ прочими членами, военными офицерами. Отсюда, изъ такъ называемаго въ военномъ поселеніи казеннаго тока, этого кормильца военныхъ поселеній, шло продовольствіе всѣхъ служащихъ въ поселеніи лицъ и постоянно находившихся на квартированіи кавалерійскихъ эскадроновъ уланъ и гусаръ; отсюда шелъ провіантъ для служащихъ и паекъ для вдовъ и сиротъ, фуражъ для казенныхъ лошадей, отопленіе для квартиръ разныхъ чиновъ и околотъ для покрыши и ремонта многочисленныхъ казенныхъ зданій. Отсюда же шло иногда и масло, выработанное изъ разныхъ маслобойныхъ сѣмянъ для казенныхъ красильныхъ работъ. Это была кладовая военныхъ поселеній, въ которую свозились всѣ продукты и результаты тяжелыхъ полевыхъ работъ нашихъ военныхъ хлѣбопашцевъ.

Подъѣзжая къ селу съ другой окраины, вы непремѣнно остановили бы вниманіе свое на одномъ или нѣсколькихъ солидныхъ зданіяхъ, построенныхъ изъ камня или прекраснаго туземнаго кирпича, и покрытыхъ въ послѣднее время то желѣзомъ, то черепицей военно-поселенскаго издѣлья. Это зданія или казенныя конюшни и манежи для квартирующихъ войскъ, или хлѣбные магазины, госпитали, кантонистскіе дивизіоны, фермы, разныя школы и пр. Если при въѣздѣ въ селеніе есть балка, рытвина или ручей, непремѣнно устроенъ прочный и красивый мостикъ съ аллеей деревьевъ; вблизи часто увидите колодезь, изящно и затѣйливо отдѣланный въ восточномъ вкусѣ, съ желѣзной или черепичной крышей на каменныхъ столбахъ и аркахъ. При самомъ въѣздѣ въ селеніе, улицу заслоняетъ непремѣнно огромная каменная стѣна, аккуратно выштукаренная и выбѣленная известью, или же кирпичная рѣшетчатая, среди стѣны—широкія, отлѣланныя ворота прямо въ улицу, заслоненныя шлагбаумомъ. Эти подъѣзды къ военнымъ селеніямъ и главныя площади въ нихъ особенно были красиво и даже вычурно отдѣланы въ такъ называемыхъ штабныхъ селеніяхъ, гдѣ находился штабъ одного изъ 12 округовъ военныхъ поселеній, каковымъ состояло до самаго упраздненія поселеній и с. Ольшанка. Поэтому, какъ тогдашній очевидецъ и житель Ольшанки, я опишу внѣшній ея видъ, въ какомъ она находилась наканунѣ упраздненія военныхъ поселеній. Спускъ къ селенію съ юго-восточной стороны по крутой горѣ на ручей Ольшану тщательно обрѣзанъ, углаженъ и огражденъ крашенными перилами до самого моста, а отъ моста опять на гору до шлагбаума. Около моста, по равнинѣ шла аллея изъ двухъ рядовъ огромныхъ вѣтвистыхъ деревьевъ. Мостъ устроенъ прочно изъ мѣстнаго гранита, съ тумбами и перилами по бокамъ. Съ лѣвой стороны моста стоитъ колодезь съ изящно сдѣланнымъ навѣсомъ на четырехъ кирпичныхъ столбахъ или аркахъ, вычурно обкарнизованныхъ и выбѣленныхъ. При въѣздѣ въ шлагбаумъ, который также раздѣланъ красками по казенной формѣ и поднятъ на желѣзной цѣпи, съ правой стороны стоитъ столбъ съ круглой таблицей, на которой краскою по черному фону написано: «Штабъ 12 округа новороссійскаго военнаго поселенія с. Ольшанка», за тѣмъ число душъ мужеска пола, число хозяевъ 1-го и 2-го разряда, число такъ называемыхъ нехозяевъ

и проч. По въѣздѣ въ шлагбаумъ, съ правой стороны, около воротъ построенъ каменный, изящно отдѣланный домикъ, или караулка съ готическими окнами и дверями на улицу; назначеніе его служить пріютомъ для сторожа, который неизвѣстно что оберегалъ, развѣ чистоту и порядокъ. Далѣе идетъ плановая улица, съ красивыми по обѣ стороны домиками, построенными изъ жженаго кирпича и раскрашенными мѣстной краской охрой, а угловые пилястры известью бѣлой; каждый домикъ построенъ съ двумя окнами на улицу и третьимъ по срединѣ фальшивымъ, съ наличниками и ставнями; крыши на домахъ аккуратно покрыты околотомъ и устроены съ двумя высокими боковыми фронтами, въ коихъ видно по одному полукруглому окошку; на каждомъ домѣ подъ фронтономъ укрѣплена черная таблица, на которой краскою проставленъ номеръ дома и къ которому разряду принадлежитъ хозяинъ дома, а также изображенъ тотъ предметъ, съ которымъ хозяинъ обязанъ выходить на случившійся пожаръ. Вдоль улицы, съ обѣихъ сторонъ, подъ домами устроены возвышенные тротуары для пѣшеходовъ, утрамбованные сверху щебнемъ и съ боку выложенные камнемъ и выбѣленные известью; надъ тротуарами возвышается красивая рѣшетка изъ жженаго кирпича отъ дома къ дому съ каменными фигурными столбиками на воротахъ каждаго двора, выкрашенными красной краской съ побѣленными верхами и круглыми на нихъ каменными шарами. Минувши улицу, вы въѣзжаете въ штабъ, какъ говорятъ здѣсь и теперь еще. Штабъ—это площадь, посреди которой стоитъ церковь, а вокругъ нея и около расположены: окружной комитетъ, волостной комитетъ и сельской, полковая канцелярія, гауптвахта, каланча, пожарная команда, школа трубачей, цейгаузы полковой и поселенный, швальня и проч., а также квартиры окружнаго и полковаго командировъ, волостного начальника, доктора, священника и другихъ военнослужащихъ при штабѣ. Всѣ квартиры были крыты околотомъ (исключая двухъ крышъ черепичныхъ), но содержались въ образцовомъ порядкѣ и чистотѣ, нѣкоторыя были облицованы жженымъ кирпичемъ и покрашены красной краской. Отъ домика къ домику шли вездѣ рѣшетчатые, изъ жженаго кирпича и разныхъ фигуръ заборики. Вся площадь была окаймлена довольно высокимъ каменнымъ тротуаромъ, утрамбованнымъ щебнемъ и съ боковъ всегда побѣлен-

нымъ известью. Вокругъ всей площади былъ низкій барьеръ на каменныхъ тумбахъ, который ограждалъ аллею деревьевъ. Лучшими зданіями на площади были: домъ окружнаго начальника, гауптвахта, устроенная съ открытымъ корридоромъ на круглыхъ каменныхъ колоннахъ съ кордегардіей, съ деревянной платформой огражденной крашенымъ барьеромъ, съ навѣсомъ для ящика съ казной и для часового, съ вѣстовымъ колоколомъ и вообще со всѣмъ такимъ устройствомъ, какое видимъ теперь при военныхъ гауптвахтахъ. Каланча съ помѣщеніемъ дли не военной (поселянской) кордегардіи и для пожарныхъ инструментовъ была также красиво устроена на столбахъ, съ открытыми полукруглыми подъѣздными арками и раскрашенными пилястрами. При выѣздѣ изъ штаба на с. Добрянку, по обѣимъ сторонамъ плановой улицы былъ разведенъ казенный садъ съ разбитыми дорожками, рѣшетчатой огорожей, красивыми воротами, тротуарами и пр. Въ концѣ сада, на выѣздѣ изъ селенія—опять готическая караулка, высокая стѣна, шлагбаумъ, столбъ съ надписью и пр., какъ при въѣздѣ. На окраинахъ селенія находились: огромное зданіе кантонистскаго дивизіона съ полковою домовою церковью, военно-поселенный госпиталь, дворъ рабочей роты, магазины, кавалерійскія конюшни, разныя мастерскія, бани, пекарни и пр.

Нынѣ уже все почти описанное нами не существуетъ, не существуютъ уже болѣе четверти вѣка и самыя поселенія. Оглянувшись назадъ, на это прошлое, попробуемъ теперь взвѣсить и добро, и зло, принесенныя военными поселеніями.

Благо военныхъ поселеній для народа заключалось въ томъ, что онъ, во первыхъ, никогда не платилъ никакихъ ни подушныхъ, ни поземельныхъ, пользуясь даже въ крайнихъ случаяхъ заведенною вспомогательною кассою. Изъ получавшагося въ началѣ жалованья военными поселянами, находившимися въ строю, дѣлались вычеты въ кассу для вспомоществованія нуждающимся хозяевамъ при падежѣ скота, неурожаѣ и пр. Еще въ 30-хъ годахъ этого капитала въ с. Ольшанкѣ было, какъ видно изъ подлинныхъ вѣдомостей, 7,657 р.

Затѣмъ земли свободной въ военномъ поселеніи было въ избыткѣ и каждый могъ обрабатывать столько, сколько хозяйствен-

ныхъ силъ его доставало. Такъ называемые перворазрядные хозяева засѣвали (по вѣдомостямъ поселеннымъ) по 30 четвертей хлѣба, средніе по 20, а слабые до 10. Урожай въ посредственный годъ бывалъ самъ пятъ. Сѣвооборотъ съ начала поселеній наблюдался правильно подъ руководствомъ опытныхъ въ хозяйствѣ начальниковъ. За своевременною и аккуратною обработкою полей, за посѣвами, уборкою травъ и хлѣбовъ не только военно-поселенскихъ, но и частныхъ хозяевъ былъ строгій и неослабный надзоръ и военныя понужденія, такъ что урожаи были въ большинствѣ обильные, и невольные военные поселяне имѣли несравненно больше хлѣба и скота, чѣмъ теперешніе, уже свободные хлѣбопашцы-крестьяне. Тунеядцевъ въ поселеніи не было, потому что энергичныя военныя мѣры вахмистровъ и карабинеровъ направляли всѣхъ къ дѣлу, и въ особенности въ рабочую пору выгоняли всѣхъ способныхъ въ поле, на казенную или собственную ниву, не позволяя никому залеживаться, или же, Боже храни, бражничать дома. Волей неволей всѣ трудились и въ избыткѣ пользовались за тѣмъ плодами своихъ трудовъ; въ несчастныхъ же обстоятельствахъ, какъ то, въ случаѣ неурожая, эпизоотіи, пожара, воровства, болѣзни, сиротства и т. п., военный поселянинъ всегда находилъ помощь въ отеческомъ попеченіи своего военнаго начальства. Во время неурожая въ одной мѣстности военнаго поселенія хлѣбъ привозился изъ другой мѣстности или округа и раздавался поселянамъ на обсѣмененіе полей, запасной же хлѣбъ изъ магазиновъ раздавался на прокормленіе нуждающимся. Сироты и бѣдныя вдовы ежемѣсячно получали назначенный имъ провіантъ изъ хлѣбныхъ магазиновъ. Если у поселянина пала скотина, или была уворована, ему выдавали изъ запаснаго капитала субсидію. Если онъ погорѣлъ, ему возобновляли постройки отъ казны, да и вообще всѣ дома въ послѣднее время перестраивали на линію общенароднымъ способомъ. Въ болѣзняхъ къ услугамъ поселянъ всегда были даровая аптека, госпиталь, докторъ и фельдшера, а оспа прививалась всѣмъ дѣтямъ регулярно. Въ случаяхъ заболѣванія рабочаго скота всегда имѣлся ветеринарный врачъ, фельдшера и лекарства даровыя.

Кромѣ этого, въ военномъ поселеніи учреждены были заводы породистыхъ лошадей, скота, которые улучшали скотоводство и хозяйство поселянъ. Въ послѣднее время введено было много ремес-

ленныхъ заведеній, въ которыхъ обучали поселянъ столярнымъ, слесарнымъ, кровельнымъ, каретнымъ, малярнымъ, живописнымъ, рѣзнымъ, лѣпнымъ и даже позолотнымъ мастерствамъ. Вездѣ завели плантаціи садоводства, лѣсоразведенія. шелководства, а также устроили много заводовъ кирпичныхъ, черепичныхъ, известковыхъ, селитреныхъ. восковыхъ, піявочныхъ и т. п., куда направлена была значительная доля труда военныхъ поселянъ.

Такое разнообразіе занятій, возлагавшихся на военныхъ поселянъ, такое усложненіе ихъ работъ отвлекало народъ отъ главнѣйшаго, первоначальнаго его дѣла—хлѣбопашества. Забота ближайшихъ военныхъ властей о томъ, чтобы наружная, казовая сторона военныхъ поселеній всегда представлялась ревизорамъ-инспекторамъ, при повторявшихся чаще и чаще смотрахъ, въ блестящемъ и изящномъ видѣ, ложилась новымъ, тяжелымъ бременемъ на поселянъ. Съ весны до осени періодически производились смотры въ военныхъ поселеніяхъ. Сначала осматривалъ свой округъ окружной командиръ, затѣмъ начальникъ четырехъ округовъ, далѣе-начальникъ девяти округовъ, послѣ инспекторъ поселеній, главный начальникъ всѣхъ военныхъ поселеній, генералъ-адъютанты изъ Петербурга и т. п. Приготовленія ко всѣмъ этимъ смотрамъ отнимали много рабочаго времени и рукъ поселянъ, въ ущербъ земледѣлію. Передъ пріѣздомъ сихъ начальниковъ начиналась поправка, побѣлка, подкраска всѣхъ военно-поселенскихъ разнообразныхъ зданій и построекъ: церкви, комитеты, мосты, мостики, колодцы, тротуары, аллеи, садики, шлагбаумы, будки—все это приводилось въ нарядный, праздничный видъ. Дороги исправлялись, выравнивались, столбы дорожные отъ селенія до селенія, по всей степи штукатурились, бѣлились, красились, а для всего этого нужно было развозить по всѣмъ степямъ камень, песокъ, воду, известь и пр., на все это нужны были руки поселянъ. Въ самыхъ селахъ поселянскихъ хаты вездѣ мазались, бѣлились, хотя бы то и въ жнива или косовицу, крыши исправлялись, главныя улицы выравнивались, заметались вѣниками, тротуары бѣлились, посыпались щебнемъ, пескомъ. Даже женщины и дѣти въ это время спѣшили выполнять означенныя работы. Въ послѣднее время, когда начали оскудѣвать сборы хлѣба въ военномъ поселеніи, то, при проѣздѣ высшихъ начальниковъ поселеній, въ селахъ, на главныхъ улицахъ, въ дворы жившихъ

тамъ поселянъ нарочно свозили чужой хлѣбъ и складывали его въ большіе стога на виду, на время проѣзда инспекторовъ. Окна такихъ домовъ на главныхъ улицахъ уставляли чужими самоварами, чайниками, чашками, цвѣтами и другими предметами роскоши, чтобы представить поселянъ благоденствующами. Часто, при проѣздѣ высшихъ лицъ, на видныхъ мѣстахъ устраивались искусственные парки и аллеи изъ выкопанныхъ наканунѣ въ садахъ и лѣсахъ деревьевъ, которые затѣмъ безостановочно поливались, чтобы представить благоустройство военныхъ поселеній и произвести отрадное впечатлѣніе на инспектирующаго начальника. А сколько это непроизводительное дѣло стоило трудовъ, времени, а часто и побоевъ бѣднымъ землепашцамъ поселянамъ! Съ инспектирующими, въ особенности высшими начальниками слѣдовалъ въ экипажахъ цѣлый кортежъ низшихъ мѣстныхъ военныхъ властей, встрѣчаемый и провожаемый передовыми, вѣстовыми, сигнальными, махальными и пр., что все требовало множества лошадей и людей. При усилившемся посѣщеніи военныхъ поселеній высшими, разныхъ спеціальностей, лицами по части военной, поселенной, медицинской, инженерной, лѣсной, разныхъ заводовъ и пр., умножились постройки новыхъ зданій и квартиръ для многихъ служащихъ. Для пріѣзжающихъ собственно лицъ нарочно устроены были такъ называемые «комитеты дли проѣзжающихъ лицъ». Зданія эти были въ каждомъ селеніи, и на большихъ трактахъ устраивались съ возможными удобствами, изяществомъ и даже роскошью. Въ каждомъ изъ нихъ была мебель: кушетки, шторы, часы и пр. И всѣ эти зданія, какъ и квартиры всѣхъ служащихъ въ поселеніи лицъ отапливались собственнымъ матеріаломъ военныхъ поселянъ, ими же ремонтировались и содержались всегда въ изысканномъ порядкѣ и чистотѣ. Около этихъ комитетовъ обьзательно разводились и поддерживались поселянами изящные садики, аллеи, дорожки и пр. Для устройства всѣхъ подобныхъ зданій и ремонта ихъ поселяне должны были своими подводами вывозить изъ далекихъ мѣстъ нужные матеріалы, какъ то лѣсъ, камень пиленый, известковый камень, гипсъ и пр. Для отапливанія всѣхъ квартиръ военнослужащихъ поселяне должны были перевозить на своихъ подводахъ, за нѣсколько десятковъ верстъ цѣлыя скирды соломы, кирпича, дровъ, а также фуражъ войскамъ: сѣна, овса. хлѣба и пр. Въ особенности тяжелою и изнурительною

повинностью для поселянъ была въ послѣднее время вывозка зимою дерева изъ черкаскихъ лѣсовъ. Выряжалось въ лѣса, часто на цѣлый мѣсяцъ, по нѣсколько десятковъ поселенскихъ возовъ, на которыхъ везлись и сани, и сѣно, и харчи; каждый поселянинъ обязанъ былъ имѣть, кромѣ собственной подводы съ лошадьми или волами, еще собственную провизію для себя и скота и всѣ путевые расходы нести на собственный счетъ. Отъ этихъ выѣздовъ въ лютыя зимы, или ненастья многіе изъ поселянъ, при плохой одеждѣ и слабомъ скотѣ, теряли здоровье и лишались рабочей скотины. Въ крымскую же компанію постоянное передвиженіе цѣлыхъ скирдъ, мѣшковъ съ хлѣбомъ, фуража, сѣна, отопленія и пр. въ районѣ военныхъ поселеній и даже до самаго города Берислава, въ ненастья и суровую погоду, свело не одного поселянина съ хозяйства.

Но еще два новыхъ обстоятельства въ военномъ поселеніи послужили большимъ зломъ для народа и разорили совсѣмъ военныхъ поселянъ. Это перестройка всѣхъ селъ военныхъ поселеній по новымъ, составленнымъ инженерами, планамъ и вновь выработанное въ поселеніи такъ называемое «урочное положеніе работъ».

Сначала на новыя, проэктированныя планами, улицы выводились исподволь только тѣ, которые, по ветхости домовъ, имѣли надобность въ перестройкѣ ихъ или выдѣляли новое семейство и новопоселенцы. Въ послѣднее же время съ особенною настойчивостью стали строить нарядомъ цѣлыя почти улицы на новыхъ линіяхъ и выселять туда жителей изъ старыхъ, насиженныхъ и обстроенныхъ усадьбъ; старыя, лежавшія не на линіи усадьбы, разорялись совершенно, со всѣми бывшими тамъ хозяйственными постройками, садами, огородами и пр. По новымъ планамъ, нѣкоторыя старыя усадьбы совершенно сметались съ лица земли, поступали подъ площади, улицы и разныя казенныя постройки. Иногда въ бывшихъ садахъ устраивались во время компаментовъ коновязи для цѣлыхъ эскадроновъ лошадей, а левады и хутора поселянъ также выводились и уничтожались. Это, повторяю, многихъ разорило въ хозяйствѣ. Распланировка лишила жителей многихъ хозяйственныхъ удобствъ и службъ, взамѣнъ чего давалась только красивая, веселая, но голая хата и на голой же линіи. Сады поселянъ, въ которыхъ въ 20-хъ годахъ, по разсказамъ сторожиловъ, почти утопала вся Ольшанка, были разорены, уничтожены, а взамѣнъ

ихъ явились, какъ я выше говорилъ, строго распланированныя аллейки, сельскіе парки, древесные питомники и пр., служившіе большею частью только веселой декораціей военныхъ поселеній. Всѣ сіи прихотливыя и хлопотливыя нѣмецкія затѣи были чужды духу нашихъ русскихъ хлѣбопашцевъ, лежали на нихъ тяжелымъ бременемъ и не отвѣчали насущной потребности народа. И потому то, какъ скоро упразднились военныя поселенія, многіе изъ жителей стали возвращаться опять на старыя усадьбы, застраивать ихъ и вновь разводить простые хозяйственные сады, которыхъ теперь несравненно больше, чѣмъ было въ поселеніи; плановые форменные дома стали перестраивать сейчасъ же, сообразно своимъ хозяйственнымъ удобствамъ: фронтонныя крыши вездѣ сломали и перестроили, ставни оконныя поснимали, тротуары разобрали, камень изъ нихъ вынули и употребили на болѣе полезное приложеніе, жженый кирпичъ изъ столбовъ и рѣшетчатыхъ заборовъ употребили на печи и трубы, шлагбаумы, будки, парки, аллеи—все это исчезло теперь.

Самымъ тяжкимъ и разорительнымъ бременемъ военныхъ поселянъ было урочное положеніе работъ, вводившееся съ военною точностію и неумолимою строгостію. Когда еще начальниками въ военныхъ поселеніяхъ были большею частію люди русскіе, вышедшіе изъ народа, или по крайней мѣрѣ близко стоявшіе къ народу, хорошо знакомые съ его жизнью и со всѣми ея условіями, то они хозяйство и порядки всѣ вели по русски, съ народомъ обращались человѣчнѣе, и хозяйства, какъ военныхъ поселеній вообще, такъ и частныхъ лицъ—поселянъ, шли тогда хорошо, и вообще въ поселеніи, по разсказамъ старожиловъ, все благоденствовало. Но когда поселеніе наводнили иностранцы и иновѣрцы, чуждые русской жизни и духу, желавшіе сдѣлать изъ русскаго нѣмца и все перестроить на внѣшній нѣмецкій ладъ, тогда всюду въ поселеніи выходило все для нѣмцевъ прекрасно, а для русскихъ ужасно. Почти всѣ высшіе и лучшіе посты начальниковъ въ поселеніи заняли нѣмцы и частію поляки. Герштенцвейги, Шварцы, Шмидты, Моллеры, Лауницы, Берги, Корфы, Филеборны, Миттерманы вездѣ почти красуются своими подписями на всѣхъ важнѣйшихъ циркулярахъ и распоряженіяхъ по поселеніямъ. Отъ нихъ происходила инниціатива всѣхъ реформъ и нововведеній въ военномъ поселеніи,

которыя всѣ безапелляціонно вводились въ жизнь низшими властями съ полною военною субординаціею и математическою пунктуальностью. Сначала по высшей, вѣроятно нѣмецкой, иниціативѣ выбраны были здоровые, сильные работники изъ поселянъ и въ присутствіи избранной коммисіи поставлены на пробныя работы въ полѣ. Одни изъ нихъ въ присутствіи коммисіи должны были косить, другіе жать, третьи вязать, сѣно метать, наконецъ затѣмъ возить, молотить, вѣять и проч., и сколько было каждымъ такимъ рабочимъ въ присутствіи ихъ въ одинъ день сработано, это признано за норму для каждаго работника-поселянина. По этому образцу сдѣлана проба для оранки, посѣва, молотьбы, наконецъ, сколько здоровый рабочій скотъ можетъ поднять, перевезть тяжестей на возу и пр. Все это строго математически было опредѣлено, урегулировано, и отсюда вышло «урочное положеніе работъ» для поселянъ. Прежде поселяне обыкновенно работали три дня поселенію или казнѣ, а три дня себѣ; а теперь уже каждому давались для работъ, на основаніи урочнаго положенія, уроки. Уроки эти поселянинъ долженъ былъ выработать во сколько можетъ времени, но чисто и аккуратно. А такъ какъ уроки посильны были только для избранныхъ работниковъ, самыхъ сильныхъ и здоровыхъ, то и вышло, что большинство поселянъ заданныхъ имъ урочныхъ работъ выработать въ три дня были не въ состояніи, а работали четыре и больше. Тогда для собственныхъ работъ поселянину оставалось два или одинъ день въ недѣлю, а если приходилось ненастье или праздники, то, не сдѣлавъ ничего на собственной нивѣ, онъ долженъ былъ опять поступить въ нарядъ на урочныя поселенныя работы. Урочное положеніе не брало во вниманіе ни разности силъ рабочихъ, ни погоды, ни урожайности хлѣба, ничего. Всякую недоимку по урочнымъ работамъ приписывали нерадѣнію и лѣности поселянъ и строго взыскивали старымъ военнымъ способомъ—розгами. Кромѣ того, иному работнику приходилась нива чистая, легкая для работъ, а другому бурьяноватая, густая, тяжелая; иному выпадало время въ сухую погоду, другому въ сырую, когда опасно и убирать хлѣбъ, или въ вѣтряную, когда трудно бываетъ чисто и спѣшно убирать. А за всѣмъ этимъ слѣдило множество военныхъ начальниковъ контролеровъ, которые за всякую казавшуюся неисправность тутъ же сѣкли розгами; но многіе изъ нихъ, сказать къ слову, назначен-

ные изъ кавалерійскихъ полковъ гусаръ и уланъ въ послѣднее время, были недоросли-бѣлоручки, которые не только не умѣли управлять хозяйствомъ, но даже вовсе не понимали его, руководясь низшими вахмистрами, членами изъ поселянъ и пр. Если кто не успѣлъ отработать своего урока изъ-за погоды—сѣкутъ; если кто спѣшно работаетъ и не совсѣмъ чисто—сѣкутъ; если кто, вырабатывая свой урокъ, поспѣшилъ убрать часть зеленоватую, или сыроватую сѣкутъ; если кто отсталъ и допустилъ перестоять хлѣбъ, тоже сѣкутъ. Двѣсти-триста розогъ была заурядная порція, а то часто доходило до 500—600. Единолично, безапелляціонно наказывалъ такъ каждаго военнаго поселянина окружной начальникъ, волостной командиръ, завѣдующій селеніемъ и даже вахмистръ; а низшіе чины: карабинеры, десяточные, ефрейторы и даже избранные отъ поселянъ, такъ называемые члены, тѣ имѣли привиллегію прямо бить по зубамъ, и не одинъ еще и теперь есть изъ поселянъ, которые потеряли зубы отъ этихъ низшихъ экзекуторовъ. О послѣднихъ волостныхъ командирахъ, С—мъ и З—чѣ разсказываютъ поселяне, что они разъѣзжали по полямъ во время лѣтнихъ работъ съ дюжимъ кучеромъ, вооруженнымъ нарочитымъ арапникомъ, и тутъ же, на нивѣ, при замѣченной неисправности или при казавшейся только, кучеръ слѣзалъ съ козелъ и, по приказанію волостного, тѣмъ же арапникомъ, что сейчасъ стегалъ четверку лошадей, отсчитывалъ на трудовой спинѣ безотвѣтнаго поселянина не одну сотню. Нечего говорить о томъ, что собственныя хозяйства поселянъ разстраивались и стали приходить въ упадокъ; но и тутъ, при упущеніяхъ и не успѣхѣ въ своихъ работахъ, нужно было тоже отвѣчать предъ военнымъ начальствомъ, и отвѣчать также спиной. Это наводило паническій страхъ на всѣхъ поселянъ и заставляло ежедневно трепетать за свою кожу. Многіе, какъ разсказываютъ старожилы теперь, слабосильные работники въ зимнюю пору, когда дни уже малы, чтобы выработать урокъ и не быть наказанными, выходили на молотьбу на казенный токъ часа за два до свѣта и оставляли работу уже въ позднюю вечерю. Такъ же изнуряли себя поселяне собственными спѣшными и непосильными работами, отчего умалялась рабочая сила въ поселеніи и поселяне ослабѣвали духомъ и тѣломъ.

При упадкѣ рабочей силы людей и скота, опека военнаго начальства надъ поселянами еще болѣе усилилась. Поселянинъ не имѣлъ права продать своихъ воловъ или лошадей безъ дозволенія начальства, не могъ отлучиться изъ села, выѣхать на ярмарку, наняться въ работники, продать домъ, перестроить его, даже жениться или женить дѣтей безъ дозволенія и разрѣшенія военнаго начальствз. Военное начальство требовало отъ поселянина, чтобы у него самого былъ посѣвъ, чтобы были убраны хлѣбъ и сѣно, чтобы былъ въ порядкѣ домъ и дворъ, чтобы былъ въ порядкѣ плугъ, возъ, упряжь и все прочее, а за неисправности и упущенія сѣкли. Контроль надъ работами поселянъ до того развился, что ежемѣсячно и даже черезъ каждыя двѣ недѣли собирались свѣдѣнія и представлялись по инстанціямъ многочисленныя срочныя вѣдомости о произведенной оранкѣ, о сдѣланныхъ посѣвахъ, о ходѣ строительныхъ работъ, о прибыли и убыли населенія и рабочихъ силъ, о благосостояніи поселеній, о заболѣвшихъ и выздоровѣвшихъ, объ отлучившихся по билетамъ, о проѣхавшихъ чрезъ селеніе служащихъ и т. д. Помнится мнѣ, что въ послѣднее время начальство военно-поселенное, озабоченное тѣмъ, чтобы поселяне не теряли рабочаго времени пріѣздомъ съ поля на праздникъ домой, сдѣлало распоряженіе, чтобы приходское духовенство въ страдную пору выѣзжало въ воскресные дни на поле и тамъ служило бы обѣдницу для рабочаго люда. Къ этому распоряженію критически отнеслось все духовенство, и не знаю, было ли оно введено на практикѣ въ другихъ селахъ, знаю только, что въ Ольшанкѣ оно не практиковалось.

Такимъ образомъ, окруженные со всѣхъ сторонъ неотступнымъ контролемъ и преслѣдуемые во всемъ строгою опекою военнаго начальства поселяне работали много и тяжко, выбивались изъ силъ и потому то въ военныхъ поселеніяхъ вездѣ и во всемъ царилъ внѣшній порядокъ, изысканная чистота, благоустройство и благоденствіе, а во внутренней жизни ихъ тяготы, тѣсноты и велія скорби. Не съ радостью работали военные поселяне на своихъ даровыхъ земляхъ, но глубоко тяжко воздыхающе ко Господу. Ему возвѣщали печали своя и отъ Него Единаго ждали помощи, неся свой крестъ безропотно и съ полнымъ терпѣніемъ. При всѣхъ бывшихъ смотрахъ въ военномъ поселеніи высшихъ лицъ, военно-

поселяне на вопросы ревизоровъ объ обидахъ, страха ради, отвѣчали обыкновенно выраженіемъ довольства всѣми порядками и благодарности начальству. Только въ храмахъ Божіихъ, передъ лицемъ всевидящаго Господа и передъ своими духовными отцами они искренно изливали свое горе и накипѣвшія слезы. Вообще военно-поселяне почему-то своимъ небеснымъ патрономъ считали св. Іоанна Воина и къ нему особенно часто прибѣгали; при исходѣ же военныхъ поселеній, вездѣ и всегда, сколько помню изъ разсказовъ священниковъ, заказывали въ церквахъ молебны преимущественно св. Іоанну Воину и его имени сооружали образа.

И услышалъ Господь молитвы тяжко труждающихся и обремененныхъ и послалъ имъ нуждающую и скорую помощь. Сердце царево въ руцѣ Божіей, говоритъ священное писаніе. И дѣйствительно, не смотря на внѣшній блескъ и благоденствіе военныхъ поселеній, не смотря на постоянныя ревизіи и донесенія о благосостояніи поселянъ, государь императоръ блаженныя памяти Александръ Освободитель, вскорѣ по восшествіи на престолъ, а именно 4 іюня 1857 года, освободилъ первыми военныхъ поселянъ.

МУЗЫКАНТЪ.

(*Повѣсть Т. Гр. Шевченка*).

ЧАСТЬ I.

Если вы, благосклонный читатель, любитель отечественной старины, то, проѣзжая городъ П., п—ой губ., совѣтую вамъ остановиться на сутки въ этомъ городѣ, а если это случится не осенью и не зимою, то можно остаться и на двое сутокъ и во-первыхъ познакомиться съ отцемъ протоіереемъ Иліею Б., а во-вторыхъ посѣтить съ нимъ-же, отцемъ Иліею, полуразрушенный монастырь Г., по ту сторону рѣки Удая, верстахъ въ трехъ отъ г. П. Могу васъ увѣрить, что раскаиваться не будете. Это настоящее Сенклерское аббатство. Тутъ все есть: и каналъ глубокій и широкій, когда-то наполнявшійся водою изъ тихаго Удая, и валъ, и на валу высокая каменная зубчатая стѣна со внутренними ходами и бойницами, и безконечные склепы или подземелья, и надгробныя плиты, вросшія въ землю, между огромными суховерхими дубами, быть можетъ, самимъ ктикторомъ насажденными. Словомъ, все есть, что нужно для самой полной романической картины, разумѣется, подъ перомъ какого-нибудь Скотта Вальтера или ему подобнаго списателя природы. А я... по причинѣ нищеты моего воображенія (откровенно говоря), не берусяза такое дѣло, да у меня, признаться, и рѣчь не къ тому идетъ. А то я только такъ, для полноты разсказа, заговорилъ о развалинахъ Самойловичева памятника.

Я, изволите видѣть, по порученію кіевской археографической коммиссіи, посѣтилъ эти полуразвалины и, разумѣется, съ помощію почтеннѣйшаго отца Иліи, узналъ, что монастырь воздвигнутъ кош-

томъ и працею несчастнаго гетмана Самойловича въ 1674 году, о чемъ свидѣтельствуетъ портретъ его, яко ктитора, написанный на стѣнѣ внутри главной церкви.

Узнавши все это и нарисовавши, какъ умѣлъ, главныя или святыя ворота, да церковь о пяти главахъ Петра и Павла, да еще трапезу и церковь, гдѣ погребенъ вѣчныя памяти достойный князь Николай Григорьевичъ Репнинъ, да еще уцѣлѣвшій циклопическій братскій очагъ, сдѣлавши, говорю, все это, какъ умѣлъ, я на другой день хотѣлъ было оставить городъ П. и отправиться въ Л. посмотрѣть на монастырь, воздвигнутый набожною матерью Ереміи Вишневецкаго Корибута. Сложилъ было уже всю свою мизерію въ чемоданъ и хотѣлъ фактора Лейбу послать за лошадьми на почтовую станцію, только входитъ мой хозяинъ въ комнату и говоритъ:

— И не думайте, и не гадайте; вы только посмотрите, что на улицѣ творится.

Я посмотрѣлъ въ окно, и дѣйствительно вдоль грязной улицы тянулося двѣ четырехмѣстныя кареты, нѣсколько колясокъ, бричекъ, вагоновъ разной величины и наконецъ простыя телѣги.

— Что все это значитъ? спросилъ я своего хозяина.

— А это значитъ то, что одинъ изъ потомковъ славнаго п—аго полковника, современника Мазепы, завтра имянинникъ.

Хозяинъ мой, нужно замѣтить, былъ уѣздный преподаватель русской исторіи и любилъ щегольнуть своими познаніями, особенно передъ нашимъ братомъ—ученымъ.

— Такъ неужели весь этотъ транспортъ тянется къ имяниннику?

— Э! это только начало, а посмотрите, что будетъ къ вечеру: въ городѣ тѣсно будетъ.

— Прекрасно. Да какое-же мнѣ дѣло до вашего имянинника?

— А такое дѣло. что мы съ вами возьмемъ добрыхъ тройку коней, да и покатимъ чуть свѣтъ въ Д.

— Въ какіе Д.?

— Да просто къ имяниннику.

— Я вѣдь съ нимъ не знакомъ!

— Такъ познакомитесь.

Я призадумался.—А что въ самомъ дѣлѣ, не махнуть-ли по праву разыскателя древностей полюбоваться на сельскія импрови-

зированныя забавы? Это будетъ что-то новое. Рѣшено!... И мы на другой день поѣхали въ гости.

Начать съ того, что мы сбились съ дороги не потому, что было еще темно, когда мы выѣхали изъ города, а потому, что возница (настоящій мой землякъ!), переѣхавши черезъ удайскую греблю, опустилъ возжи, а самъ призадумался о чемъ-то, а кони, не будучи глупы, и пошли транспортной дорогой, разумѣется, по привычкѣ. Вотъ мы и пріѣхали въ село И.; спрашиваемъ у перваго встрѣтившагося мужика, какъ намъ проѣхать въ Д.

— Въ Д., говоритъ мужикъ... А просто берите на П.

— Какъ на П.? Вѣдь мы ѣдемъ съ П.

— Такъ не треба було вамъ и ѝздыть въ П., отвѣчалъ мужикъ совершенно равнодушно.

— Ну, какъ же намъ теперь проѣхать въ Д., чтобы не возвращаться въ П., а? спросилъ я.

— Позвольте, тутъ гдѣ-то недалеко есть село С., тоже потомка славнаго полковника. Не знаетъ-ли онъ этого села?

— А. С., земляче, знаешь? спросилъ я у мужика.

— Знаю! отвѣчалъ онъ.

— А Д. отъ С. далеко?

— Ба ни.

— Такъ ты покажи намъ дорогу на С., а тамъ ужъ мы найдемъ какъ-нибудь Д.

— Ходимъ за мною, проговорилъ мужикъ, и пошелъ по улицѣ впереди нашей удалой тройки.

Онъ повелъ насъ мимо старой деревянной одноглавой церкви и четырехъ-угольной бревенчатой колокольни, глядя на которую я вспомнилъ картину незабвеннаго моего Штернберга «Освященіе пасокъ» и мнѣ грустно стало. При имени Штернберга я многое и многое воспоминаю.

— Оце вамъ будо шляхъ просто на С., говорилъ мужикъ, показывая рукою на едва замѣтную дорожку, блестѣвшую между густой зеленой пшеницею.

Замѣчательно, что возница нашъ въ продолженіе всей дороги отъ П. до И. и во время разговора моего съ мужикомъ все молчалъ и только увидѣвъ изъ-за темной полосы лѣса крытый бѣлымъ желѣзомъ куполъ, проговорилъ: вотъ вамъ и С.!, а потомъ опять

онѣмѣлъ. Это общая черта характера моихъ земляковъ. Землякъ мой, если что и впопадъ сдѣлаетъ, такъ не разговорится о своей удали, а если, Боже сохрани, опростофилится, тогда онъ дѣлается совершенной рыбой.

Въ С. мы узнали дорогу въ Д. и поѣхали себѣ съ Богомъ между зеленою пшеницею и житомъ.

Товарищу моему, кажется, не совсѣмъ нравилось такое путешествіе, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ претензію на щеголя (а надо вамъ замѣтить, мы были одѣты совершенно по бальному). Онъ, какъ и возница нашъ, тоже молчалъ и не проговорилъ даже: а вотъ и С., такъ былъ озлобленъ пылью и прочими дорожными неудачами. Я же, не смотря на фракъ и прочія принадлежности, былъ совершенно спокоенъ и даже счастливъ, глядя на необозримыя пространства, засѣянныя житомъ и пшеницею. Правда, и въ мое сердце прокрадывалась грусть, но грусть иного рода. Я думалъ и у Бога спрашивалъ: Господи, для кого это поле засѣяно и зеленѣетъ? Хотѣлъ было сообщить мой грустный вопросъ товарищу, но, подумавши, не сообщилъ. Когда-бы не этотъ проклятый вопросъ, такъ не кстати родившійся въ моей душѣ, я былъ бы совершенно счастливъ, купаясь, такъ сказать, въ тихо-зыблемомъ морѣ свѣжей зелени. Чѣмъ ближе подвигались мы къ балу, тѣмъ грустнѣе и грустнѣе мнѣ дѣлалось, такъ что я готовъ былъ поворотить, какъ говорится, оглобли назадъ. Глядя на оборванныхъ крестьянъ, попадавшихся намъ на встрѣчу, мнѣ представлялся этотъ балъ какимъ-то нечеловѣческимъ весельемъ.

Такъ-ли, сякъ-ли, мы наконецъ добрались до нашей цѣли уже передъ закатомъ солнца. Не описываю вамъ ни великолѣпныхъ дубовъ, насажденныхъ прадѣдами, составляющихъ лѣсъ, освѣщенный заходящимъ солнцемъ, среди котораго высится бельведеръ съ куполомъ огромнаго барскаго дома, ни той широкой и величественной просѣки или аллеи, ведущей къ дому, ни огромнаго села, загроможденнаго экипажами, лошадьми, лакеями и кучерами; не описываю потому, что насъ встрѣтила передъ нашимъ въѣздомъ въ аллею безконечная кавалькада амазонокъ и амазоновъ и совершенно сбила меня съ толку; но товарищъ мой не оробѣлъ: онъ ловко выскочилъ изъ телѣги и хватски раскланивался со всею кавалькадою, изъ чего я заключилъ, что онъ порядочный шутникъ. По ми-

нованіи амазонокъ, амазоновъ и наконецъ грумовъ или жокеевъ, я тоже вылѣзъ изъ телѣги, расплатился съ нашимъ возницею и на вопросъ его: дежъ я буду ночувать? сказалъ: въ зеленій диброви, земляче, послѣ чего онъ посвисталъ и поѣхалъ въ село, а мы скромно пошли вдоль великолѣпной аллеи къ барскому дому. Но чтобы придать себѣ физіономію, хоть сколько-нибудь похожую на джентельменовъ, зашли мы въ такъ называемый холостой флигель, отстоящій не далеко отъ главнаго зданія, гдѣ встрѣтили насъ джентельмены самаго неблагопристойнаго содержанія. Обыкновенно бываетъ, что люди, послѣ немалосложнаго обѣда и не шуточной выпивки, предаются сновидѣніямъ, а у нихъ какъ-то вышло это напротивъ. Они скакали, кричали и чортъ знаетъ что выдѣлывали, и всѣ, разумѣется, въ шотландскихъ костюмахъ. Цинизмъ, чтобы не сказать мерзость, и больше ничего! Виргилій мой добился кое-какъ умывальника съ водой и лоханки, и мы, въ корридорѣ умывши свои лики и согнавши пыль съ фраковъ, посредствомъ вытряхиванія, отправились въ садъ, въ надеждѣ встрѣтиться съ хозяевами.

Надежда насъ не обманула. Мы вошли сначала въ домъ и, пройдя двѣ залы, очутились на террасѣ, уставленной роскошнѣйшими цвѣтами. Спустившись съ террасы и пройдя дорожкой, тщательно пескомъ усыпанной, черезъ зеленую площадь (изъ патріотизма называемую левадою), вошли мы въ садъ, къ немалому моему удивленію, не въ англійскій и не въ французскій садъ, а въ простой естественный дубовый лѣсъ или въ дубраву. И, если-бы не желтыя дорожки блестѣли между старыми, темными дубами, то я совершенно забылъ-бы, что нахожусь въ барскомъ саду, а не въ какой-нибудь заповѣдной дубравѣ. Виргилій мой повелъ меня къ высокому, раскидистому, огромному дубу и показалъ мнѣ на стволѣ его небольшое отверстіе въ родѣ маленькаго окошечка, сказавши: «посмотрите въ это оконце»! Я посмотрѣлъ и, разумѣется, ничего не увидѣлъ.—«Посмотрите пристальнѣе»! Я посмотрѣлъ пристальнѣе и увидѣлъ что-то въ родѣ иконы Божіей Матери. И, дѣйствительно, это была икона Ржавецкой Божіей Матери (такъ мнѣ пояснилъ мой Виргилій), врѣзанная въ этотъ дубъ знаменитымъ п—скимъ полковникомъ, годъ спустя послѣ полтавской битвы.

Слушая поясненія сего историческаго факта, я не замѣтилъ, какъ мы вышли опять на леваду, гдѣ и встрѣтили хозяина и хозяйку, окруженныхъ толпою улыбающихся гостей своихъ.

Виргилій мой, довольно ловко для уѣзднаго преподавателя, расшаркнулся передъ хозяиномъ и хозяйкою, причемъ хозяинъ протянулъ ему покровительственно указательный палецъ лѣвой руки, украшенный дорогимъ перстнемъ. Виргилій мой съ подобострастіемъ схватилъ его палецъ обѣими руками и рекомендовалъ меня, какъ своего друга и ученаго собрата. Я въ свою очередь тоже расшаркнулся, надо сказать правду, довольно по ученому, то есть по медвѣжьи, послѣ чего толпа гостей увеличилась двумя членами.

Не описываю вамъ ни хозяйки, ни хозяина, потому что во время нашей аудіенціи на дворѣ было почти темно, слѣдовательно, подробностей разсмотрѣть было не возможно. А какъ ни будь хороша картина въ цѣломъ, но если художникъ пренебрегъ подробностями, то картина его останется только эскизомъ, на который истинный знатокъ и любитель посмотритъ и только головой покачаетъ и отойдетъ со вздохомъ къ портретамъ Зорянки—восхищаться гербами, съ убійственною подробностію изображенными на пуговицахъ какого нибудь вицъ-мундира.

Во избѣжаніе помаванія главы знатока и любителя оконченныхъ картинъ, я ограничусь только первымъ впечатлѣніемъ, что, по мнѣнію психологовъ, самая важная черта при изображеніи характеровъ.

Первое впечатлѣніе, произведенное на меня хозяйкою, было самое пріятное впечатлѣніе, а хозяиномъ—напротивъ. Но это, быть можетъ, указательный палецъ лѣвой руки, такъ благосклонно протянутый моему пріятелю, былъ причиною непріятнаго впечатлѣнія. Веселая толпа гостей тихонько двигалась къ дому, уже освѣщенному ярко внутри, а на террасѣ между роскошными цвѣтами и лимонными деревьями только еще разноцвѣтные фонари развѣшивали.

Лишь только хозяинъ съ хозяйкою вступили на террасу, какъ крѣпостной оркестръ грянулъ знаменитый маршъ изъ Вильгельма Теля. Послѣ марша сейчасъ, не переводя духу, полонезъ,—и балъ начался во всемъ своемъ величіи.

Нѣкій ученый мужъ, кажется, баронъ Боде, поѣхалъ изъ Тегерана къ развалинамъ Персеполиса и описалъ довольно тщательно свое путешествіе до самой долины Мардамтъ; увидѣвши же величественныя руины Персеполиса, сказалъ: «такъ какъ многіе путе-

шественники описывали сіи знаменитыя развалины, то мнѣ здѣсь совершенно нечего дѣлать». Я то же могу сказать, глядя на провинціальный балъ, хотя мое путешествіе не имѣло цѣли описанія провинціальнаго бала и не было сопряжено съ такими трудностями, какъ путешествіе изъ Тегерана къ развалинамъ Персеполиса, да и сравненіе, надо правду сказать, я дѣлаю самое неестественное; но что дѣлать,—что подъ руку попалось, то и валяй.

Любую повѣсть прочтите современной нашей изящной словестности, вездѣ вы встрѣтите описаніе, если не столичнаго, то ужъ непремѣнно провинціальнаго бала и, разумѣется, съ разными прибавленіями на счетъ нарядовъ, ухватокъ или манеръ и даже самыхъ физіономій, какъ будто природа для провинціальныхъ львицъ и львовъ особенныя формы дѣлала. Вздоръ! Формы однѣ и тѣже, и ежели есть между ними разница, такъ это только та, что провинціальные львы и львицы несомнѣнно ручнѣе столичныхъ, чего, сколько мнѣ извѣстно, описатели провинціальныхъ баловъ не замѣтили. Слѣдовательно, всѣ балы описаны, начиная отъ бала на «Фрегатѣ Надежда» до русской пирушки на нѣмецкій ладъ, гдѣ устьсысольскіе ребята немножко пошалили. И въ отношеніи провинціальнаго бала я могу сказать смѣло, что мнѣ совершенно нечего дѣлать, какъ только любоваться свѣжими, здоровыми лицами провинціальныхъ красавицъ.

Одно меня немного озадачило на этомъ балѣ, именно то. что не видно было ни одного мундира, несмотря на то, что въ п—омъ уѣздѣ квартировалъ стрѣлковый баталіонъ. Не постигая сей причины, я обратился къ моему Виргилію; а Виргилій мой въ эту самую секунду выдѣлывалъ въ кадрили *па* самымъ классическимъ образомъ. Я терпѣливо ожидалъ конца послѣдней фигуры кадрили, а между тѣмъ разгадывалъ вопросъ предположеніями. Можетъ быть, думалъ я, они тово?.. Но нѣтъ, эта профессія принадлежитъ болѣе гусарамъ и вообще кавалеріи, а вѣдь они пѣхотинцы, да еще съ ученымъ Кантомъ. Нѣтъ, тутъ что-нибудь да не такъ!

Въ эту минуту кадриль кончилась и вспотѣвшій мой Виргилій подошелъ ко мнѣ.

— А, каково пляшемъ? проговорилъ онъ, утираясь.

— Ничего, изрядно, отвѣчалъ я разсѣянно.

— А вотъ что, сказалъ я ему почти шепотомъ: отъ чего это военныхъ нѣтъ на балѣ?

— Ихъ почти нигдѣ не принимаютъ, тѣмъ болѣе въ такомъ домѣ, какъ домъ нашего Амфитріона.

— Странно, подумалъ я и, подумавши, спросилъ:

— А барышни ничего?

— Совершенно ничего!

Въ это время заиграли вальсъ и менторъ мой завертѣлся съ какой-то аппетитной брюнеткой. А я, протолкавшись кое-какъ между зрителей и зрительницъ, т. е. между горничныхъ и лакеевъ, столпившихся у растворенныхъ дверей, вышелъ на террасу и думалъ о томъ, какъ

«Мы подвигаемся замѣтно»...

. . . .

Балъ былъ увѣнчанъ самымъ роскошнымъ ужиномъ и не спрыснутъ, не запитъ, а буквально былъ залитъ шампанскимъ всѣхъ наименованій. Меня просто ужаснула такая роскошь.

Послѣ ужина Амфитріонъ предложилъ гроссъ-фатера, что и было принято съ восторгомъ счастливыми гостями.

Гроссъ-фатеръ начался и продолжался со всей деревенской простотою до самаго восхода солнца.

Красавицы, особенно красавицы въ родѣ героинь покойнаго Бальзака, т. е. красавицы не первой свѣжести, не совѣтую вамъ танцовать до восхода солнечнаго! Власть, удержанная при свѣтѣ свѣчей надъ нашимъ бѣднымъ сердцемъ, распадается при свѣтѣ солнца и обаяніе, навѣянное вами въ продолженіе ночи, смѣняется какимъ-то горько-непріятнымъ чувствомъ, похожимъ на пресыщеніе. Но вы, алчныя пожирательницы бѣдныхъ сердецъ нашихъ, въ торжествѣ своемъ и не замѣчаете, какъ близится день и могущество ваше исчезаетъ, какъ прозрачный туманъ, разостлавшійся надъ болотомъ.

Такъ думалъ я, оставляя веселый, непринужденный гроссъ-фатеръ и пробираясь между дубами къ нашему лагерю (гости не помѣщались въ зданіяхъ; разбивалось нѣсколько палатокъ въ концѣ сада, что и означало лагерь, или, ближе, цыганскій таборъ). При-

ближаясь къ палаткамъ, блестѣвшимъ на темной зелени, я, къ немалому моему удивленію, услышалъ пѣсни и хохотъ въ одной палаткѣ. То были друзья-собутыльники, предпочитавшіе мірскую суету уединенію, нельзя сказать совершенному. Я кое-какъ пробрался въ свою палатку, наскоро перемѣнилъ фракъ на блузу и скрылся въ кустахъ орѣшника.

Я не зналъ, что къ саду примыкаетъ прудъ, и мнѣ показалось страннымъ, когда густыя, темныя вѣтви орѣшника стали рисоваться на бѣломъ фонѣ. Я вышелъ на полянку, и мнѣ во всей красѣ своей представилось озеро, осѣненное старыми берестами или вязами и живописнѣйшими вербами. Чудная картина!—вода не шелохнется,—совершенное зеркало, и вербы-красавицы какъ-бы подошли къ нему группами полюбоваться своими роскошными широкими вѣтвями. Долго я стоялъ на одномъ мѣстѣ, очарованный этою дивною картиной. Мнѣ казалось святотатствомъ нарушить малѣйшимъ движеніемъ эту торжественную тишину святой красавицы-природы.

Подумавши, я рѣшился однакожъ на такое святотатство. Мнѣ пришло въ голову, что не дурно-бы было окунуться раза два три въ этомъ волшебномъ озерѣ, что я тотчасъ-же и исполнилъ.

Послѣ купанья мнѣ такъ стало легко и отрадно, что я вдвойнѣ почувствовалъ прелесть пейзажа и рѣшился имъ вполнѣ насладиться. Для этого я усѣлся подъ развѣсистымъ вязомъ и предался сладкому созерцанію очаровательной природы.

Созерцаніе однакожъ не долго длилось. Я прислонился къ бересту и безмятежно уснулъ. Во снѣ повторилась таже самая отрадная картина, съ прибавленіемъ бала, и только странно— вмѣсто обыкновеннаго вальса, я видѣлъ во снѣ извѣстную картину Гольбейна «Танецъ смерти».

Видѣнія мои были прерваны пронзительнымъ женскимъ хохотомъ. Раскрывши глаза, я увидѣлъ рѣзвую стаю нимфъ, плескавшихся и визжавшихъ въ водѣ, и мнѣ волей-неволей пришлось разыграть роль нескромнаго Антона-пастуха. Я однакоже вскорѣ овладѣлъ собою и ползкомъ скрылся въ кустарникахъ орѣшника.

Въ одинадцать часовъ утра посредствомъ колокола сказано было холостымъ гостямъ, что чай готовъ (женатые гости наслаждались имъ въ своихъ нумерахъ). На сей отрадный благовѣстъ гости потянулись изъ своихъ уединенныхъ пріютовъ къ велико-

лѣпной террасѣ, украшенной столами съ чайными приборами и нѣсколькими пузатыми самоварами и кофейниками. Не успѣлъ я кончить вторую чашку свѣтло-коричневаго сиропа со сливками, какъ грянулъ вальсъ и въ открытыя двери въ залѣ я увидѣлъ вертящихся нѣсколько паръ. Когда-жъ они навертятся! подумалъ я и, сходя съ террассы, встрѣтилъ своего Просперо, который сообщилъ мнѣ по секрету, что сегодняшній вечеръ начнется концертомъ, чему я не мало обрадовался, хотя, правду сказать, многаго и не ожидалъ. Я однако-же ошибся.

Вскорѣ послѣ вечерней прогулки гости собрались кто въ чемъ попало, т. е. кто въ сюртукѣ, кто въ пальто, а кто держался хорошаго тона или корчилъ изъ себя англомана, такіе пришли во фракахъ; а о костюмахъ нѣжнаго пола и говорить нечего. Это уже всему міру извѣстно, что ни одна женщина, въ какой-бы степени ни была она красавица, не задумается разъ двадцать въ сутки перемѣнить свой костюмъ, если имѣетъ въ виду встрѣтить толпу, хотя-бы даже уродовъ, только не своей породы. Прошу не прогнѣваться, мои милыя читательницы,—это не выдумка, а неопровержимый фактъ.

Гости собрались и заняли свои мѣста, разумѣется, съ нѣкоторой сортировкой; что покрупнѣе, выдвинулось впередъ, а мелочь (въ томъ числѣ и насъ, Господи, устрой) помѣстилась въ кіоскахъ, въ потьмахъ, между колоннами. Когда все пришло въ порядокъ, явился на подмосткахъ, въ родѣ сцены, вольноотпущенный капельмейстеръ довольно объемистой стати и самой лакейской физіономіи.

— Ученикъ знаменитаго Шпора! кто-то шепнулъ возлѣ меня.

Еще мигъ,—и грянула «Буря» Мендельсона и, правду сказать, грянула и продолжала гремѣть удачно. Меня задѣлъ не на шутку віолончель. Віолончелистъ сидѣлъ ближе другихъ музыкантовъ къ авансценѣ, какъ-бы на показъ (что дѣйствительно и было такъ). Это былъ молодой человѣкъ, блѣдный и худощавый,—все, что я могъ замѣтить изъ-за віолончели. Соло свои онъ исполнялъ съ такимъ чувствомъ и мастерствомъ, что хотя-бы самому Серве такъ въ пору. Меня удивило одно,—отчего ему не аплодируютъ. Самому же мнѣ начинать было неприлично. Что я за судья, да и что я за гость такой?—Богъ знаетъ что и Богъ знаетъ откуда! Что скажутъ гости перваго разбора!

Между тѣмъ «Буря» кончилась и я услышалъ произносимыя въ полголоса похвалы артисту такого рода: «ай-да Тарасъ! ай-да молодецъ! Не даромъ побывалъ въ Италіи»!

Пока оркестръ строился, я успѣлъ узнать отъ сосѣда кое-что о заинтересовавшемъ меня артистѣ. Началась увертюра изъ «Преціозы» Вебера, и я, къ удивленію моему, увидѣлъ віолончелиста со скрипкою въ рукахъ, почти рядомъ съ капельмейстеромъ, и теперь я его могъ лучше разсмотрѣть.

Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати съ небольшимъ, стройный и граціозный, съ черными оживленными глазами, съ тонкими, едва улыбающимися, губами, высокимъ блѣднымъ лбомъ. Словомъ, это былъ джентельменъ первой породы и, вдобавокъ, самой симпатической породы.

Когда онъ исполнилъ арію Преціозы, я не утерпѣлъ,—закричалъ «браво»! и изо всей мочи сталъ аплодировать. Всѣ посмотрѣли на меня, разумѣется какъ на сумасшедшаго. Я однако-жъ не струсилъ и продолжалъ хлопать и кричать «браво!», пока наконецъ воловьи глаза самаго хозяина не заставили меня опомниться.

Оркестръ снова строился, но я, не ожидая услышать что-нибудь лучшее, вышелъ изъ залы въ садъ. Ночь была лунная, теплая и спокойная. Я бродилъ около дому недалеко и до меня долетали изъ хаоса звуковъ чудные звуки віолончеля или скрипки. Образъ грустнаго артиста, съ его меланхолическою улыбкою, носился, какъ бы живой, передо мною. Гдѣ я его видѣлъ? Гдѣ я съ нимъ встрѣчался? спрашивалъ я самъ себя и, послѣ долгаго напряженія памяти, я вспомнилъ, что я видѣлъ его во время обѣда, съ рукой, обернутой салфеткой, за стуломъ самого хозяина.

Мнѣ сдѣлалось почти дурно послѣ такого открытія.

Музыка затихла, и я пошелъ черезъ леваду по дорожкѣ къ старосвѣтскимъ таинственнымъ дубамъ. Пройдя не много, я услышалъ тихій шорохъ шаговъ за собою, оглянулся и узналъ преслѣдующаго меня віолончелиста. Я обратился было къ нему съ вопросомъ, но онъ предупредилъ меня, схвативъ мои руки, и со слезами прижалъ ихъ къ губамъ своимъ.

— Что вы, что вы? что съ вами сдѣлалось? спрашивалъ я его, стараясь освободить руки.

— Благодарю васъ, благодарю! говорилъ онъ шопотомъ. Вы, вы одинъ, единственный человѣкъ, который слушалъ меня и понялъ меня!

Онъ не могъ продолжать за слезами. Я молча взялъ его подъ руку и привелъ къ дерновой скамейкѣ, устроенной вокругъ столѣтняго развѣсистаго дуба.

Долго мы сидѣли молча, наконецъ онъ заговорилъ:

— Вы со мною очень милостивы!

Въ это время раздался голосъ, называвшій его по имени.

— Идите въ виноградную бесѣдку, сказалъ онъ, вставая.—Я сію минуту прійду къ вамъ.

И онъ поспѣшно удалился.

Глядя въ слѣдъ ему, я думалъ: вотъ вдохновенный миннезингеръ XII вѣка. Какъ мы не далеко однако-жъ ушли отъ благородныхъ рыцарей, разбойниковъ того плачевнаго вѣка! А просвѣщеніе идетъ себѣ впередъ крупными шагами...

Я всталъ со скамьи и пошелъ по дорожкѣ, ведущей къ виноградной бесѣдкѣ. Не знаю почему, а я не надѣялся услышать отъ него его безотрадную повѣсть, какъ это обыкновенно бываетъ, и я, слава Богу, не совсѣмъ ошибся. Правда, онъ передо мною высказался даже болѣе, можетъ быть, нежели самъ хотѣлъ; но то не простой нашъ бѣдный языкъ, которымъ онъ заговорилъ со мною,—то были божественные звуки, въ которыхъ отразились стоны страдающаго, непорочнаго сердца.

Пришелъ онъ ко мнѣ въ бесѣдку съ віолончелью и, не сказавъ ни свова, началъ настраивать инструментъ и, въ родѣ пробы, какъ бы шутя, проигралъ знаменитую каватину изъ «Нормы». У меня духъ захватывало при этихъ звукахъ. Не отнимая смычка отъ струнъ, онъ заигралъ одну изъ задушевныхъ мазурокъ вдохновеннаго Шопена. Кончивши мазурку, онъ едва внятно проговорилъ: «вотъ у насъ свой балъ». Проигралъ онъ еще нѣсколько мазурокъ, одну другой лучше, одну другой задушевнѣе.

Къ концу послѣдней мазурки я замѣтилъ сквозь виноградные листья безмолвныя лица многочисленныхъ слушателей; то были горничныя, лакеи и форрейторы пріѣзжихъ господъ. Они оставили окна, въ которыя глазѣли на нѣмецкіе танцы вымуштрованныхъ господъ и госпожъ своихъ и пришли послушать, какъ Тарасъ играетъ.

Орфей мой, отдохнувъ немного и настроивъ свою лиру, повелъ медленно смычкомъ по струнамъ—и полилася полная сердечной сладкой грусти, моя родная мелодія на слова:

Котилися возы зъ горы,
А въ долыни стали.

Проигравши тему, онъ варьировалъ ее на тысячу ладовъ и такъ варьировалъ, что я ничего подобнаго въ жизнь мою не слыхалъ, да, кажется, и не услышу никогда. Слушатели вокругъ бесѣдки въ продолженіе игры не пошевелились, и, когда онъ кончилъ свои чудныя варіаціи, слушатели долго еще слушали, не переводя духа, разразились наконецъ общимъ вздохомъ и снова замолчали.

Я молча взялъ его за руки и знакомъ просилъ его выйти изъ бесѣдки. Мы вышли и долго молча ходили по дорожкѣ, какъ-бы боясь заговорить. Наконецъ я, овладѣвши собой, спросилъ его:

— Гдѣ вы учились?

— Сначала дома.

— А потомъ?

— А потомъ баринъ съ барыней ѣздили за границу и меня съ собою брали, и, пока они жили въ Берлинѣ, я ходилъ нѣсколько разъ къ Шпору и больше нигдѣ не учился.

— Да вѣдь Шпоръ игралъ на скрипкѣ?

— Я на скрипкѣ у него и учился; скрипка и есть мой настоящій инструментъ, а віолончель это уже такъ.

— Что-же вы намѣрены теперь съ собою дѣлать? Вѣдь вы настоящій, великій артистъ!

— А что мнѣ съ собою дѣлать? Повѣситься, ничего больше.— Правду сказать, я и самъ не могъ ему ничего лучшаго предсказать.

— Прошедшаго лѣта, заговорилъ онъ, пріѣзжалъ къ намъ изъ Качановки Глинка, слушалъ мою игру на скрипкѣ и на віолончели, хвалилъ меня и просилъ барина, чтобы отпустилъ меня на волю. Они обѣщали ему, но тѣмъ, кажется, и кончилось.

— Не унывайте, молитесь Богу! Дастъ Богъ, все устроится.

— Я не отчаяваюсь. Михайло Ивановичъ, кажется, доброй такой; на него можно надѣяться.

— Совершенно можно, если только онъ про васъ не забылъ. Напишите вы ему письмо.

— Написать-то я напишу, да какъ-же я перешлю его? Вѣдь я адреса не знаю.

— Я знаю, и вы передайте письмо мнѣ. Напишите письмо сегодня, а я завтра буду въ городѣ и подамъ его на почту.

Въ это время мы подошли къ бесѣдкѣ и онъ спросилъ меня, наклонясь къ віолончели.

— Не сыграть-ли вамъ еще что-нибудь?

— Весьма вамъ благодаренъ. Вы устали, отдохните немного и приготовьте къ завтрему письмо.

И мы разстались.

Послѣ ужина (передъ восходомъ солнца), раскланявшись съ съ хозяиномъ и хозяйкой, я, не заходя въ таборъ, пошелъ въ село нанять лошадь съ телѣгою для совершенія обратнаго путешествія до города или хоть до почтовой станціи. Но, увы! во всемъ огромномъ селѣ ни лошади, ни телѣги не оказалось. Нечего сказать, мужики зажиточные! Пьяницы, я думаю, да лѣнтяи по большей части, а то какъ-бы не найтись во всемъ селѣ одной лошади съ телѣгою!.. Удивительный народъ наши мужики! Не припугни его, такъ ничего и не будетъ. А васъ однако-жъ, какъ видно, черезчуръ припугнули, подумалъ я, глядя на обнаженное село.

Дѣлать нечего, отправился я къ жиду въ корчму и нанялъ у него, разумѣется, за жидовскую цѣну, клячу на пять верстъ до какой-то фермы. А тамъ, увѣрялъ меня жидъ, хоть четверку можно нанять до самой П.

Съ помощію услужливаго Тараса Θедоровича (віолончелиста) мы уложили кое-какъ свою мизерію и выѣхали изъ села по дорогѣ въ П.

— Скажите мнѣ, что это такое за ферма, на которую онъ насъ теперь везетъ? спросилъ я у своего полусоннаго ментора.

— Ферма—это хуторъ Антона Карловича. Прекраснѣйшіе люди, т. е. онъ и Варвара Яковлевна! Прекраснѣйшіе люди! Заѣдемъ, непремѣнно заѣдемъ! Я уже ихъ давно не видалъ.

— Пожалуй, заѣдемъ. Мнѣ теперь за одно ужъ гулять-то, пока не выберусь на почтовую дорогу.

— Не будете жалѣть. Антонъ Карловичъ презамѣчательный человѣкъ. Онъ, изволите видѣть, началъ и кончилъ свою службу во флотѣ лѣкаремъ, путешествовалъ раза два вокругъ свѣта, оставилъ

службу и получаетъ себѣ полный пенсіонъ. Да теперь приватно занимаетъ мѣсто домашняго лѣкаря у нашего Амфитріона, а онъ ему вдобавокъ еще и хуторъ подарилъ со всѣми угодьями. Чего-жъ еще? Живи, да Бога хвали!

— И давно онъ уже живетъ здѣсь?

— Да будетъ лѣтъ около десяти съ небольшимъ.

— Что они семейные люди?

— Нѣтъ, только вдвоемъ. Правда, подъ ихъ непосредственнымъ надзоромъ воспитываются двѣ дочери помѣщика—премиленькія дѣти—и они-то, можно сказать, и замѣняютъ имъ настоящихъ дѣтей. Одной, я думаю, будетъ уже лѣтъ около шести, а другая годомъ меньше.

— Что-же ихъ не видно было на балѣ? Вѣдь онѣ, я думаю, уже качучу танцуютъ. А это, вы знаете, какое украшеніе бала.

— Нѣтъ. Я думаю, что онѣ качучи не танцуютъ, и, знаете, мать хочетъ ихъ воспитать въ совершенномъ уединеніи и послѣ выпустить на свѣтъ совершенно невинныхъ, какъ двухъ птенцовъ изъ подъ крылышка. Знаете, мнѣ эта идея чрезвычайно нравится, нравственно-философская и, можно сказать, поэтическая идея.— Какъ вы думаете?

— Дѣйствительно, поэтическая идея, но никакъ не больше. Я не подозрѣвалъ, однако-жъ, чтобы у Софьи Самойловны были дѣти. Она еще такъ свѣжа!...

— И прекрасна, прибавьте!

— Дѣйствительно, прекрасна.

Въ это время повстрѣчался намъ мужикъ и, снявши свой соломенный бриль, поклонился. И, когда мы проѣхали мимо его, то онъ все еще стоялъ съ открытой головой и смотрѣлъ на нашъ экипажъ и вѣроятно думалъ: чортъ ёго знае, що воно таке,—чи воно паны, чи воно жиды?—Паны, да еще изъ балу возвращающіеся.

Конечно, вы знаете лубочную картинку, изображающую, какъ жиды на шабашъ поспѣшаютъ. Много было общаго между этою картинкою и нашимъ экипажемъ, пожалуй и пассажирами. Какъ-же тутъ было мужику не остановиться и не полюбоваться такимъ величественнымъ поѣздомъ? А надо вамъ сказать, что пыль не скрывала нашего великолѣпія, потому что мы двигалися шагомъ и только

наши особы торчали изъ глубокой жидовской брички, а самъ хозяинъ шелъ пѣшкомъ, погоняя свою тощую клячу.

Нѣсколько разъ до меня долетали какія-то жидовскія слова, со вздохомъ произносимыя нашимъ возницею, и такъ часто повторялъ онъ одну и ту-же фразу, что я невольно ее затвердилъ и просилъ его перевести мнѣ ее, но онъ все не соглашался, увѣряя меня, что то были не хорошія слова.

— Такія крупныя, прибавилъ онъ, что объ нихъ и думать не хорошо, а не то, чтобы ихъ еще говорить.

Но я ему посулилъ гривну мѣди на водку, и онъ, посмотрѣвши на меня недовѣрчиво, сказалъ:

— Уни хушавке месъ; по вашему буде означать, что живой человѣкъ безъ денегъ, все равно, что мертвый.

Настоящая жидовская поговорка!

Вотъ мы и ѣдемъ себѣ тихонько по дорожкѣ между прекраснѣйшей зелени, освѣщенной утреннимъ солнцемъ. Роса уже немного подсохла и кузнечики начинали въ зеленомъ житѣ свой шопотъ, такой тихій, такой мелодическій шопотъ, что если-бы меня не укусила муха за носъ, то я непремѣнно-бы заснулъ. Согнавши проклятую муху, я невольно взглянулъ впередъ. Боже мой, да откуда-же все это взялося? Представьте себѣ, изъ зеленой гладкой поверхности, можно сказать, передъ самымъ носомъ, выглянули верхушки тополей, потомъ показались зеленыя маковки вербъ, потомъ цѣлый лѣсъ разстилался подъ горою, а за нимъ во всю долину раскинулося, какъ бѣлая скатерть, тихое свѣтлое озеро. Прекрасная, душу радующая, картина!

Я растолкалъ своего товарища и показалъ ему рукою на великолѣпный пейзажъ.

— Это ферма Антона Карловича. Мы тутъ встанемъ и пойдемъ черезъ рощу пѣшкомъ, а онъ пусть остановится около шинка подъ горою.

Сдѣлавши наставленіе жиду, мы пошли къ рощѣ; но въ рощу мы не такъ легко попали, какъ думали, потому что она обведена довольно широкимъ рвомъ, а противоположная сторона рва была защищена живою изгородью, т. е. усажена крыжовникомъ.

Взявшись съ пріятелемъ подъ руки (чего я между прочимъ терпѣть не могу), пошли мы вдоль изгороди, уставленной высо-

кими роскошными тополями. Изъ-за тополей кой-гдѣ просвѣчивались молодыя березовыя рощицы или темнѣлъ стройный молодой дубнякъ; то вдругъ стройный рядъ тополей прерывался усѣвшимся надъ самымъ рвомъ старымъ дубомъ, протянувшимъ свои живописныя вѣтви далеко за ровъ, на самую дорогу.

Пройдя добрыя полверсты, мы дошли до угла изгороди и поворотили влѣво по тропинкѣ, идущей параллельно со рвомъ подъ гору. При этомъ поворотѣ намъ открылось во всей красѣ своей тихое свѣтлое озеро, окаймленное густымъ зеленымъ камышемъ и раскидистыми огромными вербами. Подойдя къ озеру, мнѣ такъ и хотѣлось окунуться раза два-три въ его прозрачной водѣ. Но вожатый мой замѣтилъ мнѣ довольно основательно, что подобное дѣйствіе было-бы неприлично, тѣмъ болѣе, что въ то время мы подошли къ воротамъ парка, осѣненнымъ двумя старыми вербами. Мы безъ труда отворили ворота и вошли въ паркъ. Длинная тѣнистая дорожка вела къ дому, вдали бѣлѣвшемуся сквозь вѣтвей. Не доходя до дома, мы въ сторонѣ, недалеко отъ дороги, между деревьями увидѣли человѣческую фигуру въ бѣлой полотняной блузѣ, въ соломенной простой шляпѣ и съ сигарою въ зубахъ.

— Антону Карловичу имѣемъ честь кланяться, закричалъ мой вожатый.

Фигура въ блузѣ приподняла шляпу и, вынувши сигару изо рта, сказала:

— Добро жаловать!

Мы подошли другъ къ другу поближе. Это былъ самъ хозяинъ парка или фермы, свѣжій коренастый старикъ самой нѣмецкой физіономіи. Я былъ отрекомендованъ моимъ разбитнымъ путеводителемъ со всѣми прилагательными, на что Антонъ Карловичъ съ добродушной улыбкой протянулъ мнѣ руку и проговорилъ:

— Очень радъ.

Я съ своей стороны проговорилъ тоже какую-то лаконическую вѣжливость, и мы вышли снова на дорогу. Не успѣли мы ступить нѣсколько шаговъ, какъ къ намъ выбѣжали изъ-за куста цвѣтущей густой черемухи двѣ бѣлокурыя прекрасныя дѣвочки лѣтъ пяти или шести и бросились къ Антону Карловичу, крича: «а что, испугали, испугали»!

Антонъ Карловичъ молча указалъ имъ рукою на насъ, и дѣвочки оставили его и скрылись за кустъ черемухи.

Тѣмъ временемъ мы вышли на зеленую площадку, примыкающую одной стороной къ озеру, а другой къ крылечку чистенькаго бѣленькаго домика, кругомъ усаженнаго кустами сирени.

Дивное впечатлѣніе произвела на меня эта тихая граціозная картина!

Вслѣдъ за нами дѣвочки выбѣжали на лужокъ, а изъ дому на крылечко вышла молодая, прекрасная собою женщина, съ книгою и съ зонтикомъ въ рукѣ и пошла къ дѣтямъ. Это была гувернантка-француженка, какъ я послѣ узналъ.

Мы вошли на крылечко, и хозяинъ предложилъ намъ отдохнуть въ тѣни, а самъ пошелъ въ домъ.

Я на досугѣ залюбовался на дѣтей, играющихъ на зеленомъ лужкѣ и, правду сказать, на стройную, величественную фигуру прекрасной гувернантки, залюбовался до того, что не замѣтилъ, какъ къ намъ вышла на крылечко сама хозяйка.

Поклонившись, я извинился въ своей разсѣянности.

— Ничего, ничего, любуйтесь! У насъ, слава Богу, есть на что полюбоваться.

И она лукаво улыбнулась и обратилась къ моему товарищу. Тотъ началъ было рекомендовать меня, но она ему сказала нецеремонно.

— Не безпокойтесь, мнѣ ужъ Антонъ Карловичъ отрекомендовалъ. А вы лучше разскажите, каково вы повеселились на балѣ?

И пріятель мой пустился описывать ей балъ, а я тѣмъ временемъ сталъ разсматривать нецеремонную хозяйку дома.

Это была лѣтъ тридцати пяти, по крайней мѣрѣ, прекрасно сохранившаяся брюнетка, съ большими выразительными карими глазами, съ довольно свѣжимъ для ея лѣтъ румянцемъ на полныхъ щекахъ, со вздернутымъ носомъ, съ прекрасными бѣлыми крупными зубами и съ едва отвисшимъ подбородкомъ. А въ цѣломъ она была настоящій типъ малороссіянки. Даже голосъ ея и особенно произношеніе напоминалъ мнѣ мою землячку, какую нибудь чиновницу средней руки или высокой руки протопопшу, не смотря на то, что она была одѣта какъ настоящая барыня.

— А нуте васъ съ вашимъ баломъ! проговорила она скороговоркой, остановилась въ дверяхъ, да и затараторила:

— Прошу покорно въ покои! Вы хоть и съ балу сегодня, а вѣрно еще чаю не пили. Правду сказать, и мы еще только что поднялись.

Я пошелъ вслѣдъ за хозяйкою, а товарищъ мой, какъ человѣкъ, знакомый съ мѣстностью, пошелъ отыскивать жида и распорядиться на счетъ помѣщенія.

Въ первой комнатѣ, довольно большой, встрѣтилъ насъ Антонъ Карловичъ уже не въ полотняной блузѣ, а въ сѣромъ пальто изъ лѣтняго трико, и просилъ меня садиться безъ церемоніи.

— А вы, Марьяна Акимовна, пошлите свою Арину просить къ завтраку Адольфину Францовну съ дѣтьми.

На зовъ хозяйки явилась горничная, скромная и миловидная, въ деревенскомъ костюмѣ и, получивши приказаніе отъ Марьяны Акимовны на чистомъ малороссійскомъ языкѣ, вышла изъ комнаты.

Черезъ нѣсколько минутъ вошла въ комнату гувернантка съ двумя дѣвочками, а за нею и мой товарищъ. И всѣ мы усѣлись вокругъ стола, увѣнчаннаго громаднымъ самоваромъ. Если бы я не зналъ, чьи это были дѣти, то я подумалъ-бы, что Марьяна Акимовна была имъ настоящая мать: такъ мило, такъ матерински мило она ухаживала за ними. И, къ немалому моему удивленію, она, обращаясь къ гувернанткѣ, разговаривала съ нею по французски. Вотъ тебѣ и чиновница средней руки! Вотъ тебѣ и протопопша высшей руки! подумалъ я. Я былъ просто очарованъ Марьяной Акимовной, и, если-бъ она обращалась къ своей Аринѣ (кажется, единственной прислугѣ) хоть на великороссійскомъ діалектѣ, то я подумалъ бы, что я имѣю счастіе видѣть передъ собою, по крайней мѣрѣ, графиню или хоть просто даму высшаго полета.

Такова сила предубѣжденія противъ своего роднаго нарѣчія!

За чаемъ я случайно узналъ имена двухъ дѣвочекъ. Одну, кажется, старшую (онѣ были обѣ одинаковаго роста), звали Лизой, а другую Наташей. И такъ онѣ были похожи одна на другую, что, пересади ихъ съ мѣста на мѣсто, то и не зналъ-бы, которая изъ нихъ Лиза, а которая Наташа. А обѣ онѣ были чрезвычайно похожи на свою милую маменьку.

Хозяйка, между прочимъ, обратилась ко мнѣ и спросила, понравился ли мнѣ концертъ въ Д.?

— Вѣдь ужъ вѣрно тамъ не обошлось безъ концерта? прибавила она.

Я отвѣчалъ утвердительно.

— А каковъ віолончелистъ? Не правда-ли прекрасный?

— Превосходный! отвѣчалъ я.

— Это нашъ большой пріятель, и, кромѣ того, что онъ артистъ превосходный, нужно знать, что онъ и человѣкъ самаго нѣжнаго, самаго благороднаго сердца. Но что будешь дѣлать? прибавила она со вздохомъ. Лиза и Наташа плачутъ, когда не видятъ его два дня сряду, а про Адольфину Францовну и говорить нечего, сказала она шутя и поцѣловала гувернантку въ загорѣвшуюся щеку, изъ чего я замѣтилъ, что она понимаетъ по русски.

Мнѣ было чрезвычайно пріятно слышать подобный отзывъ о человѣкѣ, котораго я съ одного разу полюбилъ, какъ что-то близкое моему сердцу.

Послѣ чая Антонъ Карловичъ обратился къ намъ и просилъ въ свою хату.

— Я къ нимъ только въ гости захожу, а хата моя въ саду. И онъ взялся за свою шляпу. Мы послѣдовали его примѣру.

Бѣлая, соломой крытая хата, къ которой насъ привелъ Антонъ Карловичъ, стояла между фруктовыми деревьями и служила кабинетомъ Антону Карловичу и вмѣстѣ караульней. Чисто нѣмецкая штука!

Хата Антона Карловича, какъ вообще малороссійскія хаты, раздѣлялась сѣнями на двѣ половины: собственно на хату съ комнатою и на такъ называемую комору. Въ коморѣ, освѣщенной однимъ окномъ, помѣщалась у него аптека и библіотека, въ сѣняхъ лабораторія. Это можно было заключить изъ стоявшаго на широкомъ каминѣ алембика, реторты и стеклянныхъ и глиняныхъ банокъ. Стѣны свѣтлицы или кабинета были украшены луками, стрѣлами, томагауками и другими орудіями дикарей, что и свидѣтельствовало о кругосвѣтномъ странствованіи Антона Карловича. Около стѣнъ стояло двѣ кушетки, а между ними у стѣны простой дубовый столъ и на немъ электрическая машина.

— Не угодно-ли отдохнуть съ дороги, а я пока навѣдаюсь къ Д.: вѣдь я ихъ домашній медикъ. До свиданія!

И онъ оставилъ насъ въ своемъ кабинетѣ совершенными хозяевами.

— Не думалъ я, отправляясь на балъ, попасть въ кабинетъ [illegible]наго путешественника и, вдобавокъ, путешественника скром[illegible] подумалъ я вслухъ, когда мы остались одни.

— Да это что еще! сказалъ мнѣ товарищъ: вы загляните въ комнату, вотъ гдѣ рѣдкости!

И дѣйствительно рѣдкости! Во всю длину комнаты, около стѣны, дубовый широкій столъ уставленъ разнообразнѣйшими и красивѣйшими раковинами тропическихъ морей и по срединѣ стола, какъ разъ противъ окошка, плоскій ящикъ въ аршинъ длины и ширины со стекляной крышкой, заключавшій въ себѣ нумизматическія рѣдкости Антона Карловича.

Между разной формы и величины монетъ я увидѣлъ австрійскій таллеръ 17 вѣка съ глубоко-вдавленнымъ клеймомъ, изображавшимъ московскій гербъ.

— Не правда-ли, любопытная монета? сказалъ мнѣ товарищъ, указывая на талеръ: или, лучше сказать, любопытно клеймо.

— Но что оно значитъ—это клеймо? спросилъ я его.

— А вотъ изволите видѣть. Когда въ 1664 или 5-мъ году ходилъ наказнымъ гетманомъ Иванъ Золотаренко съ полками малороссійскими, то наши козаки не захотѣли брать жалованья московскою монетою, вотъ имъ и выдали австрійскими талерами, положивши московское тавро на каждый таллеръ.

Налюбопытствовавшись рѣдкостями Антона Карловича, я вышелъ въ садъ, оставивши своего товарища помечтать наединѣ, т. е. маленько пріуснуть.

Я обошелъ весь садъ или, лучше сказать, паркъ и не могъ довольно налюбоваться прелестью деревьевъ, чистотою дорожекъ и вообще истинно-нѣмецкою аккуратностью, съ какой все это содержится. Напримѣръ, у кого вы увидите, кромѣ нѣмца, чтобы между фруктовыми деревьями были посажены арбузы, дыни и даже кукуруза? Въ Германіи это понятно, но у насъ это просто непостижимо.

Изъ саду вышелъ я на греблю, усаженную вербами. Полюбовавшись чистенькой, аккуратной мельницей объ одномъ шумящемъ колесѣ и пройдя плотину, я очутился въ селѣ.

Село всего-на все, можетъ быть, хатъ двадцать. Но что это за прелесть, что ни хата, то и картина!

— Вотъ, подумалъ я, и не великое село, а весело. Попробовалъ я у встрѣтившагося мужика спросить, можно-ли у нихъ будетъ нанять лошадей до П.

— Можна, чому не можна, хоть пару, хоть дви пары, такъ можна!

— Хорошо. Такъ я зайду послѣ, поторгуюсь.

— Добре, поторгуйтесь.

За селомъ я увидѣлъ панскую клуню или господское гумно, уставленное скирдами разнаго хлѣба. Подходя къ гумну, я встрѣтилъ токоваго и онъ показалъ подвѣдомственный ему токъ или гумно. Я, какъ не агрономъ, смотрѣлъ на все поверхностно и разспрашивалъ тоже поверхностно; но изъ всего видѣннаго и слышаннаго мною заключилъ, что не мѣшало бы записнымъ агрономамъ поучиться кой-чему у Антона Карловича или хоть у его токоваго.

Спросилъ я у таковаго и на счетъ винокурни, почему, дескать, Антонъ Карловичъ, имѣя столько хлѣба, не построитъ себѣ винокуренку, хоть небольшую, и получилъ въ отвѣтъ:

— Богъ ихъ святый знае! Я и самъ имъ говорилъ, чтобъ построить хоть небольшую. Зачѣмъ? говорятъ: чтобъ пьяницъ голыхъ пускать по свѣту? Не нужно! Они у насъ такіе чудные, и, Боже сохрани, какъ они того проклятаго вина не любятъ.

— Дѣйствительно странный человѣкъ. Ну, а мужики у васъ въ селѣ есть пьющіе?

— Ни одного.

— Прекрасно. Куда же вы сбываете свой хлѣбъ?

— А куда сбываемъ? Нникуды больше, какъ у Д. Видите, паны тамъ бенкетуютъ, а мужики голодаютъ. Да еще мало того: въ селѣ, кромѣ корчмы, что ни улица, то и шинокъ, а въ каждомъ шинкѣ, для примaну людей, шарманка играетъ. Вотъ мужикъ бѣдный и пропиваетъ послѣднюю нитку подъ нѣмецкую музыку. Сказано, мужикъ—дуракъ.

— За то паны умудрились! О, филантропія! подумалъ я и простился съ токовымъ.

Подходя къ греблѣ, я невольно остановился полюбоваться старыми вербами, опустившими свои длинныя зеленыя вѣтви въ свѣтлую прозрачную воду. А изъ за этихъ роскошныхъ вѣтвей, съ противоположной стороны пруда, выглядываетъ изъ темной зелени бѣленькій, улыбающійся домикъ Антона Карловича и, какъ красавица, любуется своею прелестью передъ зеркаломъ, такъ онъ любуется собою въ прозрачномъ тихомъ озерѣ.

— Благодать! подумалъ я и пошелъ чрезъ греблю къ кокетливому домику.

Къ этому времени Антонъ Карловичъ возвратился отъ своихъ паціентовъ и, къ великой моей радости, привезъ съ собою милаго

моего виртуоза и съ віолончелью. Мы встрѣтились съ нимъ при входѣ въ садъ и дружески привѣтствовали другъ друга, какъ самые старые знакомые.

Къ намъ подошла Марьяна Акимовна и, нецеремонно взявъ меня за руку, сказала:

— Вы должны быть благороднѣйшій человѣкъ, коли полюбили нашего милаго Тараса Өедоровича. Отъ души вамъ благодарна.

Я молча поцѣловалъ ея руку. Въ это время подходилъ къ намъ Антонъ Карловичъ.

— Посмотри, посмотри, что нашъ гость дѣлаетъ! сказала она, обращаясь къ мужу.

— Ничего, ничего, говорилъ Антонъ Карловичъ, улыбаясь. А не лучше-ли будетъ, если мы пойдемъ, да съ борщемъ покуртизанимъ. Какъ вы думаете, Марьяна Акимовна?

— И въ самомъ дѣлѣ лучше. Прошу покорно, господа! сказала она, обращаясь къ намъ, и мы пошли обѣдать.

Многіе-ли изъ васъ господа, имѣющіе хоть одну крѣпостную душу, посадятъ рядомъ съ собою крѣпостнаго человѣка, хотя-бы этотъ человѣкъ былъ величайшій геній въ мірѣ? Ручаюсь, что ни одного не найдется, кромѣ истинно-благороднаго Антона Карловича.

Тарасъ Өедоровичъ сидѣлъ между шалуньями Лизой и Наташей, и онѣ ему бѣдному покоя не давали во время обѣда. Чудное, благородное равенство! Вотъ бы какъ надо людямъ жить между собою! Да что-же ты будешь дѣлать? Нельзя! Между прочимъ я услышалъ нѣсколько французскихъ фразъ, произнесенныхъ Тарасомъ Өедоровичемъ и гувернанткою. Этимъ окончательно полонилъ меня мой милый виртуозъ.

Послѣ обѣда мы, т. е. мужчины, отправились къ Антону Карловичу въ хату покурить. Но такъ какъ я человѣкъ не курящій и виртуозъ мой оказался такимъ-же, то мы пошли себѣ гулять по саду, пока не вышли на небольшую лощину, на которой стоялъ небольшой стогъ свѣжаго сѣна. Не устоялъ я противъ такого могучаго соблазна. Снявши галстухъ и сюртукъ, прилегъ, опустился на ароматное сѣно, и за мною, разумѣется, товарищъ мой тоже. А чтобы дрема не одолѣла, я повелъ издали рѣчь о двухъ дѣвочкахъ, жившихъ, такъ сказать, на хлѣбахъ у почтеннѣйшаго Антона Карловича.

— Какія милыя, прекрасныя дѣти! сказалъ я.

— И, прибавьте, счастливыя дѣти. Я не знаю, чтобы изъ нихъ было, еслибъ-бъ не существовало около нашего роскошнаго села этой фермы и этихъ добрыхъ людей.

— Да въ самомъ дѣлѣ, разскажите мнѣ, что это за оригинальная мать, которая воспитываетъ своихъ дѣтей такимъ образомъ. Мнѣ кажется, что въ этомъ возрастѣ дѣтямъ никто не можетъ замѣнить матери.

— Марьяна Акимовна имъ совершенно ее замѣнила. Вотъ что! Софья Самойловна, мать ихъ по названію, великосвѣтская дама, а главное—красавица. Красавица конфузится, когда ее кто спроситъ о здоровьи ея дѣтей. Для нея это все равно, что сказать: какъ вы Софья Самойловна, подурнѣли. И притомъ, какъ дама свѣтская, она послѣ каждаго бала (а ихъ у насъ въ году бываетъ три, а въ высокосный и четыре) должна отдать визиты своимъ гостямъ. А гостей, вы сами видѣли, сколько наѣхало. А 17 сентября такъ вдвое столько наѣдетъ, не смотря ни на какую погоду, потому что она сама тогда бываетъ имянинница. Пока отдастъ визиты, смотритъ—другой балъ готовится, тамъ третій... Такъ годъ и проходитъ. А тамъ если выберется время, надо и въ Петербургъ съѣздить: а то, говоритъ, между этими хохлами совсѣмъ очерствѣешь. Такъ сами посудите, до дѣтей-ли ей при такой жизни? И, по моему, лучше она ничего выдумать не могла, какъ отдать ихъ на руки Марьянѣ Акимовнѣ.

— Я съ вами согласенъ, что они умно сдѣлали, но хорошо ли, это другой вопросъ.

— Конечно, здѣсь сердце матери спрятано подъ себялюбіемъ свѣтской красавицы. Я слышалъ, однако-жъ, какъ-то недавно она о нихъ вспоминала. Года черезъ два она хочетъ ихъ отправить въ Смольный институтъ: въ п—скомъ, говоритъ, онѣ хохлачками сдѣлаются.

— И то правда. Какъ-же она не побоялась ихъ отдать М. Акимовнѣ? Или она думала оградить ихъ француженкою гувернанткой, да нѣмкою-горничною?

— Какое! нѣмецкая горничная сама скоро сдѣлается хохлачкою, а про гувернантку и говорить нечего. Послушайте, что я вамъ разскажу. Адольфинѣ Францовнѣ вздумалось учиться по-русски,

Вотъ Марьяна Акимовна ее учитъ, да вмѣсто того, чтобы по-русски— выучила ее по малороссійски. Софья Самойловна чуть было не поссорилась изъ-за этого съ Марьяной Акимовной. И знаете, что еще: она прекрасно поетъ нѣкоторыя наши пѣсни. Будемъ ее просить, чтобы она намъ хоть одну спѣла.

— Непремѣнно.

— Вонъ они! вонъ они! услышали мы невдалекѣ дѣтскіе голоса, и едва успѣли мы надѣть сюртуки, какъ подбѣжали къ намъ Лиза и Наташа и, ухватившись за полы сюртука Тараса Θедоровича, потащили въ садъ, приговаривая:

— Пойдемте, пойдемте! Васъ мама проситъ играть.

Пройдя нѣсколько шаговъ вслѣдъ за артистомъ, я увидѣлъ прислонившуюся къ дереву Адольфину Францовну и, подойдя къ ней, сказалъ ей какую-то любезность по малороссійски, на что она, сдѣлавши милую гримасу, очень незастѣнчиво отвѣчала мнѣ: спасиба! Мы пошли вслѣдъ за дѣтьми, разговаривая, какъ короткіе знакомые. Между прочимъ, въ доказательство своего знанія въ малороссійскомъ языкѣ, гувернантка прочитала мнѣ два стиха:

Катерино, сердце мое,
Лышенько съ тобою.

И съ такимъ милымъ выраженіемъ прочитала она эти стихи, что, не знай я, что она француженка, то, не запинаясь, сказалъ-бы, что она моя истинная землячка.

Любезничая съ мадамъ Адольфиной по хохлацки на французскій ладъ, мы немного отстали отъ дѣтей и арестованнаго артиста, а когда подошли къ дому, то нашъ артистъ уже на крылечкѣ игралъ на скрипкѣ плясовую малороссійскую пѣсню, а Лиза и Наташа передъ крылечкомъ съ поднятыми ручонками, какъ-бы прищелкивая, танцовали, приговаривая:

Гопъ-чукъ грычаныки,
Гопъ-чукъ печеныи.

Антонъ Карловичъ, сидя на крылечкѣ, добродушно улыбался, а Марьяна Акимовна брала поочередно дѣтей на руки, цѣловала съ самой искренней материнской нѣжностію. Поодаль стояла нѣмка-горничная и, увлекшись живымъ мотивомъ пѣсни, прищелкивала въ тактъ пальцами.

Одни простодушные счастливцы могутъ группировать изъ себя подобную картину.

Въ саду, кромѣ хаты Антона Карловича, была еще небольшая хатка съ навѣсомъ и вмѣсто завалинъ стояли вокругъ рѣшетчатыя деревянныя скамейки, а передъ хаткою старая липа, тоже со скамейкою вокругъ, только не деревянною, а дерновою. Хатка эта была мастерская или рабочая Марьяны Акимовны. Здѣсь сушились фрукты, варились варенья и созидались разныя великолѣпныя настойки и наливки. А подъ липою Марьяна Акимовна отдыхала по трудахъ.

Въ эту хатку на все лѣто выносилось фортепіано, потому что Марьяна Акимовна, не смотря на свои прозаическіе годы и занятія по части спитобной и съѣдобной, осталася въ душѣ артисткой и любила въ часы досуга забывать свое прозаическое насущное существованіе и уноситься въ міръ созвучій, въ небесные предѣлы божественной фантазіи.

Часто и долго сидя подъ липою, добрый Антонъ Карловичъ, куря свою сигару, слушалъ холодныя практическія думы поэта. Какъ снѣгъ предъ лицемъ весенняго солнца, нѣмецкая фантазія оживала, сигара гасла во рту и старикъ молодѣлъ.

Въ эту-то завѣтную хатку Марьяна Акимовна просила своихъ гостей чай пить.

Послѣ чая въ хаткѣ зажгли свѣчи. М-lle Адольфина, безъ всякихъ просьбъ и уговариваній, какъ это обыкновенно бываетъ съ порядочными барышнями, сѣла за фортепьяно, а Тарасъ Ѳедоровичъ вооружился віолончелью и, послѣ нѣсколькихъ аккордовъ, тихо, стройно, какъ будто съ неба, раздалася одна изъ божественныхъ сонатъ божественнаго Бетховена.

Мы всѣ остались подъ липою и, въ продолженіе сонаты, сидѣли, притая дыханіе; даже рѣзвыя дѣти—и тѣ прильнули къ Марьянѣ Акимовнѣ, затихли и только, улыбаясь, посматривали другъ на друга.

За сонатой Бетховена были съиграны съ одинаковымъ мастерствомъ двѣ сонаты Моцарта, послѣ нѣкоторыя мѣста изъ знаменитаго «Реквіума» и въ заключеніе совершенно неожиданно:

Ходыть гарбузъ по городу...

Дѣти закричали около Марьяны Акимовны, а Антонъ Карловичъ пошелъ въ хатку закурить сигару.

Тарасъ Өедоровичъ такія раскинулъ варіаціи на этотъ полувеселый, полугрустный мотивъ, что дѣти опять молча прильнули къ колѣнамъ Марьяны Акимовны, а у Антона Карловича опять сигара погасла.

Многіе-ли изъ людей въ блескѣ и роскоши проводятъ свои длинные вечера такъ нецеремонно, просто и такъ возвышенно-изящно, какъ мы простые, почти бѣдные люди провели этотъ незабвенный вечеръ? Я думаю, не многіе. И выходитъ, что истинно-прекрасное и возвышенное духовное не нуждается въ ремесленныхъ золоченыхъ или даже золотыхъ украшеніяхъ.

Кончивши варіаціи, артисты наши вышли изъ хатки и обратились съ просьбою къ Марьянѣ Акимовнѣ, чтобы и она съиграла для нихъ что-нибудь. Она отказалась. Мы присоединились къ нимъ— рѣшительно ничего не помогло:

— Завтра, говоритъ, я вамъ съиграю, а то сегодня это значитъ— послѣ меду хрѣну. Пойдемте лучше гулять. Вонъ смотрите изъ-за деревьевъ луна выглядываетъ.

И съ этими словами она вошла въ хатку, погасила свѣчи, притворила и замкнула двери, и всѣ мы, весело разговаривая, пошли любоваться, какъ полная луна изъ-за мельницъ и изъ-за старой вербы выглядываетъ и отражается въ темной прозрачной водѣ. Я совершенно былъ очарованъ и декораціями, и этими добрыми, простыми людьми.

Долго мы еще гуляли по саду вдвоемъ съ Тарасомъ Өедоровичемъ, который меня просто приворожилъ къ себѣ. Онъ, какъ это обыкновенно бываетъ съ довѣрчивыми добряками, разсказалъ мнѣ исторію своего печальнаго дѣтства, безъ всякаго съ моей стороны домогательства, какъ это тоже обыкновенно бываетъ съ пишущей братіей, и разсказалъ мнѣ потому, что я его со вниманіемъ, или, лучше сказать, съ участіемъ слушалъ.

— Отца, говорилъ онъ, я не помню и мать моя мнѣ никогда о немъ ничего не говорила. Хаты у насъ тоже своей не было, и мы, какъ говорятъ у насъ, жили въ сосѣдяхъ. т. е. переходили отъ одного мужика къ другому, пока я началъ ходить. Тогда она, какъ стала уже свободнѣе, то хотѣла было наняться у кого-нибудь на годъ, но ее никто не хотѣлъ нанять, не знаю почему: можетъ изъ-

за меня, или потому, что она была такая худая и блѣдная; только, обойдя всѣ села безъ успѣха, нанялася, наконецъ, у жида въ корчмѣ. Не могу вамъ сказать, сколько именно лѣтъ она служила у жида, только знаю, что я уже былъ порядочный мальчуганъ, когда она умерла. А умерла она, сколько я припомню, отъ чахотки. И, какъ теперь помню, за нѣсколько дней передъ смертью пришла въ свой чуланъ, или, лучше сказать, въ стойло съ стадомъ, слегла и ужъ больше изъ стойла не выходила. За нѣсколико минутъ передъ ея смертью я принесъ ей воды въ кружкѣ. Но она уже пить не могла и говорить тоже, а только поманила къ себѣ рукою и, когда я нагнулся къ ней, она едва-едва прикоснулась къ моей головѣ рукою, поцѣловала меня и двѣ слезы выкатились изъ ея потухающихъ очей. Потомъ она тихо вздохнула и умерла.

Сотскій похоронилъ ее за тотъ рубль, что оставался у жида ею неполученный. А я шлялся по селу, пока не присталъ къ партіи нищихъ. Между нищими былъ слѣпой кобзарь или бандуристъ; ему и рекомендовали меня, какъ мальчика скромнаго. Онъ и замѣнилъ мною своего прежняго вожака.

И, знаете, мнѣ понравилось мое новое положеніе, потому что я имѣлъ хоть какой-нибудь, а все-таки пріютъ. А еще больше мнѣ нравился слѣпецъ, котораго я водилъ. Онъ былъ еще молодой человѣкъ и, помню, чрезвычайно сухощавый и съ длинными пальцами. А въ особенности мнѣ нравилось, когда онъ самъ для себя, медленно перебирая струны бандуры, тихонько напѣвалъ:

На мори синему, на камени билому
Ясный сокилъ квилить проквиляе...

Что-то необыкновенное представлялось моему дѣтскому воображенію въ звукахъ и въ словахъ этой унылой пѣсни.

Вотъ такой-же, какъ и теперь, былъ въ Д. балъ, съ тою только разницею, что тогда и для нищихъ обѣдъ готовили, а теперь уже не готовятъ. Вотъ и мы съ толпами нищихъ пришли на обѣдъ. Вотъ мы сидимъ себѣ подъ деревомъ, и, въ ожиданіи обѣда, настроивши кобзу, заигралъ мой кобзарь. Насъ народъ такъ и обступилъ. Вотъ онъ играетъ, а я смотрю по сторонамъ и вижу—къ намъ господа съ барышнями. Толпа, разумѣется, разступилась предъ господами и сама Софья Самойловна подошла ко мнѣ и, потрепав-

ши меня по щекѣ, проговорила: какой хорошенькій! И, обратясь къ господамъ, сказала: я его непремѣнно возьму къ себѣ въ пажи!

Такъ и сталося! На другой день я былъ уже въ числѣ многочисленной дворни. Но какъ я, не знаю почему-то, оказался не способнымъ для должности пажа, то меня начали учить пѣнію, и я оказывалъ успѣхи. А потомъ стали учить и играть сначала на скрипкѣ, а потомъ и на віолончели.—Вотъ вамъ моя простая исторія, прибавилъ онъ и замолчалъ.

— Грустная, правду сказать, исторія!

— Что дѣлать? Прошедшее мое дѣйствительно грустно, но настоящее такъ безнадежно, такъ безотрадно, что если-бъ не эти благородные люди, то я не зналъ-бы, что съ собою дѣлать.

— Не отчаявайтесь, мой другъ, любите свое прекрасное искусство и Господь успокоитъ вашу страждущую душу и пошлетъ вашему терпѣнію счастливый конецъ.

— Не знаю, найдетъ-ли мое письмо Михайла Ивановича въ Петербургѣ?

— О, навѣрное, онъ никуда не уѣхалъ: это было-бы извѣстно.

— Да и можно-ли надѣяться, чтобы мое письмо могло имѣть успѣхъ?

— Безъ всякаго сомнѣнія. Я очень хорошо знакомъ съ Михайломъ Ивановичемъ. Это добрѣйшее, благороднѣйшее созданіе! Словомъ, это самый благодушный артистъ. Еще вотъ что. Я завтра разстанусь съ вами надолго, а быть можетъ и навсегда, но вы и эти добрые люди и эти часы, проведенные вмѣстѣ съ вами, такъ дороги моему сердцу, что для меня были-бы величайшимъ подаркомъ ваши, хоть коротенькія, письма. Прошу васъ, извѣщайте меня хоть изрѣдка. А о результатѣ вашего письма Михайлу Ивановичу вы непремѣнно меня увѣдомьте. Я вамъ завтра сообщу свой адресъ.

И онъ обѣщался мнѣ вести дневникъ и посылать его каждый мѣсяцъ ко мнѣ вмѣсто писемъ.

— Мнѣ, сказалъ онъ, такъ пріятно вамъ открываться во всемъ и вы съ такимъ вниманіемъ слушаете меня, что и я тогда буду воображать, что разсказываю вамъ лично о моихъ впечатлѣніяхъ.

Въ хатѣ Антона Карловича свѣтился еще огонь, когда мы подошли къ ней, но движенія уже никакого не было. Виргилій мой такъ усердно храпѣлъ, что за хатою было слышно. Вскорѣ и мы ему начали вторить.

На другой день поутру я пошелъ было на хуторъ нанять лошадей съ повозкою для перевезенія себя съ товарищемъ въ П., но Антонъ Карловичъ догналъ меня уже на греблѣ и воротилъ въ домъ, говоря, что порядочные люди такъ не дѣлаютъ, а Марьяна Акимовна и слышать не хочетъ, чтобы вы ранѣе трехъ дней оставили нашу ферму. Дѣти—и тѣ даже заплакали, услыхавши о такомъ вашемъ неделикатномъ поступкѣ.

Отъ Марьяны Акимовны я выслушалъ еще убѣдительнѣе рацею. И не думайте, говорила она, и не помышляйте! Какъ на свѣтѣ живу, то еще не видала, чтобы порядочные люди на другой же день изъ гостей уѣзжали; даже и на мужицкихъ коняхъ! Этого не токмо что у насъ, я думаю, и у нѣмцевъ не водится; такъ Антонъ Карловичъ, ты вѣдь нѣмецъ? а?

— Такой я нѣмецъ, какъ ты нѣмка, проговорилъ Антонъ Карловичъ и засмѣялся.

— Вотъ и Тарасъ Ѳедоровичъ останется у насъ, продолжала Марьяна Акимовна.

— Ему теперь послѣ бала совершенно тамъ дѣлать нечего. А Адольфина обѣщается намъ пѣть сегодня малороссійскія пѣсни; дѣти обѣщаются вамъ танцовать хоть цѣлый день «гречаныки».

— И метелыцю, мамаша, проговорили разомъ обѣ дѣвочки.

Противостоять не было возможности, и я сдался. Виргилій мой заговорилъ было о службѣ, объ обязанностяхъ, о попечителѣ.

— Ужъ хоть-бы вы молчали, а то разносились съ своимъ попечителемъ, право, ей-Богу! А еще старый знакомый... Пойдемте лучше въ мою хату чай пить, а то съ вами не сговоришься.

Переглянулись мы съ Виргиліемъ и пошли молча за Марьяной Акимовной.

Прогостили мы еще два дня у этихъ добрыхъ людей и въ это время удалось мнѣ сдѣлать карандашемъ нѣсколько видовъ счастливой фермы и почти одними чертами всю нашу компанію; а на первомъ планѣ помѣстилъ я Наташу и Лизу, танцующихъ «гречаныки». Все это едва-едва набросано. Но вотъ уже проходитъ двадцатый годъ, какъ любовался я этой живой картиной, и, глядя на этотъ эскизъ, я какъ будто снова любуюся этой живой картиной и даже слышу скрипку и прищелкиванье пальцами нѣмецкой горничной.

Мнѣ кажется, никакое геніальное описаніе лица и мѣстности не можетъ такъ оживить давно минувшее, какъ удачно проведенныхъ карандашемъ нѣсколько линій. По крайней мѣрѣ, на меня это такъ дѣйствуетъ.

На четвертый день нашего пребыванія на благодатной фермѣ, часу въ десятомъ утра, проводили насъ, какъ самыхъ близкихъ друзей своихъ, гостепріимные и счастливые обитатели фермы со всѣмъ своимъ домомъ. Даже Наташу и Лизу взяли съ собою. И проводили не только черезъ греблю, даже черезъ село до самой клуни. Тутъ мы усѣлись въ спокойную нетычанку Антона Карловича, запряженную парою добрыхъ коней и покатились по гладкой извилистой дорожкѣ.

Долго стояли друзья наши на одномъ мѣстѣ и махали намъ платками. А одна изъ дѣвочекъ, чтобы лучше видѣнъ былъ ея платокъ, вскочила на плечо Антону Карловичу и преусердно махала платкомъ. Нетычанка покатилась быстрѣе и быстрѣе и группа нашихъ друзей едва была замѣтна на горизонтѣ. Еще четверть версты, маленькая ложбина—и друзья исчезли за горизонтомъ. Я взглянулъ еще разъ назадъ, выѣхавши на пригорокъ, но увы! кромѣ клуни и скирдъ, на горизонтѣ ничего не было видно. Мнѣ стало грустно, такъ грустно, какъ будто я разставался съ своими родными на долгое, на неопредѣленное время. Оно такъ и сталось.

Во всю дорогу пріятель мой молчалъ, чему я былъ очень радъ, потому что не чувствовалъ въ себѣ способности вести самый пустой разговоръ. Вскорѣ на горизонтѣ показался нашъ городъ П., а нѣсколько ближе изъ-за темнаго лѣсу выглядывали главы, бѣлымъ желѣзомъ крытыя, соборной церкви Г—скаго монастыря.

Проѣзжая мимо этого обновляющагося замка-монастыря, меня чрезвычайно непріятно поразила новая, еще неоштукатуренная четыреугольная башня съ плоскою крышею, точно каланча.

— Что это такое за уродъ торчитъ? спросилъ я своего пріятеля.

— Это колокольня вновь отдѣланной домашней настоятельской церкви, что надъ малыми воротами.

— И вѣрно какой-нибудь досужій костромскій мужичекъ смастерилъ этакую штуку!

— Нѣтъ, извините, не мужичекъ, а настоящій патентованный художникъ!

— Какъ же онъ мастерски поддѣлался подъ византійскій стиль!

— Не извольте смѣяться надъ нашимъ художникомъ. Его торопятъ и денегъ не даютъ. А вотъ, когда поѣдете изъ П. въ Н., такъ увидите въ селѣ помѣщицы N. настоящій храмъ царя, этимъ художникомъ сооруженный. Уже на что нашъ посвященный знатокъ и покровитель искусствъ, можно сказать Меценатъ нашихъ дней, N—и тотъ посмотрѣлъ, да только ротъ разинулъ, а про непросвѣщеннаго и говорить нечего.

— Честь и слава вашему художнику!

Тѣмъ временемъ мы въѣхали въ городъ, а черезъ часъ я уже прощался съ почтеннѣйшимъ педагогомъ, прося его для пользы науки записывать все, что касается археологіи и вообще народнаго характера, какъ-то: пословицы, присказки, пѣсни, преданія и тому подобное. А найпаче просилъ я его по временамъ извѣщать меня о нашихъ добрыхъ друзьяхъ на фермѣ. Онъ обѣщался мнѣ все исполнить по мѣрѣ силъ своихъ. И мы разстались, и разстались надолго.

ЧАСТЬ II.

Разставаясь съ моимъ путеводителемъ, не думалъ я тогда, что я съ нимъ на долго-долго разстаюся; я тогда думалъ, что авось-либо въ будущемъ году поѣду вновь по Малороссіи по порученію кіевской археографической коммиссіи, буду въ Черниговѣ, а изъ Чернигова поѣду черезъ Нѣжинъ въ П. и по дорогѣ посмотрю хваленый храмъ, возвигнутый коштомъ помѣщицы К. и трудами патентованнаго художника, архитектора N., а въ П. погощу денекъ-другой у моего Виргилія и, если можно будетъ, навѣстимъ достойнѣйшаго Антона Карловича и Марьяну Акимовну и полюбуемся ихъ прекраснѣйшею фермою.

Такъ я тогда думалъ, а вышло, что человѣкъ распредѣляетъ, а Богъ опредѣляетъ. Вышло то, что я въ продолженіе двадцати лѣтъ (со дня выѣзда моего изъ П.) не только что не видѣлъ Кіева, Чернигова, Нѣжина, П. и моего Автомедона, и фермы, и всего, что я тамъ видѣлъ прекраснаго, но въ продолженіе двадцати лѣтъ не видѣлъ моей милой родины, ни даже звука роднаго не слыхалъ.

Вотъ что иногда судьба съ нами дѣлаетъ!

Послѣ двадцатилѣтняго моего странствованія по чужимъ краямъ, возвращаюсь я въ Малороссію и, проѣзжая смиренный городъ П., вспомнилъ сѣренькій домикъ на углу грязныхъ улицъ и велѣлъ ямщику или почтарю остановиться у этого мизернаго домика. Вылѣзъ я изъ телѣги, вхожу на дворикъ, меня встрѣчаютъ два мальчугана; я спрашиваю, здѣсь-ли живетъ Иванъ Максимовичъ С.

— Здѣсь! отвѣчаютъ мальчуганы оба разомъ.

— Дома онъ?

— Нѣтъ! они въ училищѣ.

— А есть-ли у васъ дома кто-нибудь постарше васъ?

— Есть мати дома, только они опочиваютъ; мы ее разбудимъ.

— Не нужно, не будите. Я послѣ зайду.

И я поѣхалъ на почтовую станцію.

День былъ прекраснѣйшій и уже клонился къ вечеру, и я, сложивши вещи свои, т. е. чемоданъ и котомку, на крылечкѣ станціоннаго дома, а подорожнюю отдавая смотрителю, просилъ его не торопиться съ лошадьми.

Учредивши-же такимъ образомъ, я усѣлся на своей мизеріи, т. е. на чемоданѣ, и принялся рисовать прекрасно освѣщенную вечернимъ солнцемъ каменную церковь, довольно неуклюжей, но довольно оригинальной архитектуры, построенную полковникомъ п—скимъ, Игнатомъ Г., тѣмъ самымъ, что первый отложился отъ Мазепы и передался царю Петру, за что и былъ, по смерти полковника Носа, возведенъ въ званіе п—скаго полковника и одаренъ великими маетностями въ томъ-же полку. Пока я срисовалъ сей памятникъ знаменитаго полковника, солнце повисло надъ горизонтомъ и толпа школьниковъ показалась на улицѣ, а за толпою школьниковъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи, появилась на улицѣ тощенькая, согбенная фигурка, съ зонтикомъ вмѣсто палки въ рукѣ. Это былъ мой Виргилій, и я почти побѣжалъ къ нему на встрѣчу.

Долго мы стояли среди улицы другъ противъ друга и наконецъ, послѣ долгихъ припоминаній, онъ протянулъ мнѣ руку и сказалъ:

— Антикварій! антикварій. Такъ это вы?... А я было уже васъ совсѣмъ похоронилъ!... Да какъ-же вы перемѣнились! Совсѣмъ было не узналъ...

— Спасибо еще, что хоть вспомнили.

— Да я васъ всегда вспоминалъ, только по наружности не узналъ. Прошу-же васъ покорнѣйше навѣстить меня въ моей убогой келіи.

И мы, разговаривая, подошли медленно къ воротамъ сѣренькаго, давно знакомаго мнѣ, домика.

У воротъ, какъ это обыкновенно бываетъ въ маленькихъ городахъ, стояла въ землю вросшая скамейка. Мы молча посмотрѣли на нее и сѣли.

— Да, такъ вотъ вы и попутешествовали, проговорилъ Иванъ Максимовичъ грустно; и свѣтъ Божій посмотрѣли, чай и за границей не разъ побывали... А я, какъ залѣзъ въ этотъ темный уголъ, такъ и на свѣтъ Божій не показываюсь: сижу себѣ, можно сказать, безъ всякаго движенія!...

И долго мы бесѣдовали, вспоминая каждый изъ насъ свое прошедшее. Между прочимъ онъ разсказалъ мнѣ, что вскорѣ послѣ нашей разлуки онъ женился на благородной и прекрасно-воспитанной, хотя и бѣдной, дѣвушкѣ. И думалъ, говоритъ, я съ нею вѣкъ свой коротать въ счастіи и любви; но Богъ судилъ мнѣ въ одиночествѣ вѣкъ свой коротать!—И старикъ заплакалъ.

— Братецъ! раздался женскій голосъ изъ-за воротъ: идите въ комнаты, пора вечерять, дѣти спать хотятъ.

— Накормите ихъ, сестрица, и уложите, а мы еще немного здѣсь посидимъ.—Сестрица! прибавилъ онъ: съ нами гость сегодня вечеряетъ, то вы-бы тамъ что-нибудь лишнее... хоть карасика поджарили, да послали-бъ Ѳеклу, знаете, на счетъ того...

— Пошлю, братецъ.

— Да... На третьемъ году нашего блаженства, продолжалъ онъ, съ разстановкой, она оставила меня на вѣки. Правда, я не совсѣмъ еще сирота: она оставила мнѣ малое дитя свое, для котораго, можно сказать, и прозябаю я. Въ тотъ самый годъ у сестры моей мужъ скончался скоропостижно и оставилъ ее тоже съ маленькимъ сиротою; вотъ мы съ нею и сошлись въ одинъ кутокъ, да и дѣлимъ свое горе, какъ намъ Богъ помогаетъ. Дѣтей, я думаю, съ Божіей помощью, въ гимназію... а тамъ...

— Братецъ, раздался снова женскій голосъ изъ-за воротъ: идите въ комнаты! На дворѣ роса и холодно, а вы только во фракѣ.

— Сейчасъ, сейчасъ, сестрица! Пойдемте въ нашу хату, а то и въ самомъ дѣлѣ какъ-бы намъ съ вами не простудиться. Вѣдь мы

съ вами не можемъ похвалиться молодостью, цвѣтущей здоровьемъ. Пойдемте!

И мы оставили скамейку и молча вошли въ комнату.

Комнатка, въ которой я двадцать лѣтъ тому назадъ провелъ нѣсколько дней на холостую ногу, была та-же, да не та. Бѣдность та-же, да только бѣдность эта была умытая и принаряженная женскою рукой; на чистенькомъ полу чистенькіе половики, у оконъ бѣлыя занавѣски, на окнахъ бальзамины и герань въ горшкахъ; столъ, досчатый диванъ, табуретки липовыя—тѣ-же, да какъ-то иначе смотрѣли. Что значитъ женская рука въ домашнемъ быту даже аккуратнаго мужчины!

Въ быту гражданскихъ мужчинъ это еще не такъ рѣзко бросается въ глаза, какъ у военныхъ. Напримѣръ, зайдите въ комнату холостого офицера: изба избой, такъ и несетъ отъ нее пѣнкой и табачищемъ. А у женатаго офицера—тоже изба, да только въ этой избѣ сундукъ, на которомъ у холостого деньщикъ спитъ съ собакою, покрытъ коврикомъ и замѣняетъ диванъ. На досчатомъ столикѣ, вмѣсто табачницы и гвоздя для ковырянья трубокъ, пестренькая ярославская салфеточка, зеркальце и какое-нибудь женское рукодѣліе. Словомъ, въ семейной жизни, даже въ бѣдности, есть какая-то свѣжая матеріальная прелесть: о нравственной прелести я и не говорю...

Изъ другой комнатки вышла къ намъ старушка въ черномъ платкѣ и въ бѣлѣйшемъ чепчикѣ, такая милая, чистенькая старушка, какую я рѣдко встрѣчалъ на своемъ вѣку.

— Рекомендую вамъ! Моя сестрица, Марья Максимовна!

Я поклонился,

— А они, сестрица, мой старый, добрый знакомый N. N.

Я снова поклонился, а она проговорила:

— Прошу садиться.

Я сѣлъ, а Иванъ Максимовичъ заглянулъ въ другую комнату и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— Какая у меня добрая, умная, догадливая сестрица! Представьте, мнѣ и въ голову не пришло, чтобы предложить вамъ съ дороги чаю, а вѣдь это какъ пріятно! Я просто живу у нея, какъ у Бога за дверьми. Ну, потчуйте-жъ насъ, моя дорогая, моя безцѣнная хозяйка!.. А дѣти спать уже легли, сестрица?

— Уже легли, братецъ, отвѣчала старуха, ставя на столъ чашки съ чаемъ.

— Ну хорошо, я вамъ завтра ихъ покажу. А по которому уже годочку имъ пошло теперь, сестрица? Они у насъ, знаете, однолѣтки, прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— Да вотъ на Петра и Павла минетъ по двѣнадцатому!

— Уже по двѣнадцатому! Боже мой, съ какою быстротой летятъ наши старыя лѣта! проговорилъ онъ какъ-бы съ самимъ собою.

— Двѣнадцать, двѣнадцать!.. Да!.. почти вскрикнулъ онъ, ударивши себя по лбу ладонью: чуть-чуть было не забылъ! У меня есть письмо на ваше имя, еще до моей свадьбы полученное мною. Такъ и лежитъ не распечатанное... И знаете отъ кого?

— Не знаю, отвѣчалъ я.

— Отъ вашего почтеннѣйшаго, благороднѣйшаго Тараса Ѳедоровича, помните віолончелиста у Антона Карловича на фермѣ?

— Боже мой, какъ не помнить! Я только что хотѣлъ было спросить о немъ у васъ.

— Все разскажу, дайте время. Много трогательнаго и даже поучительнаго въ жизни этого достойнаго человѣка. У меня даже есть записаны нѣкоторые случаи изъ его жизни; я, знаете, самъ хотѣлъ было на старости лѣтъ пуститься въ литературу, да какъ прочиталъ Марлинскаго, така у меня и руки опустились. Что за блестящій, что за геніальный слогъ!... Сестрица, потрудитесь намъ вынуть изъ нижняго ящика пачку бумагъ, веревочкой перевязанныхъ.

Старушка не замедлила внести порядочную пачку бумагъ, сахарной веревочкой перевязанныхъ и, отдавая ихъ брату, спросила:

— Эти, братецъ, бумаги?

— Эти, сестрица, благодарю васъ.—Вотъ, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ: вотъ сколько перепорчено бумаги, а все это литература виновата.

И, развязавши бумаги, онъ сталъ ихъ перелистовать и, остановясь на лоскуткѣ синей бумаги, сказалъ:

— А помните-ли, вы меня тогда просили записывать все, что я услышу, касающееся поэзіи и философіи нашего простого народа, помните?

— Помню, говорю.

— Вотъ я и исполнилъ вашу просьбу. Здѣсь вы много премудрости найдете... Да гдѣ-же это письмо? Ужъ не потерялъ-ли я его?

Нѣтъ, нѣтъ, вотъ оно. Я посылалъ его въ Кіевъ на ваше имя, а мнѣ возвратили его. Васъ уже въ Кіевѣ не было. И онъ подалъ мнѣ почтеннѣйшій конвертъ, говоря:

— А знаете что? Сегодня у насъ середа... Погостите у насъ до воскресенья, а въ воскресенье пустимся мы съ вами въ путешествіе, помните, какъ когда-то, только не на балъ, а просто-запросто на ферму. Тамъ вы лично увидите и автора сего письма; а до воскресенья я разберу эти лоскутки и, можетъ быть, и вамъ что нибудь прочитаю.

Я согласился и, послѣ долгихъ упрашиваній со стороны брата и сестрицы остаться ночевать у нихъ, взялъ письмо и отправился на почтовую станцію.

Случалось-ли вамъ читать письмо, написанное вашимъ искреннимъ другомъ и полученное почти пятнадцать лѣтъ спустя? Кто не читалъ подобнаго письма, тому напрасно бы я сталъ разсказывать и описывать впечатлѣніе, произведенное на меня письмомъ моего достойнѣйшаго друга Тараса Ѳедоровича, впечатлѣніе невыразимое, впечатлѣніе, которое только тотъ пойметъ, кому случалось читать подобное письмо.

Главный эффектъ такого письма тотъ, что вы какъ-будто только что простились и читаете строки только вчера написанныя, а пятнадцать лѣтъ вамъ покажутся какимъ-то непродолжительнымъ сновидѣніемъ.

Вотъ что писалъ мнѣ мой безцѣнный другъ:

Я былъ близокъ къ смерти, или, лучше сказать, къ помѣшательству, когда мы пріѣхали въ Петербургъ и я узналъ, что Михаилъ Ивановичъ уже другой годъ за границей. Вотъ причина, почему мое письмо, которое вы ему переслали, осталось безъ всякихъ послѣдствій. О, какъ горько, какъ невыразимо горько намъ, когда наши прекрасныя, блестящія надежды разбиваются молотомъ неумолимой судьбы!

Я обѣщалъ писать вамъ сейчасъ-же, какъ только узнаю какой-бы ни было результатъ моего письма къ Михайлу Ивановичу, и вотъ уже проходитъ третій годъ, какъ я только что собрался съ духомъ писать о своихъ, такъ безжалостно разрушенныхъ надеждахъ.

Послѣ бала, или, лучше сказать, послѣ того концерта, гдѣ вы мнѣ такъ чистосердечно апплодировали, концерта, въ слѣдствіе ко-

тораго я полюбилъ васъ какъ родного моего брата, такъ послѣ этого бала, недѣли двѣ спустя, у нашей Софьи Самойловны показался прыщикъ на лѣвой щекѣ; она его расцарапала; изъ прыщика сдѣлался вередъ, а изъ вереда къ августу мѣсяцу сдѣлалась рана такая, что она ее едва рукою закрывала. Вообразите себѣ ея положеніе, красавица, а не прошло мѣсяца, какъ на нее смотрѣть нельзя было; красавица, замѣтьте, такая, которая именемъ матери пожертвовала красотѣ своей... Не страдалъ такъ величайшій музыкантъ Бетховенъ, когда оглохъ, или великій вашъ Буонароти, когда ослѣпъ, какъ она бѣдная страдала.

Въ половинѣ августа рѣшено было ѣхать въ Петербургъ. Въ числѣ квартета и я былъ назначенъ. Радость мою только вы можете понять. Я думалъ: вотъ когда насталъ конецъ моимъ страданіямъ! А страданія только что начинались...

Поѣхали мы. Дорогою и *самъ* захворалъ и, не доѣзжая Великихъ Лукъ, на станціи Выруты, умеръ. Думаю, что она его въ гробъ вогнала своими капризами. И правду сказать: ничего въ свѣтѣ не можетъ быть ужаснѣе, какъ внезапно обезображенная красавица. Гіена, просто, гіена!

По пріѣздѣ въ Петербургъ, разумѣется, было не до гостей и не до квартетовъ; лакейская-же моя обязанность была не велика: уберу поутру комнаты, да и маршъ на цѣлый день, куда глаза глядятъ.

О, лучше-бы я никогда не видѣлъ свѣта Божьяго, чѣмъ видѣть его, чувствовать и не смѣть ни чувствовать, ни смотрѣть на него!

Послѣ того дня, въ который я узналъ, что Михаилъ Ивановичъ за границей, я заболѣлъ сначала лихорадкою, а потомъ, мѣсяцъ спустя, я увидѣлъ или сознавалъ себя въ Петровской больницѣ, что на петербургской сторонѣ.

Меня стали посѣщать по средамъ и по субботамъ товарищи мои, лакеи-виртуозы и, во едину отъ субботъ, сказали мнѣ, что наша Софья Самойловна скончалась подъ ножемъ какого-то знаменитаго хирурга и мы остались сиротами.

Я плохо поправлялся, такъ плохо, что даже самъ главный докторъ Кохъ, проходя мимо моей койки, не останавливался.

Весною однако-жъ я могъ уже прогуливаться по длинному широкому корридору, а въ маѣ мѣсяцѣ меня уже въ полдень и въ садъ выпускали часа на два.

Надо вамъ сказать, что въ Петровской больницѣ есть и женское отдѣленіе, въ третьемъ этажѣ, и женщинъ выздоравливающихъ тоже выпускаютъ въ полдень погулять въ саду. Вотъ однажды я сижу на скамейкѣ, подходитъ ко мнѣ больная въ тиковомъ халатѣ и въ бѣломъ чепчикѣ или такомъ колпакѣ, какой былъ и на мнѣ. Мы просидѣли молча, пока служитель не загналъ насъ въ палаты. На другой день были погода хорошая и насъ снова послали гулять въ полдень. Походивши немного, я присѣлъ на скамейкѣ. Вчерашняя дама снова приходитъ и садится около меня. Я какъ-то нечаянно взглянулъ ей въ лицо и увидѣлъ, что она была красавица, но только такая исхудалая, такая грустная, что у меня сердце заболѣло на нее глядя. Я не утерпѣлъ и спросилъ ее:

— О чемъ вы такъ грустите?

— О томъ, я думаю, о чемъ и вы: о здоровьи.

Я не удовольствовался ея отвѣтомъ и, немного помолчавъ, сказалъ ей:

— Здоровье ваше возобновится, да о здоровьи и не грустятъ такъ, какъ вы грустите.

— Да, это правда, сказала она и закрыла глаза рукою.

Служитель опять загналъ насъ въ палаты.

Нѣсколько дней сряду шелъ дождь. и я скучалъ, не видя моей знакомой-незнакомки. Наконецъ, дождикъ перестал и насъ опять выпустили въ садъ. Я прямо пошелъ къ скамейкѣ и, къ удивленію моему, на скамейкѣ уже сидѣла моя грустная знакомка. Я ей поклонился, она мнѣ тожъ, съ едва замѣтною, но такою грустною улыбкой, что я чуть было не заплакалъ.

— Вы должно быть страшно несчастны, сказалъ я ей, садясь на скамейку.

— А вы счастливы? спросила она, взглянувши на меня такъ выразительно, что я затрепеталъ и, пріійдя въ себя, взглянулъ на нее; а она все еще смотрѣла на меня съ прежнимъ выраженіемъ.

— Всмотритесь въ меня, сказала она.

Я силился посмотрѣть на нее, но не могъ вынести устремленнаго на меня взгляда ея глубоко-впалыхъ большихъ черныхъ очей.

— Неужели вы меня не узнаете? спросила она едва внятнымъ шепотомъ.

— Не узнаю, отвѣтилъ я.

— Такъ я должно быть страшно перемѣнилась? И, немного помолчавъ, сказала:

— Ну такъ вспомните Кленовку и 23 апрѣля 18.. года. Что, вспомнили?...

— Боже мой! неужели это вы, m-lle Тарасевичъ?

— Я, едва проговорила она и залилась горькими слезами.

На другой день мы снова съ нею встрѣтились у завѣтной скамейки и она мнѣ разсказала свою грустную исторію.

Я и безъ того писать или выражать свои мысли на бумагѣ не мастеръ, а какъ буду пускаться въ отвлеченности да въ отступленія, то письму моему и конца не будетъ. Но грустная исторія, которую мнѣ про себя разсказала бѣдная Тарасевичъ, должна заставить и нѣмого говорить, и глухого слушать.

О, если бы я имѣлъ великое искусство писать, я написалъ-бы огромную книгу о гнусностяхъ, совершающихся въ с. Кленовкѣ.

Не помню, въ какой именно книгѣ, я начиталъ такое изреченіе, что если мы видимъ подлеца и не показываемъ на него пальцами, то и мы почти такіе-же подлецы.—Правда ли это? Мнѣ кажется, что правда.

Поэтому я и разсказываю вамъ исторію Тарасевичъ и Кленовскаго *пана*, а вы съ нею что хотите, то и дѣлайте, а если напечатаете, то это будетъ самое лучшее. Только перепишите ее по своему, потому что у меня складу недостаетъ.

Была у насъ помѣщица п. уѣзда, богатая помѣщица, душъ около 4000, бездѣтная вдова-старушка, добрая такая, благочестивая, да Богъ ее знаетъ, что ей вздумалось: разъ поѣхала она въ Кіевъ на поклоненіе, да и вышла замужъ за молодого человѣка, красавца собою, нѣкоего г. Кленовскаго. Она, можетъ быть, бѣдная въ лѣтахъ заматерѣлая, о наслѣдникѣ чаяла,—не знаю. И сказано: человѣкъ изъ ума вышелъ: передала все свое имѣніе, вмѣстѣ съ собою, въ руки молодого красавца мужа, а онъ, не будучи дуракомъ, повернулъ все по своему. И то правда: вѣдь не на старушкѣ же онъ женился, а на ея деревняхъ. Кромѣ разныхъ улучшеній по имѣнію, отъ которыхъ мужички запищали, онъ завелъ у себя оркестръ, сначала наемный, а потомъ и крѣпостной, выстроилъ великолѣпный театръ, выписалъ артистовъ и завелъ театральную школу, разумѣется, крѣпостную. Пирамъ и бенкетамъ коца не было.

Старуха была въ восторгѣ отъ своего молодого мужа. Когда-же собственныя актрисы подросли и начали уже играть роли любовницъ и одалисокъ, то онъ, смотря по возрасту и наружнымъ качествамъ, учредилъ изъ нихъ гаремъ на манеръ турецкаго султана. Разумѣется, подобное заведеніе въ тайнѣ не могло процвѣтать; только странно, что послѣдняя о немъ узнала старуха-жена, а узнавши все это, занемогла, бѣдная, отъ ревности и вскорѣ Богу душу отослала. На смертномъ одрѣ она простила своего вѣроломнаго мужа и со слезами просила его исполнить ея послѣднюю волю, т. е. положить капиталъ въ банкъ и на проценты его воспитывать трехъ сиротъ-дѣвицъ въ п—скомъ институтѣ. Онъ, разумѣется, поклялся въ точности исполнить волю умирающей.

Онъ ее и исполнилъ, да только по своему.

Послѣ смерти жены его выбрали предводителемъ дворянства, какъ человѣка достойнаго и благонамѣреннаго. Онъ тутъ-же у себя въ уѣздѣ нашелъ не трехъ, а пять сиротокъ и завелъ у себя въ селѣ благородный пансіонъ. Нанялъ учителя, какого-то отставного поручика и гувернантку безъ аттестата, а главный надзоръ за нравственностью воспитанницъ поручилъ сестрѣ своей, грязной и красноносой старухѣ. Когда сиротки стали подростать, то имъ, кромѣ русской грамоты, стали преподавать и изящныя искусства, то есть пѣніе, музыку (игру на гитарѣ), танцы и сценическое искусство. И все это, разумѣется, свои крѣпостные наставники и наставницы. Въ число этихъ-то несчастныхъ воспитанницъ попала и Тарасевичъ. Когда воспитанницы уже порядочно подросли, то, которыя по-красивѣе были, сдѣлались, по ходатайству главной надзирательницы, украшеніемъ гарема, не какъ рабыни, а какъ благородныя султанши. Тарасевичъ хотя была красивѣе всѣхъ ихъ, и умнѣе и благороднѣе, но была тощенькая, и потому-то не обратила на себя ласковаго султанскаго взора. Не завидовала она своимъ счастливымъ подругамъ, что онѣ и на балахъ являлись и танцовали, а на театрѣ являлись передъ многочисленными гостями, разумѣется, съ крѣпостными артистами, ибо не образовывать-же въ самомъ дѣлѣ для нихъ сиротокъ-мальчиковъ благороднаго происхожденія!—возьметъ бывало себѣ потихоньку какой-нибудь романъ изъ библіотеки, да и спрячется гдѣ-нибудь въ саду, читаетъ его да плачетъ. Такъ она прочитала всѣ романы, какіе только

были въ библіотекѣ. И вышло то, что она не знала, что съ собою дѣлать; пуще прежняго похудѣла: такъ и думали всѣ, что умретъ. Уже и въ постель было слегла, на ладонъ, какъ говорятъ, дышала, уже и крестъ намогильный сдѣлали; хотѣли было и гробъ дѣлать, да боялись, чтобы не укоротить, потому что люди когда умираютъ, то, говорятъ, вытягиваются; а крестъ сдѣлали сажени въ двѣ вышины, дубовый; выкрасилъ его домашній живописецъ зеленою краскою; на одной сторонѣ намалевалъ Распятіе, а на другой Скорбящую Божію Матерь; внизу прибилъ желѣзную доску и написалъ на ней: «здѣсь покоится раба Божія Марія Тарасевичь, воспитанница г. Кленовскаго, скончавшаяся 18... года, мѣсяца... числа. Только случилося такъ, что она выздоровѣла, а умерла любимая горничная сестры Кленовскаго, и умерла, говорятъ, не своею смертію. Она гладила утюгомъ своей барынѣ платье въ воскресеніе, да немного опоздала: уже во всѣ колокола прозвонили, а платье не было готово; вотъ барыня разсердилась, выхватила у нея изъ рукъ утюгъ, да и хвать ее *нечаянно* по головѣ такъ, что та бѣдная тутъ-же и ноги протянула. Правда-ли, нѣтъ ли, навѣрное не знаю. А крестъ я самъ собственными глазами видѣлъ и надпись читалъ. И, знаете-ли, такой крестъ—это своего рода картина, особенно на убогомъ сельскомъ кладбищѣ, гдѣ все крестики Богъ знаетъ какіе: то пошатнувшіеся, то совсѣмъ упавшіе, а то и просто десятокъ другой могилъ совсѣмъ безъ крестовъ. А тутъ вдругъ *фигура*, да еще какая фигура! Я думаю, г. Кленовскій самъ разсчитывалъ на этотъ эффектъ: смотрите, дескать, какъ мы своихъ воспитанницъ хоронимъ! А вышло, что похоронили не воспитанницу, а горничную... Ну, да это все равно, лишь-бы крестъ даромъ не пропалъ...

Музыкантская была въ одномъ флигелѣ съ нашимъ пансіономъ, продолжала свой разсказъ больная, и когда я начала выздоравливать и понимать себя, то мнѣ чрезвычайно пріятно было слушать, когда они сыигриваются; моему больному воображенію представлялся какой-то необыкновенно чудный міръ, особенно, когда весь оркестръ, какъ лѣсъ или море, вдали шумитъ и изъ этого неопредѣленнаго рокота выходитъ какой-нибудь одинъ инструментъ, скрипка или флейта. О, я тогда была выше всякаго блаженства!

Звуки эти мнѣ казалися чистѣйшею, отраднѣйшею молитвою, выходящей изъ глубины страдающей души.

О, зачѣмъ я выздоровѣла, зачѣмъ на вѣки не осталася въ томъ болѣзненно-блаженномъ состояніи!

Въ домѣ было прекрасное фортепьяно, и когда я могла уже выходить, то пошла прямо къ нашему капельмейстеру и просила его, чтобы онъ меня научилъ читать ноты и показалъ первые пріемы фортепьянной игры. Онъ... О, я давно прокляла его за его науку! Зачѣмъ открылъ онъ мнѣ тайну сочетанія звуковъ, зачѣмъ открылъ онъ мнѣ эту божественную, погубившую меня гармонію!...

Я быстро поглощала его первые уроки, такъ что не успѣли у меня на вершокъ волосы отрости (я больна была горячкой), какъ я уже быстрѣе его читала ноты и вырабатывала свои пальцы на сухихъ этюдахъ *Листа*.

Но не одни звуки питали мое больное сердце. Мнѣ нравилась сцена. Я прочитала все, что было въ нашей библіотекѣ драматическаго (репертуаръ нашего домашняго театра мнѣ не нравился), начиная съ *Синеуса* и *Трувора* Сумарокова до Гамлета Вискова-това. Я дни и ночи бредила Офеліей, а дѣлать было нечего: я для своего дебюта принуждена была выучить роль дочери Льва Гурыча Синичкина. Успѣхъ былъ полный, и я окончательно погибла!

Когда видѣли вы меня въ Кленовкѣ, я уже бредила петербургской сценой: домашняя для меня была слишкомъ тѣсна. На несчастіе мое того-же лѣта заѣхалъ къ намъ Михаилъ Иванычъ Глинка; онъ тогда выбиралъ въ Малороссіи пѣвчихъ для придворной капеллы.

Увидѣвши меня на сценѣ и услышавши мой голосъ и игру на фортепьяно, онъ рѣшилъ, что я великая актриса. А я... о, горе мое, горе!... Я просто сердечно ему повѣрила. Да и кто-бы не повѣрилъ на моемъ мѣстѣ?

Не замѣтили-ли вы тогда у насъ на балѣ молодого, весьма скромнаго человѣка, съ большими, выпуклыми глазами, съ вздернутымъ носомъ и большимъ ртомъ? Это былъ художникъ Штернбергъ. Онъ тогда у насъ все лѣто пробылъ. Кроткое, благороднѣйшее созданіе!

Однажды я (мнѣ аккомпанировалъ Михаилъ Иванычъ) пѣла для гостей изъ его, еще не оконченной тогда оперы *Русланъ* и *Людмила* арію, помните въ чертогахъ Черномора поетъ Людмила. Только что я кончила пѣть, посыпались аплодисменты, разумѣется, не мнѣ, а автору. И, когда все замолкло, подходитъ ко мнѣ Штернбергъ, со слезами на глазахъ, и молча цѣлуетъ мои руки. Я тоже заплакала и вышла вонъ изъ залы. Съ тѣхъ поръ мы съ нимъ сдѣлались друзьями. Я часто для него въ сумерки пѣла любимую его арію изъ «Преціозы» и онъ каждый разъ, слушая меня, плакалъ.

Спустя два года послѣ моихъ успѣховъ въ Кленовкѣ, Кленовскій съ своею сестрицею начали собираться въ Петербургъ на зиму. Я, разумѣется, начала проситься съ ними. Они долго не соглашались. Но наконецъ согласились съ условіемъ, но съ какимъ условіемъ! вы понимаете меня? Да! понимаете!... И знаете что? Я согласилась!... О, будь я проклята, проклята, проклята!.. Я все забыла для искусства и для столицы, все, всѣмъ пожертвовала! И вотъ результатъ мой великой жертвы! Нищая, въ больницѣ и вдобавокъ подъ именемъ его крѣпостной дѣвки!...

Она за слезами не могла говорить. На другой день я услышалъ отъ нея подробности такого рода... Впрочемъ, онѣ такъ гнусны, что гнусно ихъ и повторять.

Скажу вамъ вкратцѣ конецъ ея бѣдственной исторіи. Пріѣхала она въ Петербургъ уже беременною и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, не выходя изъ квартиры, разрѣшилась мертвымъ ребенкомъ. Послѣ родовъ заболѣла горячкой. А г. Кленовскому нужно было ѣхать обратно въ свою Кленовку; вотъ онъ ее и отправилъ въ Петровскую больницу подъ именемъ своей крѣпостной дѣвки. Вотъ вамъ и вся недолга.

Я пробылъ еще двѣ недѣли въ больницѣ и каждый день, въ урочные часы, выходилъ въ садъ, садился на завѣтную скамейку и дожидался несчастной больной.

Какой-же въ самомъ дѣлѣ подлый эгоистъ человѣкъ вообще, а въ особенности я! Мнѣ стало на душѣ легче; я видимо сталъ поправляться послѣ ея исповѣди. Это значитъ—я доволенъ былъ, что есть несчастнѣе меня.

Страдальцы! воображайте такъ, и вы будете хоть на полъграна менѣе страдать!

Я каждый день спрашивалъ у знакомаго мнѣ служителя изъ женскаго отдѣленія: что № такой-то? и онъ отвѣчалъ мнѣ совершенно равнодушно: лежитъ. За день передъ моей выпиской изъ больницы спросилъ я служителя: что № такой-то? Въ покойницкой, отвѣтилъ онъ мнѣ и пошелъ за своимъ дѣломъ, быть можетъ за длинною плетеною корзиною, въ родѣ гроба, чтобы другого уже, не страдальца, вынести въ покойницкую.

На другой день, выписавшись изъ больницы, я просилъ позволенія похоронить тѣло такой-то, назвавшись: такой-то. И мнѣ было позволено.

Я пригласилъ своихъ товарищей. Вы помните, что насъ было четверо привезено въ Петербургъ (т. е. квартетъ), и мы вынесли ее на Смоленское каадбище, а послѣ панихиды пропѣли *«Со святыми упокой»*, да бросили земли по горсти въ ея вѣчное жилище—и больше ничего.

Вскорѣ послѣ этого прислалъ намъ управляющій имѣніемъ *плакатные* билеты, и мы остались еще на годъ въ Петербургѣ. И знаете, что мы сдѣлали? Прикинулись нѣмцами, да и пошли по улицамъ потѣшать добрыхъ людей своимъ искусствомъ. И знаете, хорошо было: мы почти что каждый по рублю серебромъ домой приносили.

За исключеніемъ харчей и квартиры, я каждое воскресенье получалъ рубль серебра, и каждую недѣлю я былъ два-три раза въ театрѣ (разумѣется, въ райкѣ). Откладывая каждую недѣлю полтину серебра на предвидѣнный случай, т. е. для Серве, чтобъ пріобрѣсти нѣсколько его этюдовъ для віолончели и, главное, самого его послушать.

Въ газетахъ давно уже публикуютъ, что онъ непремѣнно будетъ къ великому посту въ Петербургѣ. Дай-то Богъ! Мнѣ какъ-то страшно становится, когда я подумаю, что я буду слушать Серве. Неужели слава такъ могущественна?

Приближается зима, и наши уличные квартеты должны будутъ прекратиться. Что намъ дѣлать? Товарищи мои хотятъ бросить искусство и искать лакейскихъ должностей. А мнѣ-бы хотѣлось удержать ихъ отъ этого соблазна; да какъ удержать?

Съ этой благой мыслію пошелъ я однажды на Крестовскій островъ въ нѣмецкій трактиръ, поговорилъ съ хозяиномъ, что такъ и такъ... есть у меня квартетъ богемцевъ; можно-ли имъ будетъ прійти въ воскресенье попробовать счастья въ вашемъ заведеніи? Хозяинъ согласился, и мы въ первое-же воскресенье потѣшали почтеннѣйшую публику, какъ истинные чехи, и потѣшали не безъ пользы. Мы въ одинъ день достали себѣ пропитаніе на цѣлую недѣлю съ избыткомъ. Товарищи мои ободрились. Слѣдующее воскресенье намъ еще лучше повезло, а слѣдующее еще лучше, потому что уже настала настоящая зима.

Тутъ-же, въ трактирѣ, мы стали получать заказы черезъ содержателя трактира на вечеринки, на свадьбы и т. под. Товарищи выбрали меня подрядчикомъ и казначеемъ, и мы зиму прожили припѣваючи.

Съ Песковъ мы перебрались къ Николѣ Морскому. Квартира у насъ была уже не одна маленькая комнатка, а двѣ большія съ прихожей.

Въ свободное время, въ продолженіе зимы, я проштудировалъ всего Ромберга и Серве, что могъ достать.

Большой театръ посѣщалъ я постоянно два и три раза въ недѣлю и хоть изрѣдка, а видѣлъ и слышалъ все, что было лучшаго въ ту зиму въ столицѣ.

Прошла наконецъ и бѣшеная масляница, прошла и первая недѣля великаго поста...

О, незабвенная афиша!.....

Надо вамъ сказать, что я часто дѣлалъ большой кругъ, чтобы пройти мимо котораго-нибудь театра, собственно для того, чтобы прочитать афишу.

Въ воскресенье былъ я на соборномъ проклятіи въ Казанскомъ соборѣ. Вышелъ изъ церкви, перехожу Невскій проспектъ и издали вижу, что что-то бѣлѣетъ за проволочной рѣшеточкой у подъѣзда дома Энгельгардтъ. Я прибавилъ шагу. Подхожу къ подъѣзду, или, лучше, къ проволочному ящику, и мнѣ показалось, что я вижу самаго Серве, Вьетана. А это были только буквы. Долго я читалъ эти завѣтныя буквы, пока добрался до настоящаго ихъ смысла. А смыслъ былъ такой, что Серве даетъ концертъ сегодняшній-же день. Начало въ 7 часовъ вечера. Я сейчасъ-же купилъ билетъ. И цѣ-

лый день ходилъ по Невскому проспекту, заходя иногда къ Александринскому и Михайловскому театру прочитать афишу. Въ 6 часовъ вечера я уже былъ въ залѣ. Зала уже была въ половину освѣщена, и я вошелъ въ нее первый. Швейцаръ, впуская меня въ залу, сначала пристально осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы, потому вѣроятно, что я вовсе не былъ похожъ на человѣка, для котораго пяти-рублевая депозитка ничего не значитъ. Ну, да Богъ съ нимъ: пускай думаетъ, что хочетъ!

Публика начала уже собираться, и къ половинѣ седьмого зала уже была полна. Меня пронимала дрожь. Но когда кто-то около меня сказалъ: уже семь часовъ, я затрепеталъ, а сердце у меня обдало какимъ-то холодомъ: какъ будто въ одно мгновеніе теплая кровь оставила его и вмѣсто крови потекла холодная вода.

Увертюра, которую я не слушалъ, кончилась. Оркестръ отдохнулъ, поправился—и, черезъ нѣсколько мгновеній, выходитъ Серве и за нимъ Вьетанъ...

Боже мой! я не слышалъ, да и не услышу никогда ничего прекраснѣе!

Листъ передъ Серве—фанфаронъ, простой механикъ, ремесленникъ передъ художникомъ, больше ничего! Я смутно помню, какъ я вышелъ изъ залы и какъ пришелъ домой. Помню только, что товарищи отняли у меня віолончель и спрятали.

Съ того вечера я уже не беру віолончеля въ руки и звуковъ ея слышать не могу: для меня это все равно, что ножемъ по сердцу.

Въ продолженіе поста я читалъ только афиши и только разъ былъ въ Большомъ театрѣ, когда давали ораторію Гайдна «Сотвореніе Міра». Это истинное сотвореніе міра. Только для Большого театра слишкомъ громко: трудно слушать. Тутъ нужно по крайней мѣрѣ Михайловскій манежъ.

Еще давали концертъ въ Патріотическомъ институтѣ, въ которомъ участвовалъ, между многими знаменитостями, и графъ Вьельгорскій.

Чего-бы я не отдалъ, чтобы послушать его! Но, увы, свѣтъ сей не для всѣхъ равно созданъ.

Какъ разъ въ великую субботу позвали насъ всѣхъ четырехъ въ часть и объявили намъ, что помѣщикъ требуетъ насъ къ себѣ

въ деревню и чтобы мы приготовились къ слѣдующей средѣ выступить въ походъ съ севастопольской партіей. Къ средѣ мы были совершенно готовы. И рано утромъ въ среду вышли за толпою колодниковъ изъ воротъ Литовскаго замка съ инструментами за плечами, и грустно, молча потянулись кь Московской заставѣ.

Не описываю вамъ путешествія нашего, потому что оно нестерпимо однообразно и отвратительно гнусно.

На третій мѣсяцъ нашего путешествія съ толпою злодѣевъ мы прибыли наконецъ въ П.

Странное и страшное чувство обуяло меня при видѣ роднаго мѣста.

Я долго не рѣшался послать изъ острога къ нашему доброму Ивану Максимовичу. Наконецъ черезъ великую силу превозмогъ ложный стыдъ и страхъ и послалъ за нимъ тюремнаго служителя. Черезъ полчаса явился Иванъ Максимовичъ и взялъ меня на поруки.

Въ продолженіе цѣлой ночи мы глазъ не смыкали, сообщая другъ другу все о себѣ, какъ родные братья послѣ долгой разлуки. Между прочими новостями онъ мнѣ сообщилъ, что промотанное и разоренное имѣніе покойнаго Г., нашего барина, купилъ съ публичнаго торгу г. Кленовскій и что хотѣлъ было взять Лизу и Наташу къ себѣ на воспитаніе, но Антонъ Карловичъ отдалъ только Лизу, а Наташу у себя оставилъ, что m-lle Адольфина оставила ихъ вмѣстѣ съ Лизою. На другой день я оставилъ П. и ночевалъ на фермѣ. На фермѣ все, какъ было и прежде, только Лизы и m-lle Адольфины не достаетъ, а хозяева ея кажется и помолодѣли и подобрѣли.

Солнце уже спускалось за горизонтъ, когда я подходилъ къ фермѣ. Мужички, попадавшіеся мнѣ около села, привѣтствуя меня съ добрымъ вечеромъ, посматривали на меня и, снявши шапки, крестилися. Меня это не мало удивило: что-бы такое значило, что они крестятся? спрашивалъ я самъ себя. Когда я входилъ въ село, дѣти, завидя меня, бросили игры и, остановясь около хаты, молча посматривали на меня, а которыя были постарше, тѣ крестилися. Я хотѣлъ было подойти къ нимъ и узнать причину благоговѣнія къ моей особѣ, но дѣти разбѣжалися. Я пошелъ далѣе, и уже на греблѣ попалась мнѣ старуха и, перекрестясь, остановила и спросила у меня.

— Куда вы гробокъ несете? Въ Д. священникъ померъ, поховать никому буде, бо нового попа ще не прислано.

Тутъ-то я только догадался, что они скрипичный ящикъ мой принимали за дѣтскій гробъ.

Подойдя къ самымъ воротамъ сада, я остановился въ раздумьи: заходить-ли мнѣ къ нимъ, или пройти мимо, и только было рѣшился на послѣднее, какъ послышался мнѣ дѣтскій голосъ въ саду. Это былъ голосъ Наташи. Я отворилъ ворота, но войти въ садъ все еще какъ-бы боялся. Только Наташа, увидя меня, закричала: мамо! мамо! нищій пришолъ! (Марью Акимовну она мамою называла).

— Гдѣ ты видишь нищаго? спросила ее Марья Акимовна, выходя изъ-за дерева.

— Онъ за воротами!

И онѣ подошли ко мнѣ на нѣсколько шаговъ. Наташа бросилась ко мнѣ, крича:

— Мамо! мамо! это не нищій: это нашъ Тарасъ Ѳедоровичъ!

Меня и въ самомъ дѣлѣ не мудрено было принять за нищаго: оборванный, запыленный, съ палкою въ рукѣ и съ ящикомъ за плечами. Марья Акимовна подошла ко мнѣ, посмотрѣла на меня, взяла меня за руку, сказавши: войдите, и заплакала. У меня ноги подкосились и я упалъ на землю и зарыдалъ, какъ дитя. Наташа побѣжала за Антономъ Карловичемъ, и черезъ нѣсколько минутъ мы уже всѣ трое шли къ дому и всѣ трое плакали. Наташа тоже плакала, разумѣется, безсознательно. Впрочемъ ей уже 12-й годъ.

И что это за дитя, еслибъ вы посмотрѣли! Это такая красота, такая дѣтская прелесть, какой мнѣ не удавалось видѣть даже на картинахъ.

Подходя къ дому, Антонъ Карловичъ почти что вырвалъ меня изъ рукъ Марьи Акимовны и повелъ свою хату. Подождите меня здѣсь, сказалъ онъ мнѣ, сажая меня на стулъ въ своей хатѣ. Я сію-же минуту, прибавилъ онъ уже за дверью.

Въ хатѣ его было все по прежнему, даже воздухъ былъ прежній, и мнѣ казалось, что я вчера только вышелъ изъ этой комнаты.

Черезъ минуту вошелъ мальчикъ съ умывальникомъ и бѣльемъ, а за нимъ и самъ Антонъ Карловичъ, неся въ рукахъ свое сѣренькое пальто и прочія принадлежности туалета.

— А сапоги найдете въ этой комнатѣ, сказалъ онъ, указывая на боковую дверь. А когда вы кончите, приходите чай пить. Мы васъ ждемъ! прибавилъ онъ, уходя изъ хаты.

Преобразившись, я пошелъ въ домъ. На крыльцѣ встрѣтила меня Наташа и, схватя за руку, закричала:

— Мамо! мамо! посмотрите, я его и не узнала!

И съ этими словами ввела меня въ комнату и, сажая меня на стулъ около стола, прибавила:

— Садитесь вотъ здѣсь, какъ разъ противъ меня и противъ мамы. Мы на васъ будемъ смотрѣть: вѣдь мы васъ давно не видѣли!

Я осмотрѣлся кругомъ и сѣлъ. Съ минуту длилось молчаніе. Марья Акимовна, молча глядя на меня, заплакала и проговорила:

— Теперь насъ только трое, а помните—было пятеро.

И, наливая чай, разсказала знакомую уже мнѣ исторію съ прибавленіемъ, что m—lle Адольфинѣ чрезвычайно не хотѣлось разставаться съ ними и что они ее на силу уговорили перейти къ г. Кленовскому, что она тамъ будетъ необходима для Лизы, потому что Лиза такая бойкая!.. Что Наташа противъ Лизы? Это просто ангелъ у меня, а не дитя, прибавила она, цѣлуя Наташу.

Марья Акимовна начала было спрашивать меня о моихъ похожденіяхъ, но Антонъ Карловичъ перебилъ ее, говоря, что для этого будетъ завтрашній день, а что сегодня нужно спросить у гостя, не хочетъ-ли онъ ѣсть и спать.

Послѣ ужина пошелъ я въ хату, гдѣ уже для меня была приготовлена постель. Боже мой! подумалъ я: за что эти добрые люди такъ полюбили меня? Встрѣчалъ-ли отецъ съ матерью съ такою любовью своего сына послѣ долгой разлуки, какъ они меня встрѣтили? Добрые, благородные люди!

На другой день поутру Антонъ Карловичъ съѣздилъ въ Д. и исходатайствовалъ мнѣ позволеніе у управляющаго остаться на фермѣ по случаю болѣзни.

Весь августъ мѣсяцъ я прожилъ въ кругу этихъ добрыхъ людей совершенно, какъ сынъ у отца и матери, и совершенно забылъ о моемъ грустномъ пребываніи въ Петербургѣ и о моемъ горькомъ странствованіи, не смотря на то, что я каждый день повторялъ свои разсказы.

Въ раю праведники едва-ли такъ блаженствуютъ, какъ я теперь блаженствую.

Наташа отъ меня совершенно не отходитъ, проситъ меня, чтобы я ее училъ на фортепьяно, хотя она сама не хуже играетъ. Проситъ меня учить ее по французски говорить, а сама меня поправляетъ. А когда я по вечерамъ разсказываю о моихъ приключеніяхъ на этапахъ, она плачетъ пуще самой Марьи Акимовны; просто она меня чаруетъ своею привязанностью ко мнѣ...

Въ четвертый разъ принимаюсь я за письмо это и не знаю, удастся-ли мнѣ хоть теперь кончить. Просто свободной минуты не имѣю. Представьте, что мы сидимъ иногда на пролетъ ночи въ уютной хаткѣ Марьи Акимовны, она за фортепьяно, а я со скрипкою.

Віолончель я думаю совсѣмъ оставить; да и хватитъ ли ужъ духу играть на ней, слышавши Серве?!

Конецъ моему блаженству близится; на дняхъ я оставляю ферму и являюсь къ моему новому властителю.

Не предчувствую ничего для себя добраго впереди, а впрочемъ—все въ рукахъ Божіихъ.

Я это письмо такъ долго писалъ, что наконецъ привыкъ къ нему, и мнѣ грустно стало, когда я его кончилъ. Я мысленно никогда не разставался съ вами, но въ это время я съ вами просто жилъ и открывалъ вамъ всѣ мои мысли и чувства, и теперь какъ подумаю о предстоящей мнѣ жизни, а въ ней предвижу я много для себя грустнаго, и грустное это некому будетъ передавать, то мнѣ теперь уже тяжело.

Напишите мнѣ хоть три слова, напишите только, что вы получили мое письмо, и я буду счастливъ.

Прощайте, незабвенный другъ мой, не забывайте преданнаго вамъ и безталаннаго музыканта N.

Ферма:

18.. года, августа.. дня.

По прочтеніи письма я думалъ было заснуть хоть немного съ дороги, но не тутъ-то было. Передо мною стоялъ, какъ живой, мой бѣдный музыкантъ съ своей віолончелью и, глядя на меня, грустно улыбался, и такъ грустно, что я хотѣлъ было достать огня и прочитать снова его печальное посланіе, только смотрю—въ окнахъ уже бѣлѣетъ. Я накинулъ на себя шинель и вышелъ на крылечко.

Не прошло пяти минутъ, какъ подходитъ ко мнѣ Иванъ Максимовичъ и, послѣ обоюдныхъ привѣтствій, жалуется мнѣ, что ему тоже всю ночь не спалося и что онъ давно уже ходитъ и посматриваетъ, не выйду-ли я.

— Мнѣ, не знаю почему, казалось, говорилъ онъ, что и вамъ тоже не спится. Я хотя и не читалъ письма Тараса Ѳедоровича, но зналъ, что оно не веселое, не правда-ли?

— Правда! отвѣчалъ я; даже очень невеселое.

— И оно, конечно, вамъ заснуть не дало?

— Дѣйствительно такъ.

— Я такъ и думалъ. Но это все ничего, а вы послушайте, что послѣ съ нимъ было!... Вечеромъ я вамъ лучше прочитаю. Я, знаете, на старости туда-же пустился въ литературу. Да что, думаю, вѣдь не святые-же горшки лѣпятъ!.. Предметъ же и самъ по себѣ интересный, а если его обработать, такъ это выйдетъ просто романъ. Вотъ я и принялся... А сестрица, я думаю, давно уже насъ съ самоваромъ дожидаетъ. Ей, бѣдной, тоже что-то не спалось въ эту ночь. Впрочемъ, это съ нею часто случается. Пойдемъ-ка, это будетъ лучше литературы.

И дѣйствительно, старушка насъ дожидала съ чаемъ, только не въ комнатахъ, а въ садикѣ, въ лѣтнемъ кабинетѣ братца. Садикъ заключалъ въ себѣ нѣсколько тощихъ фруктовыхъ деревьевъ; тутъ-же стоялъ досчатый чуланъ, приткнутый къ сосѣднему забору. Это-то и былъ лѣтній кабинетъ Ивана Максимовича.

Не смотря однакожъ на нищету этого садика, въ немъ было такъ все уютно, такъ спокойно, что я невольно позавидовалъ бѣдному Ивану Максимовичу.

Напившись чаю подъ кустомъ цвѣтущей бузины, Иванъ Максимовичъ повелъ меня въ свой кабинетъ, усадилъ на досчатомъ, обнаженномъ диванѣ и, вынимая изъ столика бумаги, сказалъ:

— Теперь мы въ тиши уединенія займемся литературою.

— Вотъ эти бумаги, сказалъ онъ, откладывая въ сторону нѣсколько листовъ мелко исписанныхъ: эти бумаги принадлежатъ вамъ. Помните, вы просили меня когда-то собирать для васъ все, касающееся исторіи, философіи и поэзіи нашего народа. Тутъ всего есть по немногу. Историческія свѣдѣнія, касающіяся собственно города П., сообщилъ мнѣ покойникъ отецъ Илья Б., а прочее я за-

писывалъ гдѣ попало. А вотъ это уже чистая литература, говорилъ онъ, разбирая другія бумаги.

— Я описываю все случившееся съ нашимъ музыкантомъ со дня его выѣзда въ Петербургъ, со-словъ его-же самаго, только украшаю иногда слогъ на манеръ Марлинскаго. Божественный писатель! Даже и названіе даю моему разсказу въ родѣ незабвеннаго Марлинскаго, т. е. *Музыкантъ или двѣ сиротки*. Помните *Лизу* и *Наташу?* Онѣ у меня тоже играютъ не малую роль.

— Такъ съ чего же намъ начать? Онъ вамъ вѣрно въ письмѣ своемъ описалъ все, хотя вкратцѣ, по день прибытія своего на родину.

— Дѣйствительно все, сказалъ я, кромѣ обратнаго своего путешествія изъ столицы.

— То-есть слѣдованія по этапамъ. Я такъ и думалъ, потому, что и мнѣ не мало стоило труда выпросить у него нѣкоторыя подробности этого, можно сказать, живописнаго путешествія.

И Иванъ Максимовичъ улыбнулся своей остротѣ.

— Такъ я начну вамъ именно съ путешествія

«Уже вечерній солнца лучъ златилъ величественное и широкое ложе рѣки Луги,—такъ началъ читать Иванъ Максимовичъ, и когда мы перешли безконечно длинный и разными вавилонами на сваяхъ воздвигнутый мостъ черезъ едва выглядывающую изъ камышей рѣку Лугу, то лучезарный Фебъ уже скрылся за горизонтомъ въ объятія Ѳетиды.

Но такъ какъ въ полярныхъ странахъ лѣтнія ночи бываютъ довольно ясны, то мы засвѣтло еще вступили въ городъ Лугу. Насъ, разумѣется, препроводили въ острогъ»....

Но тутъ, знаете, картина не авантажная, говорилъ Иванъ Максимовичъ; а потому я ее не описываю. По моему, чисто изящныя произведенія не должны касаться картинъ грязныхъ, хоть это теперь, къ несчастію, вошло въ моду. Но я все таки предпочитаю придерживаться классическаго стиля; да и гдѣ намъ, старикамъ, передѣлывать себя!...

Такъ вотъ они (я вамъ буду простыя происшествія разсказывать, а что касается поэзіи, то уже прочитано)... такъ вотъ они на другой день у этапнаго командира испросили позволенія, потому что у нихъ была дневка и къ тому-же день праздничный.... испросили позволенія (разумѣется, предложивши ему часть зара-

ботка) пройтись по улицамъ съ инструментами и дать нѣсколько концертовъ.

Предпріятіе ихъ, не смотря на то, что городъ Луга, можно сказать, нарочито не великій, увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, такъ что, не смотря на значительную часть пріобрѣтенія, отдѣленную ими командиру этапа, у нихъ хватило пропитанія до самого Порхова. Близь Порхова я описываю (по его-же разсказу) длинную, тонкую возвышенность въ родѣ циклопическаго вала, по которому тянется почтовая дорога почти до Порхова; потомъ самый Порховъ и величественную Шелонь, на лѣвомъ барегу которой высятся древнія развалины за́мка.

На счастье ихъ, въ Порховъ они пришли какъ разъ на Духовъ день. Пошли по улицамъ на другой-же день съ музыкою, какъ и въ Лугѣ это дѣлали. Только Порховъ—не Луга: тутъ ихъ забросали гривенниками. Одинъ прикащикъ какого-то мыловареннаго завода Жукова (значитъ, не того табачнаго фабриканта) разомъ выкинулъ три цѣлковыхъ. Имъ такъ повезло въ Порховѣ, что они уже нанимали на каждомъ этапѣ лошадку съ телѣгою для своихъ инструментовъ до самыхъ Великихъ Лукъ, а изъ Великихъ Лукъ у нихъ уже своя была лошадка, правда не мудрая, но все таки своя.

Такъ какъ они приближалися къ странѣ постоянно голодной, т. е. къ Бѣлоруссіи, то, кромѣ инструментовъ, отъ города до города везли за ними и порядочный запасъ печенаго хлѣба.

Трогательныя картины случалось ему видѣть въ сей убогой странѣ. Знаете, голодъ, нищета, развратъ и грустные спутники разврата. Все это я описываю въ назидательномъ тонѣ.

Такъ напримѣръ, когда они проходили чуть-ли не Усвяты, то, вмѣсто того, чтобы арестантамъ подать милостыню, толпа мальчишекъ съ толстыми полѣнами бросилась къ арестантамъ и стала просить хлѣба, а когда увидѣла, что имъ давали хлѣба наши арестанты, за мальчишками бросились и взрослые, и старики. Голодъ не знаетъ стыда. Пройдя страну сѣтованія и плача, они вступили, наконецъ, въ благословенные предѣлы нашей милой Малороссіи и наконецъ въ нашу скромную П. Въ тотъ-же вечеръ пили мы чай съ нашимъ милымъ музыкантомъ и дружески бесѣдовали въ этой самой бесѣдкѣ.

— Теперь вотъ что я вамъ скажу... Вы извините меня: я человѣкъ, знаете, обязанный службой...

— Сдѣлайте милость, распорядитесь какъ вамъ угодно! сказалъ я ему.

— Я вотъ что сдѣлаю, говорилъ онъ. Я схожу не надолго въ училище, а вы читайте мою рукопись. Тутъ вы стрѣтите нѣсколько подлинныхъ писемъ Тараса Θедоровича, въ которыхъ онъ изображаетъ большею частью состояніе души своей и прочія домашнія обстоятельства. И еще знаете что. Я забѣгу на станцію и скажу, чтобы принесли и ваши вещи сюда, и мы съ вами такъ и прокочуемъ до воскресенья, а въ воскресенье на ферму вмѣстѣ. Вепе? прибавилъ онъ, сжимая мою руку.

— Benissimo, отвѣтилъ я, и мы разстались.

Рукопись, правду сказать, пугала меня; за то письма, въ ней помѣщенныя, меня чрезвычайно интересовали, а потому я и принялся за нее.

Письма были вклеены въ рукопись, а потому-то мнѣ ихъ не трудно было отыскать.

И первое изъ нихъ было такого содержанія:

«Я обѣщался вамъ, мой незабвенный Иванъ Максимовичъ, извѣщать васъ по временамъ какъ о себѣ самомъ, такъ и о предметахъ, меня окружающихъ. И вотъ уже скоро наступитъ третій годъ, какъ я пресмыкаюся у ногъ моего новаго властителя, и только теперь вспомнилъ я данное вамъ обѣщаніе. Мое горе такого рода, что само себя питаетъ и не любитъ утѣшенія. Простите меня, добрый Иванъ Максимовичъ, за такое выраженіе; но что дѣлать?— истинно! Теперь мнѣ лучше, и такъ лучше, что могу бесѣдовать съ вами. Что это вы къ намъ никогда не заглянете? То-то бы наговорились! Пріѣзжайте-ка, да и супругу вашу привезите. У насъ 23 апрѣля праздникъ. Вѣдь вы прежде такъ любили увеселенія! Я этой любви обязанъ и знакомствомъ моимъ съ антикваріемъ, помните? Гдѣ-то онъ теперь, бѣдный! Напишите мнѣ, если получите о немъ какое извѣстіе.

Вчера я возвратился съ фермы; я тамъ гостилъ три дня; впрочемъ, я тамъ никогда меньше двухъ дней не гощу. Вотъ мое одно, единственное счастіе. И правда, великое счастіе! Отъ сотворенія міра я думаю ни одному страдальцу не удавалось такъ заживлять свои сердечныя раны, какъ я ихъ заживляю въ кругу этихъ бла-

городныхъ людей. А Наташа, вообразите себѣ, такъ меня полюбила, что, когда я уѣзжаю, она на взрыдъ плачетъ. И что это за дѣвочка, что это за чудное созданіе! И въ этихъ лѣтахъ (ей четырнадцатый годъ) сколько глубокаго чувства и не дѣтскаго ума! Она полюбила музыку, и такъ полюбила, что дни цѣлые проводитъ за фортепьяно; и, представьте, она до сихъ поръ не знаетъ, что она сирота. Правда, при Марьѣ Акимовнѣ трудно ей это узнать, потому что она для нея больше. нежели мать родная; за то и Наташа вполнѣ вознаграждаетъ ее своею дѣтскою безотчетною любовью. А Антонъ Карловичъ просто не знаетъ, гдѣ и посадить свою Наташу. Представьте, онъ для нея цѣлый день не выходитъ изъ своей лабораторіи, чтобы вечеромъ потѣшить Наташу какою-нибудь замысловатою игрушкой. Я вамъ разсказываю то, что вы сами недавно видѣли. Мнѣ говорили, что вы недавно съ супругою вашею гостили у нихъ. Какъ жаль, что я не зналъ, а то-бы непремѣнно отпросился.

Странная, однакожъ, психологическая задача! Напримѣръ, Лиза—двѣ капли воды похожа на Наташу, и я ее каждый день вижу, а не могу любоваться ею, какъ Наташею любуюсь. Она мнѣ кажется слишкомъ бойкой. болѣе похожа на мальчика, ни къ чему не привязывается, не охотно учится и музыки не любитъ.

Что-бы это значило? Дѣтство ихъ было совершенно одинаково, а теперь такая разница.

M-lle Адольфинѣ, какъ вамъ извѣстно, въ тотъ-же годъ отказалъ Кленовскій. И знаете за что? Гнусный сластолюбецъ! Онъ не могъ обольстить ее и выгналъ изъ дому, назвавши при всѣхъ распутною дѣвкою.

Богъ ее знаетъ, гдѣ она теперь. Доброе, непорочное созданіе Вы знаете, что я ей обязанъ французскимъ языкомъ и теперь только узналъ я ему настоящую цѣну. Библіотека у насъ состоитъ почти! вся изъ французскихъ книгъ, хотя, правду сказать, болѣе изъ романовъ, но все таки лучше это, нежели ничего.

Да, m-lle Адольфина была необходима для Лизы.

Бѣдное дитя! Чему она выучится, что усвоитъ себѣ хорошаго отъ своей воспитательницы—безграмотной, старой, подлой дѣвки? Это почтеннѣйшая сестрица г. Кленовскаго. Она отдѣлила ее отъ общества пансіонерокъ и перевела къ себѣ, и все это, я подозрѣ-

ваю, но приказанію братца. Гнусные люди! Лиза чрезвычайно быстро выростаетъ. Г. Кленовскій пишетъ, чтобъ его нынѣшній годъ дожидали изъ-за границы. Онъ вѣдь еще въ прошломъ году уѣхалъ принимать ванны отъ какой-то застарѣлой болѣзни.

А знаете что! Пріѣзжайте къ 26 августа на ферму. Вы знаете —въ этотъ день Наташа именинница. Увѣряю васъ будетъ весело. Пріѣзжайте, я хоть посмотрю на васъ.

Къ этому дню я составлю нѣсколько квартетовъ, т. е. я съ товарищами моего странствованія. Только чуръ—не проболтайтесь, если раньше нашего пріѣдете. Я хочу сдѣлать это въ видѣ сюрприза. Антонъ Карловичъ готовитъ для нея еще иллюминацію и щитъ съ ея вензелемъ. Щитъ будетъ поставленъ между кустовъ, а за щитомъ помѣстится нашъ квартетъ. Не правда ли, хорошо придумано? Еще я приготовилъ для Наташи сюрпризъ; не знаю только, понравится-ли ей. За ноты я не боюсь: я ноты просто печатаю, а фронтисписъ меня безпокоитъ. Я, видите-ли, какъ умѣлъ, переписалъ на веленевой бумагѣ серенаду Шуберта и украсилъ заглавный листъ собственнымъ издѣліемъ; скопировалъ, правда, съ какого-то ничтожнаго романса, ну, да это ничего.

Пріѣзжайте 26 августа, Бога-ради, пріѣзжайте! Только непремѣнно вмѣстѣ съ супругою».

Едва кончилъ я это первое письмо, какъ вошелъ ко мнѣ Иванъ Максимовичъ, запыхавшись.

— Фу, какъ усталъ! почти бѣжалъ всю дорогу: боюсь, не соскучились-ли вы. А, да вы читаете, прочитываете! Что, каково, а? по стариковски, не правда-ли! Слогъ, слогъ главное, а прочее само собою придетъ. Не правда-ли?

— У васъ слогъ прекрасный!

— Устарѣлъ маленько; что-же дѣлать, мы и сами устарѣли, не такъ-ли?

Я въ знакъ согласія кивнулъ головою, а онъ, взглянувши на рукопись, сказалъ:

— А, такъ вы на письмѣ остановились?... Продолжайте, продолжайте.

— Я уже кончилъ письмо,

— Кончили?—И, немного помолчавъ, онъ проговорилъ:

— Да, оно кончается приглашеніемъ меня на именины Наташи съ моею незабвенною!—И онъ замолчалъ и отвернулся.

— Музыка... иллюминація... Наташа! приходя въ себя, говорилъ онъ съ разстановкою.

— Да, прекрасно, торжественно прекрасно было. Нѣтъ, мы лучше прочтемъ: этотъ праздникъ у меня торжественнымъ стилемъ описанъ.

— Братецъ! пожалуйте обѣдать! раздался голосъ сестрицы.

— И въ самомъ дѣлѣ, лучше пойдемте пообѣдаемъ, а потомъ уже придемъ и прочитаемъ.

И мы пошли обѣдать.

Не знаю, дѣло-ли то было аппетита, или дѣло просто сердечнаго радушія, или просто борщъ съ сушеными карасями (который такъ геніально варятъ мои землячки), не знаю, что именно было причиною, знаю только, что я преплотно пообѣдалъ и еще плотнѣе заснулъ послѣ обѣда. Вещи мои были принесены съ почтовой станціи и я поселился до воскресенья въ бесѣдкѣ гостепріимнаго Ивана Максимовича. Во время его отсутствія прочитывалъ простосердечныя письма моего непорочнаго музыканта.

Второе письмо, предлагаемое здѣсь, было писано спустя два съ лишнимъ года послѣ перваго.

М. Г. Иванъ Максимовичъ.

Въ послѣднемъ письмѣ своемъ вы повторяете свою прежнюю просьбу, чтобы я записывалъ изъ устъ нашего народа, какъ вы пишете, все, что касается его философіи, поэзіи и исторіи. Благодарю васъ, что вы напоминаете мнѣ объ этомъ. Это значитъ, что ваше горе вполовину уменьшилось, что вы наконецъ вспомнили и нашего антикварія и наконецъ меня, вашего искреннаго друга. Антикварія нашего и я помню хорошо, только Богъ его знаетъ, гдѣ онъ теперь находится; а я для него или все равно для васъ записалъ на-дняхъ дивную пѣсню.

Иду я однажды по самой большой улицѣ въ селѣ и, правду сказать, иду къ корчмѣ, чтобы посидѣть съ добрыми людьми на завалинѣ: не услышу-ли чего-нибудь поучительнаго? Только иду и вижу, по самой серединѣ улицы идетъ пьяная баба и, какъ видно, не убогая. Идетъ и во все горло поетъ, поглядывая на высунувшіяся на улицу хаты:

Упилася я,
Не за ваше я:
Въ мене курка неслася—
Я за яйця впилася!...

Это-ли не философія? Это-ли не поэзія?

Мнѣ хотѣлось сдѣлать варіаціи на эту тему, но, увы! музыка не въ силахъ выразить этого великаго сарказма.

Вы теперь, какъ видно изъ вашего письма, немного успокоились послѣ вашей невознаградимой потери. *Бьйте лихомъ объ землю, якъ швецъ мокрою халявою объ лаву*, да пріѣзжайте въ воскресенье на ферму. А я пріѣду туда съ віолончелью и буду играть для васъ цѣлый день и все ваши именно любимыя малороссійскія пѣсни.

Я вамъ кажется не писалъ еще о віолончели. Чудный, дивный инструментъ. И я не знаю. гдѣ онъ могъ его достать за такую ничтожную цѣну.

Въ прошломъ году нашъ поправившійся Кленовскій возвратился изъ за-границы и, между многими диковинными игрушками, привезъ и віолончель. Боже мой, что это за игрушка! Только одна душа человѣка можетъ такъ плакать и такъ радоваться, какъ поетъ и плачетъ этотъ дивный инструментъ.

Мастеръ, создавшій его, никто иной былъ, какъ самъ Прометей. Я спать ложуся и кладу его около себя. Это моя любовница, моя жизнь, мое я. И еслибъ я былъ два раза рабъ, то за этотъ инструментъ продалъ-бы себя въ третій разъ. О, я теперь совершенно забылъ Серве. А если-бы видѣли, что дѣлается съ Наташей, когда я заиграю на этомъ божественномъ инструментѣ? Она цѣпенѣетъ—и больше ничего.

А Марья Акимовна увѣряетъ меня, что я на скрипкѣ лучше играю, нежели на віолончели. Но это она говоритъ только такъ; она сама не можетъ равнодушно слушать віолончели.

Разносился я однакожъ съ своею віолончелью, какъ дурень съ писаною торбою, а о главномъ-то чуть было и не забылъ. Предчувствія мои сбылись. Едва ожившій Кленовскій ухаживаетъ уже за Лизою собственною персоною. Какъ видно, усердіе милой сестрицы не имѣло успѣха.

Лиза и знать ничего не хочетъ. Бѣгаетъ по заламъ, бьетъ горшки съ цвѣтами, ломаетъ стулья—совершенный ребенокъ. А этому ребенку, замѣтьте, 17 годовъ. Меня одно только утѣшаетъ: если я не ошибаюсь. мнѣ кажется, что если и успѣетъ г. Кленовскій, то этотъ успѣхъ обойдется ему не такъ-то дешево.

Мнѣ по крайней мѣрѣ не случалось еще встрѣчать такъ сильно развитой природы въ Лизины лѣта. Это совершенная женщина! Сестрица Кленовскаго въ тупикъ становится передъ ея выходками. Что если-бы хоть какое-нибудь образованіе этой дѣвушкѣ? Это была-бы совершенная Семирамида или Клеопатра.

Мѣсяцѣ тому назадъ, однажды сидятъ они всѣ трое за обѣдомъ молча и только поглядываютъ другъ на друга изъ подлобья. Кушанья подавали только для формы, никто къ нимъ и не прикасался. А я отъ нѣчего дѣлать, стоя за стуломъ Лизы, сталъ всматриваться въ лицо Кленовскаго. Руина! совершенная руина! Онъ не старикъ еще, но опередилъ даже дряхлыхъ стариковъ. Повисшія, едва сжимающіяся губы, полураскрытые безцвѣтные глаза, желтозеленый цвѣтъ лица и вдобавокъ сѣрые, жиденькіе волосы и глухота дѣлаютъ его чѣмъ-то отвратительнымъ, чѣмъ-то на полипа похожимъ.

Обѣдъ кончился. Лиза, выходя изъ-за стола, заплакала и, обращаясь къ г. Кленовскому, сказала:

— Прикажите заложить лошадь, или я пѣшкомъ уйду къ Антону Карловичу.

Быть бѣдѣ! подумалъ я и не ошибся. Черезъ нѣсколько дней дворня шопотомъ заговорила о женитьбѣ барина на Лизаветѣ Ѳедоровнѣ, а еще черезъ нѣсколько дней явилися уже и подробности, сопровождающія всякую будущую свадьбу: изъ П. между тѣмъ пріѣхалъ стряпчій г. Кленовскаго, И. П. Ермолинъ, пробылъ у нихъ двое сутокъ и уѣхалъ такъ, что его почти никто и не видалъ.

Это тоже что-нибудь да значитъ!

Не прошло и мѣсяца послѣ этого происшествія, какъ сестрица Кленовскаго засуетилась, забѣгала, всю дворню подняла на ноги и своимъ благороднымъ воспитанницамъ приказала приготовить самую лучшую пьесу къ свадьбѣ.

Къ свадьбѣ? подумалъ я. Стало быть между Лизой и Кленовскимъ это вещь возможная. Странно! Я на другой-же день съѣздилъ на ферму, разсказалъ все видѣнное и слышанное. Антонъ Карловичъ сказалъ: *хорошо*, а Марья Акимовна только головой кивнула.

Свадьба совершилась тихо; гостей много не собралось; были только ближайшіе сосѣди. Въ театрѣ тоже не были. Хотѣли было дать концертъ, да тоже до завтра отложили.

Завтра тоже прошло безъ особыхъ приключеній, а послѣ-завтра управляющій получилъ приказаніе отъ Кленовскаго приготовить экипажи, людей и лошадей для поѣздки въ Кіевъ.

Все это происшествіе вамъ покажется невѣроятнымъ, фантастическимъ, какъ и самому мнѣ оно показалось. Но вспомните, что Лиза выростала подъ непосредственнымъ надзоромъ распутной, старой дѣвки. Вспомните это, и неестественное замужество Лизы дѣлается самымъ натуральнымъ. Грустно только смотрѣть на это милое созданье, такъ безчеловѣчно нравственно изуродованное: въ ней и тѣни не видно той ангельской прелести, какая такъ свойственна ея возрасту. Воспитательница однакожъ ошиблась въ своихъ разсчетахъ. Цѣль ея была развратить Лизу до такой степени, чтобы она была способна выйти замужъ за ея отвратительнаго братца; въ этомъ она успѣла. Но главное—ей надоѣдалъ братецъ своимъ самовластіемъ и ей нужно было сокрушить эту власть; она и сокрушила: т. е. она сдѣлала Лизу полной, независимой помѣщицей всего имѣнія, прежде принадлежавшаго Кленовскому. Для того и пріѣзжалъ стряпчій изъ П. Дѣло въ томъ, что когда Лиза сдѣлалась помѣщицей, то, вмѣсто половинной власти и состоянія, предложила своей наставницѣ мѣсто ключницы у себя въ домѣ.

Распорядившись такъ съ своей милой наставницею, она вручила полную власть своему управляющему надъ домомъ и всѣмъ имѣніемъ; потомъ взяла своего дряхлаго мужа и отправилась въ Кіевъ, якобы пользоваться тамошними минеральными водами. Въ домѣ оставалось все по прежнему. Хозяйка обѣщалась зиму провести въ имѣніи, а до зимы, слѣдовательно, мнѣ въ домѣ было нечего дѣлать. И я, пользуясь своимъ добрымъ случаемъ, отпросился у управляющаго мѣсяца на два въ Д., т. е. на ферму. И вотъ уже третій день я разыгрываю Моцартовскія сонаты въ хаткѣ Марьи Акимовны на моей віолончели.

Какъ тепло мнѣ, какъ хорошо въ кругу этихъ милыхъ моихъ друзей! Наташа день отъ дня становится все краше и милѣе. Что за умница. что за скромница, просто прелесть! Она, знаете, со мною хочетъ этикетничать, держать себя, какъ прилично взрослой дѣвицѣ, но никакъ не можетъ; важничаетъ, важничаетъ, да вдругъ схватитъ съ меня шляпу, побѣжитъ и спрячется въ кустахъ. Я ищу ее, а она перебѣгаетъ изъ куста въ кустъ, пока устанетъ, а потомъ

пойдетъ жаловаться Марьѣ Акимовнѣ, что я ей покою не даю, что она на мой соломенный бриль безъ смѣху смотрѣть не можетъ. Милое, прекрасное созданіе! Глядя на нее, иногда я себя чувствую выше человѣка, такимъ безгранично счастливымъ существомъ, какимъ человѣкъ никогда быть не можетъ. Съ нѣкотораго времени я замѣчаю, она начинаетъ задумываться и почти плачетъ, когда я играю ея любимую серенаду Шуберта.

Марья Акимовна предлагаетъ Антону Карловичу поѣхать съ Наташей на зиму въ Кіевъ. Но Антонъ Карловичъ упорно молчитъ, только головою потряхиваетъ. Разъ было сказала Марья Акимовна:

— Ну коли не въ Кіевъ, такъ хоть въ Кленовку, къ Лизѣ.

Но онъ на нее такъ посмотрѣлъ, что съ тѣхъ поръ о Лизѣ и помину не было.

Я совершенно понимаю и оправдываю мысль Марьи Акимовны, но никакъ не могу равнодушно вообразить себѣ Наташи въ кругу незнакомыхъ ей людей; мнѣ дѣлается страшно за нее. Она такая живая, впечатлительная и ей уже семнадцать лѣтъ. Ей предстоятъ большія опасности впереди.

Вотъ еще что меня не мало удивило. Когда я разсказалъ съ подробностями про свадьбу Лизы, Наташа равнодушно дослушала мой разсказъ и проговорила:

— Несчастная она!—и залилась слезами.

Неужели она въ эти лѣта такъ глубоко успѣла заглянуть и уразумѣть, въ чемъ состоитъ истинное наше счастье?

Я завтра поѣду въ Кленовку за партитурою Мендельсона «Сонъ въ Ивановскую ночь». Наташа еще не слыхала ея. Я положу для нея эту чудную симфонію для фортепьяно и баса.

Пріѣзжайте когда-нибудь въ праздникъ и вы послушаете; а между тѣмъ напишите о себѣ хоть пару словъ, съ нашимъ посланнымъ, напишите хоть только то, что вы получили мое посланіе.

Преданный вамъ вашъ Музыкантъ».

На оставшемся отъ письма чистомъ полулистѣ бумаги, въ родѣ примѣчанія, было написано рукою Ивана Максимовича такъ:

«29 іюня, въ день Петра и Павла, ѣздилъ я въ гости на ферму и гостилъ два дня съ великимъ удовольствіемъ. Віолончель и фортепьяно—это такая божественная гармонія, что вѣчно-бы слушалъ и не наслушался, особенно, когда они вдвоемъ исполняютъ

эту волшебную серенаду. Я впрочемъ думаю, и не безъ основанія, что, кромѣ гармоніи звуковъ, между ними существуетъ высочайшая гармонія самыхъ нѣжныхъ чувствъ. Мнѣ даже объ этомъ сама Марья Акимовна косвенно намекнула, когда они играли серенаду. Она обратилась ко мнѣ, взоромъ показывая на музыкантовъ и шепнула:

— Не правда-ли, парочка? Какъ вы думаете?

Я, разумѣется, въ знакъ согласія кивнулъ головой.

Другой разъ, когда мы гуляли въ саду, и они вдвоемъ шли впереди насъ и о чемъ-то тихо разговаривали, Антонъ Карловичъ, глядя на нихъ, проговорилъ, какъ бы самъ съ собою.

— Во-что-бы то ни стало, а я ему добуду свободу.

Благородное чувство! подумалъ я, Это значитъ стоять выше предразсудковъ вѣка. Давно пора бы всѣмъ такъ думать и чувствовать. Но, увы! гордыня обуяла насъ. А какъ-бы они счастливы были! Я всякій день ѣздилъ бы на ферму любоваться на ихъ счастье. Я тутъ не вижу ничего невозможнаго; все будетъ зависѣть отъ Антона Карловича, а сомнѣваться въ искреннемъ сочувствіи этого благороднаго человѣка, значитъ не вѣрить въ Бога. Подождемъ! Увидимъ»!

Въ слѣдующемъ за письмомъ повѣствованіи собственнаго издѣлія Ивана Максимовича продолжаются разсужденія въ томъ же родѣ филантропическомъ, только уже слогомъ возвышеннымъ, обработаннымъ,—такимъ слогомъ, что я съ трудомъ прочиталъ полстраницы. Настоящій Марлинскій. Миръ памяти его!

Перевернувши нѣсколько листовъ краснорѣчивой рукописи, я открылъ еще одно письмо музыканта, писанное годъ спустя послѣ предыдущаго.

Письмо начиналось такъ:

Незабвенный Иванъ Максимовичъ!

Я такъ счастливъ, такъ безконечно счастливъ, что едва ли могу писать вамъ, а писать необходимо, потому что счастье задушитъ меня, если я не выскажусь. Но съ чего-же вамъ начать? Дайте прійти въ себя. Да, начну съ того, что прошедшей осенью возвратился изъ Кіева Кленовскій совершенно больной и безъ жены. Елизавета Ѳедоровна бросила его въ Кіевѣ, на попеченіе сестрицы, а сама уѣхала съ какимъ-то гусаромъ на маневры въ Вознесенскъ, да и не возвращалась. Уже изъ-за границы (кажется, изъ Вѣны)

написала управляющему письмо, чтобы онъ всю дворню и музыкантовъ распустилъ на оброкъ—кто пожелаетъ, а остальныхъ обратилъ-бы въ хлѣбопашцевъ; благороднымъ воспитанницамъ выдалъ-бы по тысячѣ рублей и тоже распустилъ, а дворовыхъ дѣвушекъ повыдавалъ-бы замужъ съ приданнымъ по сту рублей, хоть за солдатъ; г. Кленовскому и сестрѣ его выдавалъ-бы по сту рублей въ мѣсяцъ, и больше ничего.

Жалко и отвратительно было смотрѣть на этого изувѣченнаго сластолюбца, когда онъ смотрѣлъ на сборы въ дорогу своихъ воспитанницъ и не могъ остановить этихъ сборовъ. Ему не хотѣлось разстаться съ своими жертвами, и онъ плакалъ въ безсиліи. Онъ пошелъ было къ нимъ во флигель проститься съ ними, но онѣ передъ нимъ двери заперли. Достойная благодарность развратителю!

Лизавета Өедоровна можетъ-быть и безсознательно, но вполнѣ справедливо и достойно наказала своего развратителя. Я въ душѣ ей благодаренъ. За одну бѣдную Тарасевичъ его слѣдовало-бы сдѣлать каторжникомъ. Если совѣсть его проснется когда-нибудь, то она забичуетъ его лучше всякаго палача. Только мнѣ не вѣрится въ присутствіе совѣсти въ развращенномъ сердцѣ.

Оркестръ нашъ почти весь пущенъ на оброкъ, и отправился въ Кіевъ. Выбрали было меня капельмейстеромъ, но я рѣшительно отказался и выпросилъ себѣ у управляющаго мѣсто лѣсничаго въ Д. Эта должность какъ-разъ пришлась по мнѣ: брожу себѣ цѣлый день по лѣсу, какъ-будто дѣло дѣлаю, а въ вечеру отправляюсь на ферму. Віолончель осталась со мною. Слушатели мои—самые искренніе слушатели, и я просто блаженствую. Если бы ко всему этому прежняя рѣзвость и беззаботность Наташи, я былъ-бы совершенно счастливъ. А то она такая отчего-то грустная ходитъ, что я не знаю, что и дѣлать.

Марья Акимовна тоже будто-бы перемѣнилась, тоже чего-то по временамъ задумывается и скучаетъ. Одинъ только Антонъ Карловичъ по прежнему молчитъ и добродушно улыбается. Въ отношеніи же меня, они всѣ по прежнему ласковы, только что-то какъ будто-бы скрываютъ.

Меня это мучитъ, и я по цѣлымъ днямъ иногда хожу по лѣсу и плачу, самъ не знаю отчего...

Нѣсколько дней тому назадъ Антонъ Карловичъ ѣздилъ къ нашему управляющему и возвратился чрезвычайно веселъ, такъ веселъ, что заставилъ меня съ Наташею играть «Горлыцю», а самъ чуть было танцовать не пустился. А между прочимъ все-таки ни слова никому не говоритъ о причинѣ такой радости...

Черезъ недѣлю послѣ этой радости, Антонъ Карловичъ, не сказавъ никому ни слова, уѣхалъ опять къ управляющему, а къ вечеру того-же дня прислалъ записку, чтобы его не ждали вечерять, что съ управляющимъ онъ уѣхалъ въ Полтаву.

Мы, разумѣется, ахнули и минутъ пять не могли проговорить ни слова, только смотрѣли другъ на друга; наконецъ заговорила первая Марья Акимовна.

— Что-же это онъ сдѣлалъ со мною? Вотъ уже тридцать лѣтъ, слава-Богу, мы съ нимъ не разлучались ни на день единый, а тутъ взялъ да уѣхалъ, и хоть-бы сказалъ слово. Вотъ до чего я дожила, горькая!

И, минуту помолчавъ, она тихо заплакала, Наташа также, и, взявшиеь за руки, они пошли въ покои.

Я какъ вкопаный остался на мѣстѣ, и долго-бы простоялъ еще, если-бы Наташа не позвала меня въ комнаты.

Послѣ долгихъ разсужденій и предположеній, зачѣмъ и для чего такъ, можно сказать, воровски уѣхалъ Антонъ Карловичъ въ Полтаву, я вызвался сейчасъ-же съѣздить въ Кленовку и узнать все положительно на мѣстѣ, а чтобы имъ не страшно было безъ мущины, я сходилъ на мельницу и пригласилъ стараго мирошника на ферму, въ видѣ сторожа и собесѣдника (Наташа чрезвычайно любила слушать его старыя сказки и прибаутки).

На разсвѣтѣ я возвратился на ферму изъ Кленовки, не узнавши ничего. Конторскіе писаря, пользуясь отсутствіемъ управляющаго, перепились пьяны, и на вопросъ мой отвѣчали: уѣхали въ Полтаву! и больше ничего.

Наташа заснула, а Марья Акимовна ждала моего возвращенія у воротъ сада и, завидя меня, подбѣжала ко мнѣ съ вопросомъ: что? Я, хоть и горько мнѣ было, сказалъ ей, что въ Кленовкѣ никто ничего не знаетъ.

— Идите-же въ его хату, да отдохните съ дороги, сказала она мнѣ и, закрывъ лицо руками, такъ пошла къ дому.

Бѣдная женщина! подумалъ я, глядя ей вслѣдъ: неужели такъ тѣсно сдружилася ты съ нимъ, что не можешь одинъ день прожить безъ него? Счастливая, завидная твоя доля, и многія, многія жены тебѣ въ правѣ позавидовать. А тебѣ еще больше, счастливый благородиый старче, должны завидовать мужья-горемыки!

Прошелъ день, другой, наконецъ и третій, а объ Антонѣ Карловичѣ ни слуху, ни духу. На фермѣ все такъ притихло и пріуныло, что я боялся и подумать о музыкѣ.

Марья Акимовна всѣ дни ходила взадъ и впередъ по одной дорожкѣ и только молча вздыхала, а Наташа ей вторила.

Казалось, что мы уже на вѣки разстались съ нашимъ Антономъ Карловичемъ. Въ теченіе дня Марья Акимовна заходила въ его хату, чего прежде никогда не дѣлала, обмахивала платкомъ пыль съ электрической машины и съ другихъ вещей, садилась на кушетку и плакала, словомъ, она походила на самую нѣжную любовницу.

Въ продолженіе этихъ дней я только и слышалъ отъ нея, и то она говорила какъ бы сама съ собою:

— Ну, слыхано-ли на свѣтѣ такое горе? Уѣхать въ такую даль и не сказать женѣ ни слова? О я несчастная!

Дни проходили медленно, а вечера еще медленнѣе, и 26 августа быстро близилось. Я думалъ было прежде о сюрпризахъ для дня ангела Наташи; но послѣ этого случая я такъ растерялся, что совершенно обо всемъ забылъ.

Я ѣздилъ еще разъ въ Кленовку и хотѣлъ было проѣхать въ П. къ повѣренному Елизаветы Ѳедоровны, но мнѣ сказали въ Кленовкѣ, что и онъ уѣхалъ вмѣстѣ съ ними.

Вотъ уже и 25 августа, а на фермѣ будто-бы ничего не бывало: ни малѣйшаго движенія; о предстоящемъ праздникѣ и помину нѣтъ.

Я вспомнилъ про мѣсячную розу въ Д. въ оранжереѣ, которую я давно выпросилъ у садовника для дня ангела Наташи, и, не сказавъ никому ни слова, отправился пѣшкомъ въ Д. Возвращался я съ цвѣткомъ на ферму уже вечеромъ. И—вообразите мою радость! Антонъ Карловичъ сидѣлъ за столомъ между Марьей Акимовной и Наташей и, по обыкновенію, улыбаясь, пилъ чай.

— А, и вы пришли! сказалъ онъ, увидѣвши меня.—Садитесь-ка, я вамъ разскажу, что я видѣлъ въ Полтавѣ.

Я сѣлъ—и нѣсколько минутъ прошло въ молчаніи.

— Ну, разсказывай, безпутный, проговорила Марья Акимовна, что ты видѣлъ въ твоей скучной Полтавѣ.

— А что я тамъ видѣлъ? грязь и больше ничего!

— А что-же ты тамъ дѣлалъ столько времени?

— Тоже ничего!

— Зачѣмъ-же ты ѣздилъ туда, вѣтрогонъ ты старый?

— Такъ, прогуляться!

— Такъ, прогуляться? Слышите, люди добрые: такъ прогуляться! Охъ, ты сѣдая, старая голова! И это тебѣ не совѣстно такъ мучить меня на старости лѣтъ?

И Марья Акимовна поцѣловала его такъ нѣжно, такъ просто, сердечно, какъ самая нѣжная мать цѣлуетъ покорное дитя свое.

Вечеръ прошелъ тихо и весело.

На другой день проснулись всѣ рано, а Антонъ Карловичъ раньше всѣхъ. Разбудивши меня, онъ сказалъ:

— А что, ты приготовилъ что-нибудь для имянинницы?

— Приготовилъ,—проговорилъ я.

— Ну, такъ вставай-же, одѣвайся и пойдемъ поздравимъ; она уже бѣгаетъ по саду.

Я наскоро умылся, одѣлся и, взявши свою розу, пошелъ къ дому вслѣдъ за Антономъ Карловичемъ. Наташа, увидя насъ, побѣжала въ комнаты.

Мы вошли вслѣдъ за нею, а она уже сидѣла за чайнымъ столомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, около Марьи Акимовны и просила сухарика къ чаю.

Я поздравилъ ее и приподнесъ ей свой скромный подарокъ. Антонъ Карловичъ поздравилъ то-же и, вынувъ изъ бокового кармана сложенную вчетверо бумагу и подавая Наташѣ, сказалъ ей:

— Вотъ тебѣ гостинецъ изъ Полтавы.

Сказавши это, онъ, улыбаясь, сѣлъ около нея. Наташа долго молча читала бумагу и, не дочитавши, выпустила ее изъ рукъ и со слезами бросилась обнимать и цѣловать Антона Карловича, а мы съ Марьей Акимовной съ изумленіемъ посматривали другъ на друга.

Наконецъ, я поднялъ бумагу, посмотрѣлъ на нее, то была моя «отпускная»!..

Все, что сказалъ-бы я вамъ про свои ощущенія въ эту великую минуту, все-бы это и тѣни не было похоже на то, что я чувствовалъ.

— Віолончель тоже наша! проговорилъ, улыбаясь, Антонъ Карловичъ.

Я упалъ передъ нимъ на колѣни и цѣловалъ его руки, обливаясь слезами.

— Ну, Наташа, теперь за тобою очередь, продолжай! сказалъ Антонъ Карловичъ, обращаясь къ Наташѣ. Возьми эту бумагу и отдай нашему другу и скажи: вотъ, молъ, тебѣ мое приданное. А мы съ Марьей Акимовной скажемъ: Боже васъ благослови!

Всѣ четверо мы бросились другъ къ другу и залились слезами.

И вотъ уже болѣе недѣли, какъ мнѣ мое счастіе спать не даетъ. И знаете, кто все это сдѣлалъ? Наташа, моя милая, моя безцѣнная Наташа! Она предпочла меня и знатнымъ и богатымъ, меня, крѣпостного музыканта.... и, открывшись во всемъ своимъ благороднымъ благодѣтелямъ, просила ихъ дѣлать съ нею, что найдутъ лучшимъ. А добрый, молчаливый Антонъ Карловичъ, не долго разсуждая и не говоря никому ни слова, рѣшилъ по своему, однимъ разомъ. Онъ заплатилъ за мою свободу съ віолончелью 2500 руб. Если-бы Кленовскій былъ моимъ владыкою, этого-бы никогда не случилось. Спасибо тебѣ, Елизавета Ѳедоровна! Тебѣ и во снѣ не снится, что ты—невинная причина моего настоящаго блаженства...

Теперь Антонъ Карловичъ хлопочетъ объ опредѣленіи меня въ канцелярію дворянскаго предводителя,—ужъ это я и самъ не знаю для чего,—а когда это сбудется, тогда мы съ вами будемъ видѣться, по крайней мѣрѣ раза три въ недѣлю. А пока пріѣзжайте въ воскресенье на ферму и полюбуйтесь на совершенно счастливыхъ людей.

Преданный вамъ музыкантъ N.

Дочитавши это, самимъ счастіемъ написанное, письмо, я впалъ въ какую-то болѣзненную задумчивость. Боже мой! Неужели это была зависть? Нѣтъ, я не завидовалъ никому на свѣтѣ! Это было

горькое, невыразимо горькое чувство одиночества. Я чуть не заплакалъ отъ внутренней болѣзни.

Въ то время, какъ я собирался плакать, вошелъ ко мнѣ Иванъ Максимовичъ и спросилъ:

— Ну что, далеко уже прочитали мое немудрое повѣствованіе?

— Все прочиталъ, отвѣтилъ я.

— И описаніе свадебнаго пира?

— Нѣтъ, не читалъ.

— Такъ прочитайте, непремѣнно прочитайте, потому что я, можно сказать, больше всего разсчитываю на эффектъ этого великолѣпнаго изображенія.

— А скажите, Иванъ Максимовичъ, старики еще живы?

— Здоровехоньки, а о счастіи и говорить нечего. А если-бъ вы видѣли, что за внучку имъ Богъ послалъ! Совершенный ангелъ Божій!

Я снова задумался. А знаете что, Иванъ Максимовичъ? спросилъ я его черезъ минуту.

— А что?

— Отпустите меня завтра одного на ферму, а сами въ воскресенье пріѣзжайте.

— Ни за что. А коли вамъ ужъ такъ захотѣлось, то и я завтра могу съ вами ѣхать. Да что это вамъ такъ вдругъ?...

— У меня ужъ характеръ такой: я ужасно люблю смотрѣть на счастливыхъ людей, и, по моему, нѣтъ прекраснѣе, нѣтъ усладительнѣе зрѣлища, какъ образъ счастливаго человѣка.

— Это совершенная правда.

На другой день мы были на фермѣ, и я видѣлъ и былъ совершенно счастливъ счастіемъ этихъ простодушныхъ, благородныхъ людей. Видѣлъ и свидѣтельствую истину сего неложнаго сказанія.

Т. Шевченко.

15 января
1857 г.

Родъ Лашкевичей и дневникъ одного изъ нихъ[1]).

Царствованіе Екатерины II, по отношенію къ Малороссіи, было, какъ извѣстно, періодомъ усиленнаго приравненія всѣхъ внѣшнихъ сторонъ мѣстной жизни къ общегосударственнымъ формамъ. Рядъ столь важныхъ политическихъ и соціально-экономическихъ реформъ, какъ отмѣна гетманства (1764 г.), уничтоженіе запорожской Сѣчи (1775 г.), учрежденіе намѣстничествъ (1781 г.), окончательное закрѣпощеніе крестьянъ (1783 г.), нобилитація козацкой старшины (1785 г.) и проч., не могъ не отразиться весьма сильно на народной жизни. Въ короткое время измѣнилась не только оффиціальная физіономія края, но въ значительной степени и его внутренніе распорядки. Особенно сильное вліяніе имѣли екатерининскія реформы на жизнь высшихъ слоевъ тогдашняго малорусскаго общества. Выдѣляя изъ себя массу дѣятелей для преобразованной гражданской и военной администраціи, новыхъ судовъ, разнаго рода земскихъ должностей, козацкая старшина, превратившаяся затѣмъ въ малороссійское

---

[1]) Откладывая съ году на годъ печатаніе давно обѣщаннаго дневника Степана Ивановича Лашкевича, мы имѣли въ виду отыскать недостающіе его годы; но этого не случилось, а между тѣмъ наступаетъ пріостановка изданія, которое, Богъ вѣсть, когда возродиться можетъ. Не желая оставлять нашихъ читателей безъ удовлетворенія ихъ ожиданія, мы помѣщаемъ здѣсь давно готовый генеалогическій обзоръ рода Лашкевичей и самаго дневника, въ надеждѣ, что представитель сего рода, уважаемый А. С. Лашкевичъ, обязательно сообщившій намъ сохранившіяся части дневника, приложитъ стараніе къ отысканію затерявшихся частей и издастъ этотъ цѣнный памятникъ въ полномъ его видѣ, съ пополненіемъ генеалогическихъ свѣдѣній о самомъ родѣ и исправленіемъ неточностей, какія могли бы оказаться въ настоящемъ обзорѣ.—*Ред.*

дворянство, входила въ самую тѣсную связь съ остальнымъ русскимъ служащимъ міромъ и съ внѣшней стороны быстро ассимилировалась съ нимъ. Государственная служба, съ ея отличіями и преимуществами, всегда была привлекательна для состоятельныхъ малороссовъ; всѣ лучшіе люди шли въ нее, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что служилый классъ, усвоивавшій бытовыя формы россійскаго культурнаго человѣка, постоянно былъ предметомъ подражанія для остальной массы южнорусскаго дворянства. Подъ вліяніемъ новыхъ общественныхъ условій, изъ малорусскаго державцы конца XVII и половины XVIII вѣка постепенно вырабатывались тѣ хорошо извѣстные типы украинскихъ старосвѣтскихъ помѣщиковъ, низшій видъ которыхъ увѣковѣчилъ въ литературѣ Гоголь. Въ высшей степени интересенъ процессъ этой культурной переработки. Всякія данныя, относящіяся къ этой области нашей исторіи, заслуживаютъ поэтому полнаго вниманія.

Оставленный однимъ изъ рода Лашкевичей дневникъ, въ связи съ другими, относящимися къ его автору документами, и заключаетъ въ себѣ прежде всего именно тотъ интересъ, что до нѣкоторой степени знакомитъ насъ съ бытомъ средняго по образованности и общественному положенію малороссійскаго помѣщика переходнаго періода.

Сказаннымъ уже отчасти опредѣляется сравнительное значеніе упомянутаго дневника въ ряду такихъ, однородныхъ съ нимъ, памятниковъ южно-русской старины, какъ «Записки» Якова Марковича и «Діаріушъ» Ханенка. Слѣдующія за симъ, болѣе подробныя свѣдѣнія объ авторѣ и самомъ дневникѣ дадутъ намъ возможность провести болѣе полную параллель между ними.

Авторъ дневника, Степанъ Ивановичъ Лашкевичъ, бунчуковый товарищъ въ стародубовскомъ полку, впослѣдствіи надворный совѣтникъ и предсѣдатель новгородсѣверскаго верхняго земскаго суда, родился 1734 г. [1]), умеръ 1782 г.

---

[1]) Дневникъ, 28 марта 1772 г.

Родъ Лашкевичей, какъ это видно изъ родословныхъ ихъ документовъ, происходитъ отъ бѣлорусскаго выходца Ильи Лашкевича, переселившагося будто бы въ Стародубъ изъ рѣчицкаго повѣта въ 1679 году. Кто такой былъ этотъ Илья Лашкевичъ, неизвѣстно. Когда въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія дворянская коммисія новгородсѣверскаго намѣстничества потребовала у Лашкевичей доказательствъ дворянскаго ихъ происхожденія, то потомки Ильи нашли въ мозырскомъ повѣтѣ несомнѣнныхъ шляхтичей Лашкевичей, которые подъ присягою показали, что могилевскіе и сѣверскіе Лашкевичи происходятъ отъ одного предка. Затѣмъ въ рогачевскомъ уѣздномъ судѣ былъ найденъ въ городскихъ книгахъ чечерскаго, рѣчицкаго и другихъ зàмковъ рядъ грамотъ, данныхъ разными польскими королями, начиная отъ Сигизмунда II до Августа, фамиліи «землянъ» Лашкевичей, а у Папроцкаго и Окольскаго было заимствовано подробное описаніе герба этой фамиліи. Такимъ образомъ получилась цѣпь данныхъ, подкрѣпленная свидѣтельствами «вѣры годныхъ» людей, вполнѣ достаточная для убѣжденія членовъ дворянской коммисіи въ шляхетскомъ происхожденіи рода Лашкевичей и для внесенія ихъ въ шестую часть дворянской родословной книги, въ отдѣленіе древняго дворянства [1]).

На самомъ дѣлѣ древность едва ли не ограничивалась упомянутымъ выше Ильею Лашкевичемъ. Не даромъ авторъ «Исторіи руссовъ» замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ о польскихъ выходцахъ: «шляхта сія ежедневно почти умножалась новыми выходцами изъ музыкантовъ, мастеровыхъ и панскихъ служителей, которымъ никакого разбора здѣсь (въ Малороссіи) не было; а когда кто покажется изъ Польши, то уже и шляхтичъ, какъ-бы онъ былъ избраннаго рода левитскаго отъ древнихъ іудеевъ» [2]). Сынъ Ильи Тихонъ пріобрѣлъ куплею домъ въ Стародубѣ, а

---

[1]) Въ высшей степени любопытны эти родословные документы, образчикъ, такъ сказать, аргументаціонной брони, устрашавшей скептиковъ изъ дворянской коммисіи, и матеріалъ вообще для изображенія „людей старой Малороссіи"; но, по недостатку мѣста, мы привести ихъ не можемъ.

[2]) Ист. руссовъ, москов. изд. 1846 г., стр. 249.

внукъ его Семенъ уже на столько разбогатѣлъ, что могъ породниться съ древнимъ шляхетскимъ родомъ Сѣверщины—Рубцами. Онъ женился на одной изъ Рубцовенъ, взялъ за нею въ приданное маетности въ стародубовскомъ полку и имѣлъ отъ нея пять сыновей; старшій изъ нихъ, Карпъ, умеръ вѣроятно молодымъ, а остальныхъ отецъ пристроилъ къ знатному козачеству, записавъ ихъ въ службу значковыми товарищами. Ни одинъ изъ сыновей Семена, должно быть по отсутствію протекціи, не пошелъ далеко по службѣ: старшій, Иванъ, правда, умеръ въ 1765 году бунчуковымъ товарищемъ, за то слѣдующій, Артемій, оставался до смерти значковымъ товарищемъ (третій сынъ, Онисифоръ, кажется, вовсе не поступалъ на службу), а послѣдній, Ѳедоръ, дослужился до полковаго хорунжаго. Сыновья и внуки трехъ меньшихъ братьевъ затерялись затѣмъ въ массѣ мелкаго дворянства, а старшій, Иванъ Семеновичъ, успѣлъ собралъ значительное состояніе и тѣмъ выдвинуть свое потомство. Онъ скупилъ у тётокъ своихъ по матери, Рубцовенъ, обширныя помѣстья, по сосѣдству съ своимъ материнскимъ, такъ что сдѣлался богатымъ державцею въ стародубовскомъ полку. Ивану Лашкевичу принадлежали: половина селъ Брахлова, Любечанъ, Повхова, Обтень, слободки Шамовки (всѣ въ нынѣшнемъ новозыбковскомъ уѣздѣ), половина села Еліонки, слобода Воронецъ [1]); мельницы: на рѣчкѣ Бобинцѣ подъ городомъ Стародубомъ, на рѣчкѣ Снови, на рѣчкѣ Ирпѣ и на ручьѣ подъ мѣстечкомъ Новымъ Ропскомъ (новозыбковскаго уѣзда), дворъ и комора на рынкѣ въ городѣ Стародубѣ. Иванъ Семеновичъ женатъ былъ на Евфросиніи Ивановнѣ Губчицъ, бывшей уже въ замужествѣ за Василіемъ Журманомъ, и имѣлъ отъ нея пасынка Илью Журмана, сына Степана и дочь Марѳу.

Степанъ Ивановичъ, авторъ дневника, въ 1751 году, 17-ти лѣтъ отъ роду, поступилъ въ генеральную войсковую канцелярію, въ званіи войсковаго канцеляриста, и состоялъ въ ней три

---

[1]) Еліонка и Воронокъ (прежній Воронецъ) нынѣ великорусскіе раскольничьи посады стародубскаго уѣзда.

года. Все время онъ находился при гетманѣ, то въ Глуховѣ, то при «походной» гетманской канцеляріи въ Москвѣ и Петербургѣ. Столичная жизнь при штабѣ Разумовскаго, который покровительствовалъ молодому Лашкевичу отчасти и по личнымъ связямъ [1]), конечно много повліяла какъ на карьеру Лашкевича, такъ и на его развитіе. По словамъ «сказки», поданной Лашкевичемъ въ стародубовскую полковую канцелярію въ 1762 г., онъ уже въ 1754 г, 20 лѣтъ, былъ сдѣланъ бунчуковымъ товарищемъ. Въ 1758 г. Степанъ Ивановичъ женился на Параскевіи Григорьевнѣ Галагановой, дочери прилуцкаго полковника Григорія Игнатьевича Галагана, и взялъ за нею, кромѣ богатой движимости, слободку Норицу въ стародубовскомъ полку (она-жъ и Галагановка).

По выходѣ изъ генеральной канцеляріи Лашкевичъ поселился въ селѣ Брахловѣ и занялся хозяйствомъ, при чемъ не упускалъ случаевъ округлять свои помѣстья новыми пріобрѣтеніями. Такъ, у погарскаго подкоморія Галецкаго онъ купилъ землю въ городѣ Погарѣ, съ крестьянами, у нѣкоего Случановскаго—«грунта курковскіе» (стародубовскаго уѣзда), у жителей раскольничьихъ слободъ Воронка и Еліонки отобралъ половину мельницы на рѣчкѣ Брусѣ (стародубовскаго уѣзда); по раздѣлу съ двоюродными братьями, дѣтьми Ѳедора Лашкевича, ему достались дворы въ Стародубѣ и проч. Если свести всѣ упоминанія дневника объ имѣніяхъ автора, то получается слѣдующій, быть можетъ еще не полный, перечень его владѣній. Главное помѣстье и мѣсто жительства Степана Лашкевича было село Брахловъ (новозыбковскаго уѣзда), гдѣ была мельница о двухъ поставахъ, садъ и проч.; затѣмъ домъ съ «трепальнымъ дворомъ» (для выдѣлки пеньки) и землями, мельницей и винокурней былъ въ городѣ Погарѣ, нѣсколько дворовъ съ мельницей въ городѣ Стародубѣ, земли съ мельницами въ хуторѣ Ирпѣ, на рѣчкѣ того-же имени и на притокѣ ея Прудцѣ—въ нынѣшнемъ ново-

[1]) Братъ Лашкевича по матери, Илья Васильевичъ Журманъ, былъ женатъ на Агафьѣ Давидовнѣ Стрѣшневой (?), „изъ дома гетмана“.

зыбковскомъ уѣздѣ; домъ, шинокъ и винокурня въ селѣ Ущерпьѣ суражскаго уѣзда, домъ съ землями и пасѣкой въ Норицѣ или Галагановкѣ мглинскаго уѣздовъ, дворъ и половина мельницы въ хуторѣ Брусѣ стародубовскаго уѣзда, земли въ селахъ: Курковичахъ (стародубовскаго уѣзда), Желѣзномъ мостѣ (новгородсѣверскаго уѣзда), Любечанахъ, Повховѣ, Шамовкѣ, Обтеняхъ, Бровничахъ, Тимновичахъ (новозыбковскаго уѣзда) и въ хуторѣ Гремячкѣ (новгородсѣверскаго уѣзда) [1]).

При своемъ богатствѣ Степанъ Ивановичъ обладалъ мягкимъ, общежительнымъ характеромъ, и потому пользовался большою популярностью между окружнымъ шляхетствомъ. Въ 1764 году онъ былъ избранъ земскимъ судьею въ погарскомъ повѣтѣ [2]) и въ этой должности состоялъ до 1779 г. Въ 1772 году погарское шляхетство кромѣ того выбрало его своимъ предводителемъ. Во время предводительства Лашкевичъ сильно хлопоталъ о полученіи «россійскаго чина»; такъ въ дневникѣ говорится, что поѣздка автора въ Москву въ 1775 году была совершена съ этою цѣлью. Но прежде Степанъ Ивановичъ былъ сдѣланъ въ 1779 году подкоморимъ [3]), и только въ 1781 году, при утвержденіи его въ должности предсѣдателя верхняго земскаго суда повѣта новгородсѣверскаго, онъ былъ произведенъ въ чинъ надворнаго совѣтника. Въ слѣдующемъ 1782 г. Лашкевичъ умеръ.

Сыновья и дочери автора дневника росли и воспитывались уже, какъ дѣти богатаго, со связями, украинскаго помѣщика. У Степана Ивановича было восьмеро дѣтей, два сына—Иванъ и Василій и шесть дочерей. По дневнику и другимъ фамильнымъ бумагамъ можно прослѣдить отчасти судьбу старшаго сына, Ивана, и старшей дочери, Агафьи. Иванъ родился въ 1765 году и до 13 лѣтъ воспитывался дома, при родителяхъ. 10-ти лѣтъ онъ былъ записанъ капраломъ въ измайловскій полкъ, счи-

---

[1]) Кромѣ того тесть дарилъ Лашкевичу въ разное время лошадей, которыя оставались въ галагановскомъ заводѣ въ Гнилицѣ и размножались, такъ что напр. къ 1772 году въ заводѣ было 50 лошадей, принадлежавшихъ Лашкевичу.

[2]) *Дневникъ*, 8 марта 1778 г.

[3]) Ibid., 21 іюня 1779 г.

тавшійся подъ командой графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, и тогда-же отецъ привезъ къ сыну изъ Москвы учителя, француза Давена, договореннаго за 150 р. въ годъ. Но съ Давеномъ дѣло не сладилось: французъ вѣроятно былъ неуживчиваго характера и заносчивъ, за что скоро былъ прогнанъ [1]). Въ январѣ 1778 года мальчика отвезли учиться въ Москву, и подъ 6 ноября того-же года отецъ отмѣчаетъ въ дневникѣ: «изъ Москвы отъ сына (получилъ извѣстіе), что онъ во университетѣ уже учится». Девятнадцати лѣтъ Иванъ Лашкевичъ получилъ чинъ капитана, но въ слѣдующемъ году, по неизвѣстной причинѣ, вышелъ секундъ-маіоромъ въ отставку.

Къ дальнѣйшей судьбѣ Ивана Степановича Лашкевича относится любопытное «дѣло», хранящееся въ фамильномъ архивѣ графа Милорадовича и состоящее болѣе чѣмъ изъ 100 листовъ, о женитьбѣ его на дочери бывшаго черниговскаго полковника, генералъ-маіора Петра Степановича Милорадовича. Послѣдній былъ женатъ на дочери бунчуковаго товарища Семена Полуботка и получилъ за женою обширныя имѣнія, которыя должны были перейти, по смерти жены, къ дочери ихъ отъ этого брака, Анастасіи, по выходѣ послѣдней замужъ. Отецъ, «по своему пристрастію къ дитинному имѣнію», держалъ дочь при себѣ, отказывая сватавшимся къ ней женихамъ. Анастасія, будучи уже двадцати съ лишнимъ лѣтъ, убѣжала къ бабушкѣ своей Полуботковой и, съ ея согласія, вопреки волѣ отца, вышла въ 1789 году замужъ за Ивана Степановича Лашкевича. Милорадовичъ поднялъ дѣло о самовольномъ выходѣ дочери въ замужество, имѣя цѣлью, конечно, удержать за собою ея материнскія имѣнія. Дѣло тянулось очень долго, прошло по всѣмъ инстанціямъ и было окончено уже по смерти Петра Милорадовича, въ пользу Анастасіи. Иванъ Степановичъ Лашкевичъ такимъ образомъ къ своей наслѣдственной части прибавилъ об-

[1]) Любопытная отмѣтка касательно этого француза стоитъ въ дневникѣ подъ 5 января 1776 г.. „сей день у вечеру учитель Давенъ неучтиво изъ за вечери всталъ і пошолъ, при чемъ были Петро Павловскій и Николай Лашкевичъ“. Должно быть, по случаю „кутти“, была очень длинная „вечеря“ и французъ не могъ выдержать ее до конца.

ширныя полуботковскія владѣнія въ черниговскомъ повѣтѣ и былъ владѣльцемъ двухъ съ половиною тысячъ душъ крестьянъ. Къ нему перешелъ и Брахловъ. Въ 1811 году Лашкевичъ подписывался почему-то уже подполковникомъ, какъ видно изъ описанія герба представителя рода Лашкевичей въ 1811 г., и умеръ въ этомъ чинѣ.

Старшая дочь автора дневника, Агафья, была выдана за Михаила Семеновича Кочубея, сына послѣдняго генеральнаго обозпаго, тайнаго совѣтника, Семена Васильевича. Агафьѣ Степановнѣ при обрученіи не хватало 6 дней до 15 лѣтъ. Въ дневникѣ есть нѣсколько интересныхъ бытовыхъ указаній объ ея свадьбѣ, о которыхъ будетъ упомянуто ниже. Сынъ молодой четы, мѣсячный ребенокъ Семенъ Кочубей, былъ записанъ въ преображенскій полкъ каптенармусомъ.

Изъ пяти сыновей Ивана Степановича четверо старшихъ умерли молодыми, и кореннымъ наслѣдникомъ остался пятый сынъ Степанъ, въ настоящее время уже умершій. Сыну послѣдняго, Александру Степановичу Лашкевичу, принадлежитъ Брахловское имѣніе; у него богатая библіотека и значительное собраніе рукописныхъ документовъ, изъ числа которыхъ имъ обязательно сообщенъ редакціи «Кіевской Старины» и упоминаемый дневникъ его прадѣда съ фамильными документами.

Дневникъ былъ веденъ Степаномъ Лашкевичемъ изо дня въ день впродолженіи 14 лѣтъ, отъ 1768 г. до смерти автора, послѣдовавшей въ 1782 г. Но намъ доставленъ только отрывокъ его, обнимающій промежутокъ времени съ 20 февраля 1771 г. по 24 іюня 1779 г., и то съ пропускомъ въ серединѣ, съ 23 мая 1773 г. по 19 ноября 1774 г. [1]). Этотъ отрывокъ состоитъ изъ 6 тетрадей, заключающихъ въ себѣ вмѣстѣ 74 листа сѣрой бумаги (4 тетради по 12 листовъ, одна 18 и одна 8 л.). Дневникъ былъ

---

[1]) По сообщенію нынѣшняго владѣльца „Дневника", недостающія части послѣдняго были отосланы имъ въ бывшій юго-западный отдѣлъ импер. геогр. общества. Предпринятыя нами однако разысканія въ указанномъ направленіи не увѣнчались успѣхомъ.

названъ авторомъ, какъ видно изъ замѣтокъ его внука, «Запиской домашней ежедневной».

Не считая возможнымъ въ общемъ обзорѣ исчерпать всего разнообразнаго содержанія дневника, мы отмѣтимъ главнѣйшія и болѣе важныя для исторіи его данныя, сгруппировавъ ихъ въ нѣсколько общихъ категорій.

Прежде всего въ дневникѣ выдѣляются ежедневныя отмѣтки о погодѣ. Отмѣтки заключаются въ общихъ. принятыхъ тогда въ житейскомъ обиходѣ выраженіяхъ, напр. зимою: «въ ночи и въ день силній морозъ; въ ночи и въ день умѣренная стужа; въ ночи морозъ и въ день холодно, но отъ слонца таило; въ ночи вѣтеръ и морозецъ, въ день пасмурно»; лѣтомъ: «въ ночи пріятно и ясно, въ день ясно и сторонами дождь; ночь хмарная, теплая, день жаркій, свѣтлый, сторонами дождь; ночь хмарная, день на перемѣнѣ; ночь свѣтлая, день ясній, жаркій; ночь ядреная, день холодноватый» и т. д. На сколько такія замѣтки цѣнны для метеорологовъ, судить не беремся; но въ виду выражавшихся въ свое время упрековъ издателю записокъ Марковича за то, что онъ выпустилъ всѣ замѣтки автора о погодѣ, ограничимся пожеланіемъ, чтобы при изданіи «Дневника» Лашкевича, если оно состоится, не была повторена та-же ошибка.

Другая категорія данныхъ дневника—извѣстія политическія. Авторъ читалъ газеты и получалъ ихъ отъ Ильи Васильевича Журмана изъ Глухова, большею частію по случаю, при письмахъ или другихъ посылкахъ. Такъ въ дневникѣ отмѣчается: «Иванъ Зятченокъ игруши привезъ и газеты», «михалчинского человѣка отпустилъ, который привозилъ газеты и зразцы печные» и проч. Нигдѣ въ дневникѣ не передается впечатлѣній о прочитанномъ, не отмѣчается политическихъ разговоровъ со знакомыми. Изрѣдка только вписываются случаи изъ придворной хроники, о рожденіяхъ и смерти членовъ императорскаго дома, да въ концѣ года, подъ 31 декабря, посвящается нѣсколько общихъ фразъ внѣшнимъ событіямъ, чаще всего войнамъ. Конечно, отсутствіе политическихъ замѣтокъ свидѣтельствуетъ объ извѣстномъ отношеніи автора къ политикѣ и вообще ко всему тому,

что выходило за предѣлы обыденной жизни. Но надо отмѣтить и личное качество автора, иногда проглядывающее въ дневникѣ, умѣнье держать, что называется, языкъ за зубами.

Остаются наконецъ данныя экономическія и бытовыя, составляющія наибольшую часть содержанія дневника и дающія ему цѣну культурно-историческаго памятника. При всей кажущейся сухости дневника, данныя послѣдней категоріи разсѣяны въ немъ на столько обильно, что даютъ возможность читателю довольно отчетливо представить себѣ какъ нравственный обликъ автора, такъ и его житейскую обстановку. Не имѣя претензіи исчерпать всѣ бытовыя указанія этого памятника, попробуемъ извлечь изъ него наиболѣе рельефныя черты и сгруппировать ихъ по возможности въ бѣглый бытовой набросокъ, съ единственною цѣлью дать приблизительное понятіе о научной цѣнности разсматриваемаго дневника.

Обширныя владѣнія Степана Ивановича Лашкевича находились въ стародубскомъ полку, именно въ нынѣшнихъ пяти сѣверныхъ уѣздахъ черниговской губерніи: новгородсѣверскомъ, новозыбковскомъ, стародубовскомъ, мглинскомъ и суражскомъ, въ бассейнахъ правыхъ притоковъ: Десны Судости и Снови и лѣваго притока Сожи, рѣчки Ипути. Послѣдняя въ настоящее время вовсе не судоходная, едва годная къ сплаву лѣса въ половодье[1]), въ прошломъ вѣкѣ еще носила байдаки, по крайней мѣрѣ весною. Лашкевичъ 29 марта 1771 г. отправилъ въ село Ущерпье на байдакѣ 30 бочекъ водки, а 14 апрѣля того-же года отмѣчается въ дневникѣ, что какой-то «Александѐръ у вечеру виехалъ на Ущерпье для отправки на байдацѣ». Если въ теченіе послѣдняго столѣтія край этотъ, надо полагать, вообще значительно измѣнился въ топографическомъ отношеніи, напр. исчезла масса лѣсовъ, обмелѣли нѣсколько рѣки и проч., то система сельскаго хозяйства и продукты послѣдняго остались неизмѣнными. Авторъ дневника нажинаетъ на своихъ земляхъ

[1]) См. „Списки населенныхъ мѣстъ по даннымъ 1859 г., изд. центр. стат. комит. министерства внутр. дѣлъ“, стр. 4.

до 2000 копенъ (по отмѣткѣ 31 іюля 1777 года) жита и только $36^1/_2$ коп. пшеницы, потому что пшеница почти вовсе не родила въ этихъ мѣстахъ, какъ и въ настоящее время. Особенно важная статья въ мѣстномъ хозяйствѣ теперь—производство пеньки. И сто лѣтъ назадъ конопля культивировалась вѣроятно не въ меньшихъ размѣрахъ, если помѣщики, какъ и авторъ дневника, имѣли особые «трепальные дворы» и находились въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Ригою [1]). Родина автора дневника весьма интересна въ этнографическомъ отношеніи. Это историческая Сѣверщина въ тѣсномъ смыслѣ. Населеніе ея помѣщается между тремя русскими племенами: мало, велико и бѣлорусскимъ и представляетъ особый, средній этнографическій типъ съ наклономъ по краямъ къ сосѣднему племени. Жители средней полосы этого края, напр. южныхъ частей новозыбковскаго и стародубскаго уѣздовъ, до сихъ поръ отличаютъ себя отъ всѣхъ трехъ племенъ. Говорится, напр.: поѣхать «на Вкраину», поѣхать «въ Бѣлорусію»; великороссы-же (колонисты-старообрядцы) называются «москалями». Тѣ-же выраженія встрѣчаются и у автора дневника: онъ имѣетъ торговыя сдѣлки съ «москалями» Сухаревыми, ѣздить къ тестю Галагану «на Украину» и посылаетъ по торговымъ дѣламъ «въ Бѣлорусію».

Въ этомъ-то краѣ, на пространствѣ до сотни верстъ между крайними пунктами (напр. село Ущерпье и городъ Погаръ), расположены были помѣстья Лашкевича. Что-бы присмотрѣть за прикащиками въ каждомъ селѣ, надо безпрестанно ѣздить. И дѣйствительно, все время у Лашкевича, вся его будничная жизнь проходитъ въ поѣздкахъ. Нѣтъ надобности приводить выдержки изъ дневника о переѣздахъ автора, потому что на каждой страницѣ ихъ нѣсколько. Переѣзды дѣлаются вольготно, не спѣша, съ поворотами въ стороны къ родственникамъ, знакомымъ, друзьямъ, которые у Лашкевича разсѣяны не только по стародубовскому, но и по другимъ полкамъ. Земскій судья и пред-

---

[1]) Образчикъ коммерческаго письма изъ Риги см. въ „Кіев. Стар.“ 1885 г., апрѣль, стр. 780—781.

водитель, Лашкевичъ водитъ хлѣбъ-соль не только со всѣми извѣстными сѣверско-малороссійскими родами, но и мелкими дворянскими сошками и, какъ гласитъ эпитафія, «страннопріимствомъ (точнѣе гостепріимствомъ) былъ почти что Авраамъ». Съ одной стороны идутъ Безбородки, Борковскіе, Будлянскіе, Велинскіе, Гудовичи, Галаганы, Долинскіе, Дублянскіе, Журавки, Журманы, Завадовскіе, Искрицкіе, Кочубеи, Марковичи, Миклашевскіе, Милорадовичи, Рославцы, Рубцы, Разумовскіе, Сулимы, Скоропадскіе, Туманскіе, Ханенки, Шираи и проч., и проч.; съ другой—протопопы, попы, сотенная и полковая старшина, подсудки, писаря, коморники, офицеры квартирующихъ полковъ и т. д. У всѣхъ ихъ Лашкевичъ то креститъ, то присутствуетъ на сговоринахъ, свадьбахъ, похоронахъ; тщательно замѣчаетъ въ дневникѣ, у кого кто родился, кто были воспріемники и проч. Такъ какъ рѣдкій день проходилъ безъ поѣздокъ, слѣдовательно безъ обѣдовъ и ужиновъ съ попойками у знакомыхъ, а еще рѣже выпадали дни, въ которые Лашкевичъ не бывалъ въ гостяхъ, или у себя ихъ не принималъ, то эти рѣдкіе дни отмѣчаются въ дневникѣ, какъ нѣчто изъ ряду выходящее: «сей день (3 февраля 1776 г.) проводилъ безъ гостей». За то такъ-же часты, какъ поѣздки, выраженія: «сей день попили средственно (20 іюля 1771 г.), «а сей день (21-го) попили полутче», «попили ладно», попили добре», «попили не худо», «и попили», «и погуляли». Что-же пили эти добрые, веселые люди? Вѣроятно, чаще всего наливки и настойки всякія, ганнусковую горѣлку съ курдимономъ, циномономъ, перцемъ, инбиремъ, алоисомъ, сабуромъ и даже херувимскимъ ладономъ [1]). Впрочемъ, когда дѣло идетъ о Миклашевскихъ, или Шираяхъ въ Стародубѣ, то упоминается уже шампанское. Затѣмъ, разумѣется, надо исключить погреба Разумовскаго. Кстати сказать: когда Разумовскій пріѣзжалъ въ мѣстечко Ропскъ, свое имѣніе, то давалъ обѣдъ всему окружному стародубовскому дворянству, а затѣмъ по родственному заѣзжалъ и въ Брахловъ къ Лашкевичу, что послѣднимъ отмѣчается съ особеннымъ удовольствіемъ.

[1]) См. „Марцѣпанны и Ганнусковая горѣлка“ въ „Кіев. Старинѣ“ за 1883 г.

Такъ какъ мы заговорили о поѣздкахъ автора, то прибавимъ къ нимъ и два путешествія его въ Москву и Петербургъ, а также «на Украину», къ тестю Галагану. Разъ Лашкевичъ ѣздилъ въ Москву въ 1775 году и пробылъ въ путешествіи съ 9 августа по 27 октября, въ другой—въ Москву и Петербургъ въ 1779 г., съ 26 января по 18 апрѣля. Поѣздки дѣлались на нанятыхъ лошадяхъ. Отъ Почепа до Москвы 11 дней ѣзды; ѣдетъ Лашкевичъ на 5 лошадяхъ, за которыя отъ Брянска до Калуги заплатилъ по 3 руб. съ лошади [1]). Цѣль поѣздки—во первыхъ, какъ уже было сказано, похлопотать «о россійскомъ чинѣ» для себя и записать въ военную службу сына, во вторыхъ, удовлетворить разныя назрѣвшія домашнія нужды: нужно къ дѣтямъ учителя-француза договорить, нужно покупки сдѣлать. Посѣщая лавки въ Москвѣ, Лашкевичъ не пропускаетъ случая зайти «въ авкціонъ»; однажды напр. онъ купилъ тутъ, по сходнымъ цѣнамъ, «двѣ чаши серебреніе съ двома лотоками серебреними жъ, вѣсу 22 фунта, да нахтишъ деревянній китайскій». Но рядомъ съ «авкціономъ» онъ не разъ заходитъ (въ Петербургѣ) и въ академическую книжную лавку и покупаетъ книги; при одномъ изъ посѣщеній книжной лавки покупка отмѣчена въ дневникѣ въ 35 руб. Въ Москвѣ Лашкевичъ останавливается сперва на постояломъ дворѣ, потомъ у бригадира Степана Ефимовича Карновича; обѣдаетъ иногда «въ погребци». Пріѣхавъ въ 1779 г. въ Петербургъ, Лашкевичъ сначала остановился въ домѣ графа Разумовскаго, потомъ перешелъ на квартиру, нанявъ двѣ комнаты за 7 руб., наконецъ поселился на Мѣщанской и платилъ за квартиру 12 руб., парикмахеру давалъ «за одѣванье» по 5 алтынъ и за карету по 2 рубля ежедневно. Въ Петербургѣ онъ часто бывалъ у Разумовскаго, а у себя «трактовалъ сенатскихъ», такъ какъ подалъ въ сенатъ жалобу на Сулиму. Въ Москвѣ Лашкевичъ отмѣчаетъ въ днев-

[1]) Должно быть мало было поклажи. Осипу Артемовичу Лашкевичу, экзекутору 6-го департамента сената, авторъ иногда посылалъ въ Москву ветчину, масло, сало, колбасы, утокъ соленыхъ, шерсть, конфекты (!), всего до 50 пуд. въ разъ. Несомнѣнно, что много подобныхъ вещей Лашкевичъ возилъ и съ собою.

никѣ: «у вечеру былъ на опери» (4 апрѣля 1779 г.), «у вечеру на комедіи были» (7 апрѣля), «у вечеру былъ въ Бѣшенцова и на качели ѣздилъ».

Другаго рода поѣздки къ тестю въ Сокоринцы. Ѣдетъ вся семья автора, жена и дѣти, на собственныхъ лошадяхъ, въ собственныхъ, покойныхъ экипажахъ; о послѣднихъ такого рода замѣтки въ дневникѣ: «подъ спалнею ось переломилась, а въ каретѣ дроѳи». Поѣздки совершаются обыкновенно осенью, по окончаніи полевыхъ работъ, а потому ѣдутъ не спѣша, заворачиваютъ по дорогѣ въ гости къ знакомымъ и непремѣнно къ зятю Долинскому въ Курень (конотопскаго уѣзда). Къ Галагану, по случаю пріѣзда Лашкевича, собираются изъ ближнихъ селъ знакомые, вечера проводятся «при музыки», а дни иногда на охотѣ «съ ястребами». Отъ тестя возвращается Лашкевичъ съ подарками; Галаганъ даритъ зятю: барановъ, лошадей, масло, сыръ, пшено, „вовну", арбузы, бочки меду и проч. Интересна поѣздка Лашкевича съ женою въ Сокоринцы послѣ смерти тестя, чтобы поживиться чѣмъ нибудь изъ наслѣдства.

Въ то время, какъ мужъ все ѣздитъ, жена съ дѣтьми проживаетъ въ Брахловѣ и только изрѣдка посѣщаетъ ближайшихъ знакомыхъ. Разъ Лашкевичъ отпустилъ жену съ дѣтьми къ отцу въ Сокиринцы. Черезъ 19 дней онъ такъ стосковался, что пишетъ въ дневникѣ (25 февраля 1777 г.): «не можно описать, какая скука одному, безъ жены, для того полагаю никогда на долгое время не оставаться безъ жены». Въ Брахловѣ у Лашкевича домъ съ садомъ, къ которому относится слѣдующая замѣтка подъ 13 апрѣля 1773 г.: «лабиринтъ я засадилъ въ Брахловѣ [1]); около дома цвѣтники. Здѣсь-же помѣщалась библіотека, содержавшаяся, очевидно, въ большомъ порядкѣ, такъ какъ въ бумагахъ Степана Ивановича есть нѣсколько разъ переписанный, по мѣрѣ дополненій (раза два собственною его рукою), алфавитный каталогъ книгъ. Помѣщеніе его дало бы возможность судить объ

---

[1]) 2 сентября 1776 г. отмѣчено: „начали галлерейку подъ водою (!) въ Брахловѣ (р. Сновь) дѣлать".

умственномъ достояніи автора дневника. Дѣти учатся. 25 апрѣля 1773 г. въ дневникѣ отмѣтка: „сегодня уконтрактовался Яковъ Юревичъ Гиллеръ у мене трохъ дочерей учить на клавикордахъ играть и двохъ хлопцовъ на скрипици играть же; а жить ему въ моемъ домѣ на моемъ содержаніи зъ жалованемъ въ годъ сто двадцать рублей и пара платя“. Въ свободное отъ ученья время ѣздятъ лѣтомъ „за ягодами суницями въ поле“, зимою по вечерамъ „молодіожъ танчитъ“. Лѣтомъ, когда отецъ бываетъ въ Брахловѣ, устраиваются семейныя поѣздки „къ криницѣ подъ Ропскъ“, „на Ирпу (хуторъ) обѣдать“ и проч.

Когда-же Степанъ Ивановичъ бываетъ въ семьѣ, въ Брахловѣ, а еще любопытнѣе, когда онъ отправляетъ свои служебныя обязанности? Въ Брахловѣ Лашкевичъ говѣетъ съ семьей. Говѣнье неизмѣнно происходитъ въ первую недѣлю великаго поста, всегда съ понедѣльника до субботы. Въ понедѣльникъ авторъ отмѣчаетъ: «начали до церкви ходить и готовиться къ принятію божественнихъ таинъ», въ субботу: „сей день причастилися божественнихъ таинъ—я, жена и дѣти“. Первые дни праздника Пасхи тоже проводятся въ семьѣ; бываютъ только ближайшіе сосѣди. Затѣмъ всѣ семейныя торжества происходятъ конечно въ Брахловѣ: 26 февраля 1771 г. напримѣръ отмѣтка: «у вечеру родились у мене дочка Ульяна; воспріемною маткою была Елена Онисифовна Яснопольская (двоюродная сестра Лашкевича); крестили на другой день, а 2 марта отецъ пишетъ «письмо въ Прилуку зъ родиннимъ хлѣбомъ, чрезъ атамана Иваницкаго», 3-го посылаетъ «родинный хлѣбъ» и въ Курень къ Григорію Карповичу Долинскому. Вотъ какъ Лашкевичъ выдаетъ замужъ старшую дочь Агафью. Женихъ дочери, Михайло Семеновичъ Кочубей, изъ Глухова—весьма завидная для него партія. Лашкевичъ нерѣдко ѣзжалъ въ Глуховъ и водилъ знакомство со всѣми членами малороссійской коллегіи, но что важнѣе, тамъ былъ его родной братъ по матери, Илья Васильевичъ Журманъ, чрезъ котораго вѣроятно главнымъ образомъ и устроилось сватовство. Дочери Лашкевича было безъ малого 15 лѣтъ, вѣроятно и женихъ былъ очень молодъ; естественно, что сначала сдѣлка должна

была произойти между родителями. Женихъ пріѣзжаетъ къ невѣстѣ съ товарищемъ Рожалинымъ и въ первый же пріѣздъ живетъ у будущаго тестя 3 недѣли; въ это время онъ знакомится съ невѣстой и обручается. 21 апрѣля 1776 г. Лашкевичъ записываетъ въ дневникѣ: «сей день было обрученіе Михайла Семеновича Кочубея съ дочерью моею Агапіею, для чего и компанія была большая, и погуляли». Новообрученная креститъ съ товарищемъ жениха у нѣкоего Шаблинскаго. Послѣ обрученія женихъ остается въ домѣ невѣсты 5 дней и уѣзжаетъ, а свадьба откладывается до 25 сентября. Въ день свадьбы гостей пріѣзжаетъ: «пановъ 76, а слугъ 174, лошадей 270». 25-го «гуляли добре», на другой день „еще умножилося гостей", а третій еще «болшъ пили и гуляли». На четвертый день пріѣхавшіе съ женихомъ отправились въ Глуховъ съ невѣстой, а домашніе остались, «коихъ за ужиною было 23».

Что касается служебныхъ обязанностей Лашкевича, то объ нихъ въ дневникѣ очень мало упоминается. Есть замѣтки о полученіи денегъ съ топальскаго и новгородсѣверскаго коммисарствъ [1]), а про дѣла земскаго погарскаго суда почти никакихъ упоминаній. Хотя и полагалось земскому судьѣ, какъ и подсудку и писарю, быть неотлучно въ повѣтовомъ городѣ три раза въ году—отъ Богоявленія до Пасхи, отъ Тройцына дня до іюля и отъ октября до Рождества Христова [2]), но должно быть Лашкевича очень часто замѣнялъ засѣдатель, подсудокъ Соболевскій, а шляхетство не было въ претензіи на хлѣбосольнаго и общительнаго судью.

За то въ дневникѣ множество замѣтокъ, относящихся къ хозяйственнымъ занятіямъ автора. Мы не коснемся данныхъ дневника о тогдашнихъ цѣнахъ на самые разнородные предметы и на трудъ; ихъ въ дневникѣ такая масса, что въ совокупности они могутъ представить цѣлую хозяйственно-экономическую картину описываемаго района. Мы отмѣтимъ только бытовыя черты изъ области хозяйственно-экономической. Изъ дневниковъ Мар-

---

[1]) См. Шафонскій, Топогр. оп. черниговъ. нам., стр. 100—101.

[2]) Ibidem, стр. 96.

ковича и Ханенка извѣстно, что малороссійскіе державцы, будь они даже весьма важныя въ общественной іерархіи лица, издавна вели торговлю не только продуктами собственнаго хозяйства, но болѣе стяжательные не прочь были заняться и чистой коммерціей, при чемъ нѣкоторые (напр гадяцкіе полковники, братья Милорадовичи) даже злоупотребляли своимъ оффиціальнымъ положеніемъ. Любилъ коммерцію, только безъ злоупотребленій, и Лашкевичъ. Рядомъ съ торговлей пенькой и водкой собственнаго издѣлія, онъ иногда закупаетъ эти предметы у другихъ и перепродаетъ на барышъ. У Лашкевича были для коммерческихъ услугъ не только „москали" изъ сосѣднихъ раскольничьихъ посадовъ, но и лица изъ мелкаго дворянства; изъ послѣднихъ въ дневникѣ упоминаются Алексѣй Уманецъ и Яковъ Багинскій, 24 октября 1772 г. Лашкевичъ даетъ Алексѣю Өедоровичу Уманцу 250 р. на покупку «олѣю», и отмѣчаетъ «а что будетъ барыша—по поламъ со мною»; того же Алексѣя Уманца посылаетъ съ 1000 руб. въ Погаръ за пенькою. Лашкевичъ ссужаетъ по дружбѣ деньгами—по 100, 500 и 1000 р. Полетику, Губчица, Галецкаго, Велинскаго, Миклашевскаго и др. Разъ (21 мая 1772 г.) Михайло Андреевичъ Миклашевскій взялъ у Степана Ивановича, «въ позику» 10 осьмачекъ гречки. Степанъ Ивановичъ тщательный хозяинъ. Подъ 16 ноября 1778 года онъ записываетъ: „зарѣзано въ Брахловѣ гусей сто, вишло пуху 10 фунтовъ; утокъ двѣстѣ—пуху вышло два фунти; и такъ съ десяти гусей 1 фунтъ, съ одной гусѣ 10 золотниковъ пуху виходитъ; съ утокъ со ста фунтъ, съ одной золотникъ, для того користнѣе гусей держать, нежели утокъ: 10 утокъ за одну гусь». 2 авг. 1771 г.: «я цѣлій день былъ подля женцовъ, жито и пшеницу жали». 18 февраля 1776 г.: «сей день у мене въ Брахловѣ на гумнѣ отмолотилися». Но хозяйетвенное усердіе пана тяжело ложилось на мужиковъ. Въ дневникѣ отмѣчаются иногда побѣги и поимки разныхъ дворовыхъ людей.

Прибавимъ къ сказанному, что Лашкевичъ, какъ сѣверянинъ, ходилъ въ баню, а какъ человѣкъ своего времени, часто лѣчился пусканіемъ крови.

Наконецъ надо отмѣтить любовь автора къ духовенству и церкви. Всѣ окружные священники посѣщаютъ Лашкевича; погарскій-же, о. Иванъ Плосконный, былъ его кумомъ и близкимъ другомъ. Разъ въ дневникѣ проскользнула замѣтка, почему этотъ священннкъ былъ уважаемъ въ компаніи Лашкевича, всегда любившей «попить добре». 2 мая 1778 г.: «после обѣда былъ я въ гостяхъ въ Псіола и Томиловскаго, и попили *ладно;* и отецъ Иванъ Плосконній былъ съ нами... цупки!»... Иногда попадается такая замѣтка (4 августа 1778 г.): „обѣдали у мене чернецъ съ Ерусалима и попи“. Лашкевичъ построилъ церковь въ одномъ изъ своихъ имѣній (мы не могли узнать, въ которомъ) и въ ней былъ похороненъ.

Окончимъ этотъ абрисъ жизни автора дневника современной эпитафіей надъ нимъ, сочиненной неизвѣстнымъ лицомъ и хранящейся въ бумагахъ Лашкевичей.

Читатель благосклонный! проводя жизнь свою,
Прочесть случай имѣешь ты надпись здѣсь сію.
Къ сему влечетъ тебе причина не иная,
Какъ толко разумъ зрѣлый, о всемъ познать желая.
Затѣмъ, увидѣвъ, чтешь, что здѣсь слова блестятъ;
Конечно, всѣ они не праздну вещь гласятъ!
Дѣйствително такъ есть, читателю похвалній:
Здесь, въ гробѣ каменномъ, погребенъ мужъ преславній,
Судбой Творца «Стефанъ» по имени названъ;
За трудъ же и заслуги, сколь въ жизнѣ былъ избранъ,—
Скажу тебѣ подробно, какъ было отъ начала,
Чемъ благость Вышняго во всемъ его вѣнчала.
1732 года родился онъ на свѣтъ
Вселенну украшать, какъ всякій селній цвѣтъ.
Но въ возрастъ зрѣлъ пришедшы и въ мужа совершенна,
Узналъ, на что сія сотворена вселенна.
Итакъ ученіемъ просвѣщенъ умъ имѣя,
Нелѣностно служилъ, отечеству радѣя,
За что прослилъ, какъ мужъ преславно именитій,
И въ награжденіе имѣлъ чынъ нарочитій:
Товарищъ бунчуковій, какъ то въ Малой Россіи
Къ отечеству за службу чины были такіи,

1754 года пожалованъ симъ чыномъ.
Но честь его не въ семъ скончалася единомъ,
Еще на вышшій степень не разъ подвышенъ былъ.
1758 года въ супружество вступилъ.
1764 года въ повѣтъ Погарскій избранъ былъ судіею,
Привлекъ любовъ отъ всѣхъ онъ ревностью своею.
Затѣмъ и предводитель того повѣта былъ,
Что къ ползѣ всякаго усердіемъ служилъ.
Въ дѣлахъ неутомимъ, теченіемъ нескоримъ,
За то 1779 года избранъ и подкоморимъ,
Потомъ надворній совѣтникъ 1781 года,
Того жъ года и предсѣдатель верхняго земскаго суда
Въ Новгородъ-Сѣверскій, гдѣ мало ужь онъ былъ,
Затѣмъ, что вскорѣ рокъ жызнь такъ его скратилъ.
1782 года преставился въ чертогъ,
Въ кой самъ принялъ его владыка твари, Богъ.
Не думаешь ли ты, читателю почтенній,
Что здесь писателя всѣ мысли дерзновенны,
Когда почившаго щытаетъ онъ въ чертогѣ
И веселящася въ покои томъ о Богѣ?
Не можетъ быть иначе, когда пророкъ поетъ,
Что таковый причтенъ во оній вѣчній свѣтъ,
Отдаленъ онъ отъ тмы, паритъ посредѣ звѣздъ,
Населникъ бывъ достоинъ всѣхъ горнихъ свѣтлыхъ мѣстъ.
Кой жызнь на ползу ближнихъ проводилъ всю свою,
То тотъ обитель точно наслѣдилъ вдругъ сію.
Притомъ нелестно сердце и правду такъ имѣлъ,
Что бѣдныхъ духъ во всѣмъ печалію вскипѣлъ;
Когда его узнали день преставленія,
Сочли свойго покрова тотъ день лишенія.
Не толко-жъ тѣ одни вездѣ печалны сами,
Но всѣ почти гласятъ неложними устнами,
Что жызнь его хотя и прекратила смерть,
Но добродѣтель такъ сіяетъ вся, какъ твердь,
Которую на время хотя мракъ покрываетъ.
Но цѣлость онія во вѣки пребываетъ.
Страннопріемствомъ былъ—почти что Авраамъ!
Еще тебѣ скажу: воззри на сей лишъ храмъ:
Се трудъ и коштъ его, се ревности есть плодъ!
И онъ, какъ древо здесь, что близь текущыхъ водъ,

Во храмѣ семъ почывъ, лежитъ подъ сей стѣной.
Среди трудовъ своихъ, дая примѣръ собой,
Сколь твердъ въ отеческой и правой вѣрѣ былъ,
Сіе не словомъ онъ, но дѣломъ утвердилъ,
Ни мало ни щадивъ на то трудовъ своихъ,
Въ чемъ вѣрная надежда негиблющыхъ благихъ.
Но какъ судьбѣ такой подвластны человѣкы,
Что всѣ, живъ мало здесь, туда спѣшатъ на вѣкы,
То ты, читателю, сколь можно, умились
И искренну молбу къ Творцу принесть потщись.
Оставивъ суету и страхъ весь отметая,
Къ началу своему съ весельемъ возлетая,
Спѣши во щастіе, готовано тебѣ;
Покоя духъ усопшаго, получишь то себѣ»

Въ этотъ набросокъ мы собрали только немногія изъ *бытовыхъ* чертъ, разсѣянныхъ въ дневникѣ Лашкевича. Но въ немъ встрѣчаются еще, правда въ незначительномъ количествѣ, и замѣтки, имѣющія значеніе для исторіи населенныхъ мѣстъ черниговской губерніи. Таковы отмѣтки о пріобрѣтеніи авторомъ «грунтовъ» въ разныхъ мѣстахъ, указанія мѣста жительства разныхъ владѣльцевъ, замѣтки объ отнятіи у автора с. Ущерпья Завадовскимъ и проч.

Языкъ дневника, подъ покровомъ плохо усвоенныхъ авторомъ тогдашнихъ россійскихъ литературныхъ формъ, представляетъ интересную почву для изслѣдователя областныхъ говоровъ главнѣйшихъ русскихъ нарѣчій.

Сравнивая дневникъ Лашкевича съ «Записками» Якова Марковича и «Діаріушемъ» Ханенка, мы вообще должны сказать, что первый обнимаетъ болѣе узкую сферу общественной жизни, чѣмъ послѣдніе. Лашкевичъ ни по своему образованію, ни по общественному положенію не могъ играть такой видной роли въ жизни родины, какъ Марковичъ или Ханенко, слѣдовательно не зналъ многаго того изъ этой жизни, что знали послѣдніе. Потому-то многія замѣтки Марковича и нѣкоторыя Ханенка имѣютъ политическое значеніе, между тѣмъ какъ все содержаніе дневника Лашкевича заключаетъ въ себѣ единственно культурно-

историческій интересъ. Наконецъ дневникъ Лашкевича относится къ серединѣ *второй* половины XVIII в., а дневники Марковича (1716—67 г.) и Ханенка (1727—53 г.) главнымъ образомъ къ первой. Хотя Лашкевичъ писалъ свою «Записку» уже въ то время, когда не только существовала, но была въ ходу даже періодическая литература, но онъ не пользовался ею для своихъ записей, не дѣлалъ компиляцій, не заимствовалъ даже ходячихъ вѣстей. Ему и въ голову не приходило писать что-либо въ родѣ мемуаровъ, съ литературной обработкой; его дневникъ есть отголосокъ того стараго малороссійскаго обычая, по которому украинскіе грамотные люди, въ силу сосредоточенности и замкнутости національнаго характера, любили отмѣчать пережитое *единственно для себя*, для собственнаго развлеченія и назиданія.

Остается сказать нѣсколько словъ о внѣшности дневника. Всѣ тетради исписаны рукою автора, безъ помарокъ, съ отчеркнутыми небольшими полями по обѣ стороны одной и той-же страницы. Дневникъ очевидно путешествовалъ съ авторомъ въ Москву и Петербургъ, потому что мѣста, гдѣ отмѣчается дорога, болѣе запачканы и исписаны иногда весьма плохими чернилами. Каждый годъ начинается восклицаніемъ: «Господи благослови»! Оно же ставится иногда и передъ сентябремъ, а передъ Пасхою: «Христосъ Воскресъ»! На поляхъ въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ написано поперекъ строкъ: «сирная недѣля», «страстная недѣля», «зеленая недѣля» или «зеленіе свята». Почеркъ автора не имѣетъ уже характера стариннаго письма и какъ на остатокъ онаго можно указать на употребленіе въ собственныхъ именахъ и нѣкоторыхъ нарицательныхъ славянской буквы *кс* и начертанія твердаго и мягкаго знаковъ въ видѣ надстрочнаго значка. Пунктуація дневника самая несложная: изъ знаковъ препинанія авторъ употребляетъ, и то не всегда кстати, одну лишь запятую.

Ѳ. Николайчикъ.

Изъ воспоминаній отшельника К—ской пустыни.

Се удалихся бѣгая, и водворихся въ пустыни. Чаяхъ Бога, спасающаго мя отъ малодушія и отъ бури (Псал. 52, ст. 8 и 9).

Родители мои были крестьяне, и это обрекло меня съ дѣтства на жизнь крестьянскую. А кому не извѣстно, какова была эта жизнь лѣтъ 50 назадъ, притомъ въ томъ краѣ, въ которомъ я родился, въ стенавшей всегда отъ польскаго ига Подоліи. Плугъ да рало, жена да мірскіе хлопоты, трудъ до поту, да панскіе нагаи... Трудно, почти невозможно было тогда кому нибудь изъ крестьянъ выбиться изъ своей горькой доли. Кто хотѣлъ бы освободиться, конечно, чрезъ выкупъ, отъ панской неволи, на того паны смотрѣли какъ на бунтовщика, возмущающаго и другихъ противъ ихъ власти. Да и гдѣ было взять денегъ на выкупъ? Меньше, чѣмъ кто либо, могъ думать объ этомъ и я, а потому, придя въ возрастъ, спокойно принялся за плугъ и за чумачку и безъ ропота несъ назначенный мнѣ отъ Бога крестъ. Богъ однако судилъ о мнѣ иначе и нежданно ни для меня самого, ни для родныхъ и близкихъ моихъ, исторгъ меня изъ яремнаго ига моего и упокоилъ меня отъ всѣхъ тягостей и скорбей житейскихъ во святой обители своей, еще задолго до освобожденія крестьянъ отъ рабства и неволи панской.

Хочу разсказать о томъ, какъ все это совершилось и какимъ испытаніямъ подвергалъ меня Господь прежде, чѣмъ явить на мнѣ вседѣйствующую свою силу; хочу вспомнить при этомъ мое дѣтство и какъ выростали тогда люди одинаковаго со мною состоянія, чему и какъ они научались и какъ, страдая въ пан-

ской неволѣ, не теряли вѣры въ Бога и надежды на лучшую жизнь. И если читатель найдетъ во всемъ этомъ что либо неизвѣстное и любопытное, а быть можетъ и поучительное для себя, то цѣль моя будетъ достигнута.

Родъ мой, какъ я уже сказалъ, былъ простой; отецъ и мать моя были помѣщичьи крестьяне и жили въ с. Поборкѣ, гайсинскаго уѣзда, подольской губерніи, входившемъ въ составъ большаго имѣнія графини Александры Станиславовны Потоцкой. Я помню еще дѣда моего Михайла Барана; высокій и статный былъ старикъ. Зашелъ онъ сюда изъ Брацлавщины и женился здѣсь на дочери уніатскаго священника Ѳедора Малицкаго, Евдокіи. Не знаю почему, помѣщичья контора записала дѣда моего по фамиліи его жены и съ того времени фамилія эта перешла и на насъ. Бабка моя считала себя въ родствѣ съ кіевскимъ митрополитомъ Іероѳеемъ Малицкимъ; но такъ ли было на самомъ дѣлѣ, утверждать не берусь. Была она женщина глубоко набожная и многое видѣла на своемъ долгомъ вѣку. Въ Коліивщину она была еще дѣвушкой, и чего бывало не пораскажетъ намъ о гайдамакахъ, о польской съ ними расправѣ, о набѣгахъ татаръ, о злодѣйствахъ конфедератовъ и т. п. Изъ разсказовъ бабки моей о Коліивщинѣ осталось у меня въ памяти, какъ въ это ужасное время, когда разъяренные гайдамаки вырѣзывали *до ноги* всѣхъ ляховъ и жидовъ, были въ нашемъ милосердномъ народѣ люди, которые укрывали у себя панскихъ и жидовскихъ дѣтей и женщинъ, убѣгавшихъ отъ всеобщей рѣзни, наряжая ихъ въ свою одежду и выводя ихъ съ собою на свои работы. Удивительна однако была и сообразительность гайдамакъ. Узнали они объ этомъ и чтобы не мучить своихъ людей допросами и обысками, придумали вотъ какой способъ «выкрывать» шляхтянокъ и жидовокъ. «Оце, разсказывала бабка, зъидуть було до села и якъ де купа жинокъ або дивокъ, на городи, чи на ричци,— такъ и кинуться до ихъ верхами; то котори свои, закричать: «Охъ мени лыхо», або: «рятуйте, хто въ Бога виру»! А котора закричить: «ой Іезу», або: «ой вей миръ», ту заразъ ратищемъ, або ножемъ такъ и колють.

Родился я 22 октября 1820 г. и при рожденіи получилъ имя Аверкій. Изъ времени моего дѣтства врѣзались особо въ мою память слѣдующія два обстоятельства.

Мать моя въ бесѣдахъ съ родными и сосѣдями то и дѣло повторяла: «я съ своимъ Аверкіемъ въ монастырь ходила», и это значило, что, будучи беременна мною, она ходила на богомолье съ сосѣдній Грановскій монастырь. Много десятковъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, мать моя давно почіетъ въ землѣ, а слова ея и теперь отдаются въ моемъ сердцѣ, и я вѣрю, что скорбный путь ея и былъ тотъ путь, которымъ Господь отъ утробы матерней велъ меня къ иноческой жизни.

Помню другое обстоятельство; оно произвело на меня болѣе сильное впечатлѣніе, но осталось до времени столь же мало понятнымъ, какъ и первое. Играли мы какъ-то въ хатѣ съ маленькой сестрой Наталочкой, а мать, стоя у печи, досматривала, чтобы не пересидѣлъ находившійся въ печи хлѣбъ; вдругъ слышимъ, на дворѣ у насъ залаяли собаки. Я и сестра бросились къ окну, а вслѣдъ за нами и мать. Видимъ, среди двора обороняется отъ собакъ высокій сгорбленный старикъ въ лохмотьяхъ панскаго платья. Это былъ шляхтичъ, служившій когда-то писаремъ или приказчикомъ у поссесора нашего села, Каминскаго. Настоящей его фамиліи я не знаю, а въ селѣ звали его Чугаинкою и звали такъ потому, что онъ носилъ всегда сѣрый *чугай*, въ родѣ плаща или эпанчи. Состоя въ должности и власти, Чугаинка былъ страшно жестокъ по отношенію къ крестьянамъ, немилосердно, чисто звѣрски наказывалъ ихъ, находя какое-то дикое удовольствіе въ томъ, чтобы мучить ихъ и разнообразить самыя эти мученія. Но вотъ Богъ наказалъ его и онъ, лишась мѣста и не собравъ ничего про черный день, долженъ былъ, оставшись въ нашемъ же селѣ, жить подаяніями тѣхъ самыхъ людей, съ которыми передъ тѣмъ онъ такъ гордо и такъ жестоко обходился. Этотъ-то самый Чугаинка шелъ теперь къ намъ просить хлѣба.

— Отъ старый собака, сказала моя мать, увидавъ его; ходыть по пидъ викна, та милостыни просыть, а самъ, якъ бувъ

писаремъ, не хотивъ бути милостивымъ для людей. Колысь и мени досталось видъ его.—Якъ я слабила тобою, продолжала мать, глядя на меня, та не выйшла на панщину, то винъ казавъ на другій день привести мене до двору, положивъ въ корыто и давъ мени десять лозъ.—Та Богъ зъ нимъ! Винъ теперъ бидный, закончила мать и съ этими словами подошла къ печи, вынула оттуда свѣжій хлѣбъ, помазала сверху саломъ и вынесла Чугаинкѣ, успѣвшему уже добраться до дверей.

Возвратясь въ хату, мать перекрестилась, слегка вздохнула и чуть слышно сказала: «нехай ёго Богъ судыть»!

Такъ-то еще въ утробѣ матерней пришлось уже мнѣ претерпѣть отъ панскихъ рукъ, которыя не переставали преслѣдовать меня и потомъ, пока Богъ не судилъ мнѣ успокоиться отъ нихъ въ своемъ святомъ убѣжищѣ!

Родители мои были люди богобоязненные и знали многое изъ того, что требуется для жизни христіанской. Особый случай помогъ имъ въ этомъ. Не задолго до моего рожденія умеръ приходскій священникъ нашего села. Приходъ, какъ это обыкновенно дѣлалось въ то время, былъ зачисленъ за его осиротѣлыми дочерьми, а къ намъ для совершенія требъ назначенъ былъ временно наблюдающимъ священникъ безсемейный, благочестивый старикъ о. Стефанъ. Домà у священниковъ были тогда свои, а не общественные, притомъ тѣсные. О. Стефану крайне не хотѣлось стѣснять осиротѣлой семьи умершаго священника и потому, когда отецъ мой предложилъ къ его услугамъ свое убогое жилище, онъ охотно и даже съ радостію принялъ это предложеніе и поселился у насъ. Прожилъ у насъ о. Стефанъ полтора года и ему-то, его глубоко назидательнымъ бесѣдамъ, чтеніямъ изъ евангелія и разсказамъ изъ житій святыхъ Божіихъ, родители мои, а съ ними и я, обязаны своимъ духовнымъ просвѣтлѣніемъ, нашею вѣрою въ Бога, терпѣніемъ, любовію къ ближнимъ. Мысль о Богѣ, о спасеніи своей души, о жизни загробной никогда, кажется, не покидала моей матери среди непрерывныхъ трудовъ бѣдной крестьянской жизни. Чтобы чѣмъ нибудь явить свое усердіе и готовность служить Господу,

мать моя дала обѣтъ ежегодно ходить на богомолье въ Бершадскій монастырь, находившійся не въ далекомъ отъ нашего села разстояніи; весною, лишь только управится она, бывало, съ самыми спѣшными хозяйственными работами, немедленно отправляется въ свое благочестивое путешествіе. Стараясь вдохнуть и въ меня то же религіозное настроеніе, какимъ была проникнута сама, она всегда брала меня съ собою въ монастырь и даже, когда я былъ еще такъ малъ, что не въ состояніи былъ идти самъ, не тяготилась нести меня во всю почти дорогу на своихъ рукахъ. Не могу безъ особаго умиленія сердечнаго вспоминать о томъ, съ какимъ благоговѣніемъ она вступала въ св. обитель, съ какимъ усердіемъ, усталая отъ дороги, выстаивала продолжительныя монастырскія службы, съ какимъ пламеннымъ чувствомъ шептала молитвы, съ какимъ сокрушеніемъ, слезами и вздохами полагала земные поклоны и простиралась ницъ на землѣ. А меня то и дѣло наставляла: вотъ такъ стой, вотъ такъ смотри, вотъ такъ молись! Ея примѣръ неотразимо дѣйствовалъ на меня, ея слова глубоко западали мнѣ въ душу, и не было у меня иной мысли, другого желанія, какъ только подражать во всемъ матери. По дѣтской впечатлительности, я бралъ иногда черезъ край и тѣмъ причинялъ безспокойство и огорченіе моей доброй матери. Имѣла она напр. обычай каждый разъ, когда я иду въ церковь, давать мнѣ собственнаго приготовленія свѣчку, чтобы я поставилъ предъ иконою. Что же? Я такъ привыкъ къ этому, что потомъ не хочу, бывало, идти въ церковь безъ свѣчки, и если мать не приготовитъ мнѣ свѣчки съ вечера, то я съ полночи уже не дамъ ей покоя, мычу и пищу: «вставайте, сучить мени свичку, бо уже до церкви пора». Былъ другой неизмѣнный обычай у моей матери: во всѣ посты и въ обыкновенное время по средамъ и пятницамъ она постилась до вечерней зари и только, по заходѣ солнца, позволяла себѣ принимать немного пищи. Меня, конечно, она не заставляла выдерживать съ нею такой суровый постъ. Но какъ мнѣ отстать отъ матери! И вотъ я упорно отказываюсь отъ ѣды, и мать не знаетъ, что дѣлать со мною, или же стараюсь не быть у

нея на глазахъ, чтобы она не напоминала мнѣ о пищѣ, либо спрячу данный мнѣ кусокъ хлѣба и скажу, что съѣлъ. Но голодъ не свой братъ, особливо у дитяти: съ полдня уже затошнитъ, позеленѣетъ лице, животъ подведетъ; я стяну животъ ременнымъ пояскомъ и все терплю, лишь бы не отстать отъ матери. Иной разъ она и посердится на меня, но ничего не можетъ сказать противъ своего убѣжденія и обычая.

Много другаго добраго, истинно христіанскаго внушала мнѣ мать моя словомъ и дѣломъ. Чего, чего не наскажетъ было она мнѣ, какихъ правилъ и наставленій не надаетъ, какихъ примѣровъ и случаевъ не приведетъ! А ея пѣсни, глубоко печальныя, и доселѣ щемятъ мнѣ сердце. Какъ теперь вижу ее, сидитъ, бывало, за прялкой, или за какою нибудь другою работою и поетъ пѣсню о прекрасномъ Іосифѣ египетскомъ (это была любимая ея пѣсня), поетъ и плачетъ. Глядя на нее, и я начинаю плакать и спрашиваю у нея:

— Мамо! якій то Іосифъ?

— А такій, отвѣчаетъ мать, що зли браты продали ёго въ Египетъ за те, що винъ бувъ добрымъ.

И мать начинаетъ разсказывать мнѣ объ Іосифѣ прекрасномъ, не забывая прибавить:

— Оттакимъ и ты будь—тихимъ, смирнымъ: никого не зачипай, ходи якъ линъ по дну, а якъ хто тебе зачепыть, полы врижъ та втикай, то може й тебе Господь колысь на люди выведе.

Много и другихъ назидательныхъ пѣсенъ и разсказовъ знала она и многому доброму научала меня при посредствѣ этихъ пѣсенъ и разсказовъ.

Но еще больше этихъ пѣсенъ и разсказовъ зналъ мой отецъ и также часто, какъ и мать, любилъ наставлять ими свою семью. Особенно часто пѣвалъ онъ любимую въ нашемъ народѣ пѣсню о св. великомученицѣ Варварѣ, о томъ, какъ и чѣмъ она навлекла на себя гнѣвъ своего отца Діоскора, какъ и за что онъ подвергалъ ее самымъ жестокимъ наказаніямъ и мученіямъ. Время изгладило изъ моей памяти слова и даже содержаніе этихъ

пѣсенъ, но пѣснь о св. великомученицѣ Варварѣ отецъ пѣлъ такъ часто, что и до сихъ поръ я помню еще начало ея:

Свята́ Варвара на муки ставала,
Що три викни въ бани сбудувала.

Особенное душевное удовольствіе доставляли мнѣ его разсказы о жизни и дѣлахъ св. угодниковъ Божіихъ. Житій святыхъ мой отецъ зналъ очень много, но чаще всего разсказывалъ онъ мнѣ житіе св. чудотворца Николая; этого святого особенно онъ чтилъ и ежегодно въ день его памяти непремѣнно посылаетъ, бывало, чрезъ меня въ церковь «мисочку» и проситъ священника отслужить святителю Николаю молебенъ.

Всего охотнѣе, однакожъ, выслушивалъ я разсказъ своего отца о житіи моего патрона св. Аверкія, чудотворца Іерапольскаго, съ восторгомъ и радостнымъ сердечнымъ трепетомъ внималъ его словамъ, съ умиленіемъ и любовью замѣчалъ всѣ, даже самыя малѣйшія, подробности повѣствованія о томъ, какъ св. Аверкій путешествовалъ въ Римъ для изгнанія бѣса изъ царевны и какъ потомъ заставилъ этого самого бѣса отнести камень въ Іераполь и поставить его подлѣ дверей іерапольскаго храма. Какія-то смутныя, неопредѣленныя представленія возникали въ моемъ воображеніи при этомъ разсказѣ, какое-то пламенное непреодолимое желаніе возгоралось въ моей душѣ, куда-то я рвался, къ чему-то стремился, чего-то искалъ, самъ не въ силахъ будучи дать себѣ отчетъ въ своихъ мысляхъ и желаніяхъ, и надъ всѣмъ этимъ царило во мнѣ одно желаніе также угодить Господу своею жизнію и своими дѣлами; но какъ и чѣмъ достигнуть его, это превышало мое дѣтское разумѣніе и вызывало во мнѣ пламенную молитву къ Богу и св. угоднику Его Аверкію.

Но не одними этими разсказами дѣйствовалъ на меня отецъ, вызывая во мнѣ стремленіе къ какой-то другой жизни; нерѣдко преподавалъ онъ мнѣ наставленія и для будничной моей жизни, отклоняя меня отъ дурныхъ привычекъ. Всего чаще отъучалъ онъ меня отъ употребленія бранныхъ словъ, но дѣлалъ это

кротко, безъ гнѣва. Скажешь, бывало, по привычкѣ: «чортъ его знае»! и отецъ тотъ часъ:

— Не говори такъ, бо такъ грихъ, а говори: «Богъ его святый знае»! И якъ хто тебе зобидыть, николи не кажи: «щобъ тебе чортъ взявъ», а кажи; «Богъ съ тобою»! бо якъ ты чорта сгадуешь, то винъ до тебе приступае ближче, а ангелъ отдаляется отъ тебе.

Тоже и относительно клятвы и божбы, такъ обыкновенныхъ въ быту крестьянскомъ. Изъ этихъ замѣчаній и наставленій и слагались у меня правила жизни и вырабатывались привычки; онѣ-то замѣняли для меня то, что даетъ другимъ воспитаніе и наука.

Впрочемъ и относительно ученія на мою долю выпало рѣдкое въ крестьянскомъ быту счастье. Школа была въ ту пору не рѣдкость въ нашемъ краѣ и едва мнѣ минуло 6 лѣтъ, какъ родители мои отдали меня учиться къ дьячку. Это былъ завѣтъ жившаго у насъ о. Стефана, и ему я обязанъ моимъ скромнымъ начальнымъ обученіемъ.

Въ школу меня отдали столь малымъ, что въ дурную погоду, особливо въ мятель, меня носилъ туда на рукахъ наймитъ. Школа была близъ церкви, но далеко отъ нашего двора. Училъ конечно дьячекъ. Охоты къ ученью у меня совсѣмъ не было, да врядъ ли она у кого нибудь и могла быть. Такое тогда было ученье, что скорѣе на всякую работу не только домашнюю, но и панскую готовъ бы итти, чѣмъ въ школу. Что ни учишь, какъ ни бьешься, бывало, ничего въ толкъ не возьмешь, а затвердишь поневолѣ, повторяя цѣлые дни одно и тоже. Иначе и поступить нельзя впередъ, пока не вытвердишь все заданное. Учили насъ не многому; всего три книжки было: граматка, часловецъ и псалтырь. Но какъ много времени требовалось на нихъ! Иной три-четыре года учится, а я даже пять лѣтъ ходилъ въ школу, пока сталъ безъ запинки читать всю псалтырь и выучился кое какъ писать, и то не на бумагѣ, а на деревянной досточкѣ разведеннымъ въ водѣ мѣломъ. И то сказать надо: начинали мы ходить въ школу только по снѣжному пути, а бросали книжку,

какъ только снѣгъ сходилъ съ полей. Что выучишь за зиму, то за лѣто забудешь и зимою вновь старое твердишь. Иначе впрочемъ и быть не могло, когда всѣ въ семьѣ, и даже подростки, должны были и на *пана* работать, и свои нужды справлять. А паны ненавидѣли школу и школяровъ чаще другихъ гнали на работу. Грамотный человѣкъ считался у нихъ самымъ опаснымъ и просто пропащимъ человѣкомъ; они преслѣдовали его, какъ-то было потомъ и со мною, всѣми способами и старались сдать въ солдаты. Удивляться даже надо, какъ у тогдашняго крестьянина доставало еще охоты посылать, при всѣхъ трудностяхъ и нуждахъ, дитя свое въ школу, когда грамотнаго ждалъ «нагай» отъ пана, а нерѣдко и «красная шапочка». Правда, и училось насъ немного, всего 10—12 душъ, а иногда и меньше десяти. Въ школу могли посылать дѣтей только зажиточные люди, которые имѣли чѣмъ заплатить и не нуждались дома въ помощи дитяти. Сначала я отвиливалъ отъ школы и однажды два дня съ ряду прогулялъ съ чужими дѣтьми. Но дьячекъ далъ знать родителямъ, что уже два дня, какъ я не былъ въ школѣ. Мать только пожурила, но отецъ больно наказалъ меня. Это навело на меня страхъ, но не внушило любви и охоты къ ученію. Охота явилась уже тогда, когда дьячекъ выучилъ насъ подтягивать ему въ пѣніи, научилъ насъ виршамъ, сталъ брать насъ не только на клиросъ, но иногда и на «оказіи», то поручая что либо понести, то заставляя прочитать вмѣсто него *Трисвятое* и *Отче нашъ*, а потомъ и *Помилуй мя Боже* или *Благословлю Господа.* Премудрый это былъ обычай у тогдашнихъ учителей-дьячковъ ставить насъ школяровъ на клиросъ и предоставлять намъ прочесть въ слухъ то, что мы уже твердо, больше на изустъ, чѣмъ по книгѣ, изъучили. Не будь этого, мы скоро забывали бы то, что съ великимъ трудомъ и мученіемъ выучивали въ школѣ, да и совсѣмъ бросали бы школу. Клиросъ былъ для насъ практикою, другою и лучшею школою. Тутъ и охота къ ученію, и соревнованіе съ другими; тутъ мы съ разу видимъ, что ученіе не пропало даромъ, а для родителей и не могло быть большаго удовольствія, какъ слышать дитя свое читающимъ или

поющимъ въ церкви. Правда, это чтеніе въ слухъ всѣхъ, притомъ въ церкви, приводило меня въ страхъ, бросало то въ жаръ, то въ холодъ; но похвалятъ родители, похвалятъ чужіе и—земли не слышишь подъ собою. Не скоро, подъ конецъ ученія, и то не всякому, удавалось получить отъ дьячка дозволеніе или порученіе прочесть *Коль возлюбленна* или *Благослови душе моя Господа*. Вся трудность въ томъ была, что тѣ же псалмы въ школьныхъ книгахъ были напечатаны меньшими буквами, чѣмъ въ книгахъ церковныхъ, и слова и строки ихъ приходились не на тѣхъ мѣстахъ, что тамъ; кромѣ того по окончаніи ихъ въ церкви слѣдовали еще тропари и кондаки, которые положены не подъ рядъ и которыхъ мы и найти не умѣли. До всего этого доходили мы постепенно, многіе уже по окончаніи ученія, а иные и совсѣми не доходили. Кто могъ прочитать въ церкви *вечерню* и *часы*, тотъ считался выучившимся совершенно. Но высшею честію и вѣнцемъ ученія признавалось, если кто могъ громко, внятно, безъ ошибокъ и запинки прочесть по срединѣ церкви *Апостола*. Дозволеніе читать *Апостола* давалось отъ дьячка, какъ особая награда, тому изъ школяровъ, кто заявилъ себя не только усерднымъ ученіемъ и посѣщеніемъ церкви, но и твердымъ чтеніемъ молитвъ и псалмовъ. Не было предѣла моей радости, когда я наконецъ дождался этого дозволенія, о которомъ мечталъ все время ученія. Только послѣ этого и родители мои признали, и самъ я увѣрился, что учился не даромъ. Дома послѣ этого въ шутку стали звать меня дякомъ. Но что особенно важно было для меня, это то, что я привыкъ ходить неупустительно и даже охотно въ церковь къ вечерни, утрени и обѣдни каждый воскресный и праздничный день. Церковь была для меня новою и самою важною школою: какъ ни мало понималъ я тогда, какъ ни смутны были объясненія дьячка, къ которому я то и дѣло обращался съ вопросами, но все же я не могъ не замѣчать, что знаю больше другихъ, особливо моихъ ровесниковъ, могу сказать напр., когда начало службы въ церкви, средина или конецъ, когда какой праздникъ бываетъ, когда начинается какой постъ, могу объяснить, по какому случаю праздникъ или

постъ, могу иногда и евангеліе пересказать. Въ послѣднемъ много помогалъ мнѣ мой отецъ, который, не смотря на то, что былъ неграмотный, внимательно слѣдилъ за тѣмъ, что читается и поется въ церкви и многое зналъ наизусть. Пріучилъ его къ этому долго жившій у насъ о. Стефанъ, и онъ сталъ и отъ меня требовать того-же. Памятенъ мнѣ случай, когда отецъ въ первый разъ обратился ко мнѣ съ распросами о томъ, что читалось въ церкви. Была недѣля Закхея. Послѣ обѣдни пришли мы домой и, перекрестившись, сѣли обѣдать. За обѣдомъ отецъ говоритъ:

— А скажи-но мени, яке сегодня евангеліе читалось?

Я смутился и не зналъ, что отвѣчать.

— Ото такій нашъ красный дякъ! не знае, яке евангеліе читалось! сказалъ отецъ и, пристыдивши меня за мою расѣянность, началъ по своему разсказывать, что читалось въ тотъ день изъ евангелія.

— Се, бачъ, читавъ намъ сегодни батюшка, яка-то причта була зъ еднымъ багатыремъ та дуже гришнымъ чоловикомъ, тоди, якъ Христосъ ходивъ по земли. Було то въ жидивскій земли. Бувъ тамъ, може и теперь е, городъ Іерихонъ, а въ ёму людей сила. Були тамъ всяки началники, були и таки, що подати сбирають, якъ отъ у насъ сипаки подушне правлять, а найстаршій надъ ними, якъ бы то у насъ асаула, бувъ чоловикъ, на имя Закхей. Не милостивый, та ще й несправедливый то бувъ чоловикъ: не вважавъ на бидного, на вдову, на сироту, дравъ зъ усихъ, скильки треба й не треба, та й чи мало соби добра придбавъ. Отъ одного часу приходить Господь до Іерихону. Люди вси такъ и пишли за нимъ, щобъ послухать ёго, або хоть поглянути на его. Побигъ и той Закхей, дарма що багатырь та нечестивець бувъ. Тильки едно, що сила людей ишла, а друге, що самъ малый на зристъ бувъ, не мигъ ниде угледити Христа. Отъ забигъ винъ впередъ людей и вылизъ на дерево, на смоковныцю, та такъ пильненько дивитьця на Господа. А Господь до ёго: излизь, рече, Закхее, днесь бо подобае мени у тебе въ господи бути. Закхей поспихомъ злизъ зъ дерева, и ввивъ, и витавъ у

себе Христа. Спознавъ винъ, що то есть Сынъ Божій, спознавъ свои тяжкіи грихи, впавъ до нигъ его и каже: Господи, каже, отже половину добрэ мого биднымъ отдамъ и що въ кого взявъ, вчетверо одверну. А люди ремствували на Христа: до грішныка, кажуть, въ господу зайшовъ,—бо такихъ збирщикивъ и тоди ненавидили, якъ отъ у насъ асауливъ ти сипакъ. А Христосъ видыть, якъ-то каитьця той гришникъ, тай каже ёму, що отъ сего дня спасеніе ёму, на те я й прыйшовъ, же бы гришникивъ спасти.

Въ такомъ же родѣ разсказываетъ, бывало, мнѣ отецъ о мытарѣ и фарисеѣ, о блудномъ сынѣ, о страшномъ судѣ, присовокупляя къ этому благочестивыя наставленія. Этимъ онъ заставилъ меня быть внимательнымъ къ тому, что читается въ церкви. Не выучившись самъ грамотѣ, онъ, какъ я уже упоминалъ объ этомъ, изустно научился многимъ евангельскимъ разсказамъ отъ о. Стефана.

Сказавши такъ много уже о моемъ ученіи, я ничего почти не сказалъ о моихъ учителяхъ. Ихъ было два, оба дьячки нашего же села. Первый Осипъ Грималло: того я мало и помню. Высокій, сухой старикъ, очень строгій человѣкъ: билъ насъ «дисциплиною», ставилъ колѣньми на горохъ и гречку; ходилъ стриженый въ какой-то козачкѣ и поверху опанча. Былъ онъ, кажется, изъ уніатовъ, зналъ много кантовъ и набожныхъ пѣсенъ, училъ насъ виршамъ и въ Рождество и Пасху водилъ насъ по хатамъ съ поздравленіемъ. Когда онъ умеръ въ 1827 г., на его мѣсто опредѣленъ Ефимъ Сендерко, одинъ изъ сыновей его предмѣстника, зашедшій къ намъ изъ херсонской губерніи. Отецъ его умеръ въ нашемъ же селѣ задолго до моего рожденія, а мать (звали ее Ефросинія) осталась въ крайней бѣдности съ нимъ и груднымъ еще братомъ Иванкомъ. Но вотъ какъ Богъ промышляетъ о сиротахъ. Несетъ однажды въ сумерки эта бѣдная вдова воду изъ керницы, а на встрѣчу ей ѣдетъ бричкою панъ. Остановился и проситъ воды напиться. Дьячиха подставила переднее ведро. Панъ напился, поблагодарилъ, а потомъ спрашиваетъ:

— А не знаешь, молодичко, дебъ тутъ у васъ переночувать? Ничъ заходить, кони потомились.

— А коли ваша ласка, отвѣчаетъ Ефросинія, заиздить до моеи господы. Повозку можно заточить въ клуню, тамъ и кони на току станутъ, а вашу милость до хаты просимо.

Панъ заѣхалъ во дворъ и расположился на ночлегъ. Молодая, пригожая дьячиха съ разу приглянулась ему и послѣ первыхъ распросовъ онъ предложилъ ей ѣхать съ нимъ и выйти за него за мужъ.

— Теперь, говорилъ онъ, я ѣду въ мѣстечко Киблячь закупить тамъ плуги, рала, возы, колеса, вила, грабли, и пр., а оттуда заѣду за тобою и поѣдемъ вмѣстѣ. Будь готова!

Ефросинія согласилась и, не сказавъ никому ни слова, чрезъ нѣсколько дней ночью уѣхала изъ села съ возвращавшимся женихомъ, взявъ съ собою дѣтей и кое-какіе пожитки. «Пропала дячиха», говорили долго въ селѣ, а потомъ и забыли объ ней.

Прошло много лѣтъ. Отецъ мой, доставлявшій чью-то пшеницу въ Одессу, на обратномъ пути подрядился съ другими чумаками доставить откуда-то камень въ село Ганское, херсонской губерніи, ананьевскаго уѣзда, гдѣ строилась тогда большая каменная церковь. Привезли камень, свалили и пошли къ управляющему за расплатою. Тутъ на встрѣчу имъ жена управляющаго и съ радостнымъ крикомъ бросается къ отцу моему. Это и была наша дячиха Ефросинія. Разговорились. Пошло угощеніе; накормили, напоили и подводчиковъ и воловъ; просили и въ другой разъ по пути заѣзжать. Въ слѣдующее лѣто отецъ, идучи въ Одессу съ пшеницей мимо Ганского, зашелъ провѣдать Ефросинію; но нашелъ ее уже въ крестьянской хатѣ, въ горѣ и слезахъ. Оказалось, что и второй мужъ ее умеръ, а какъ онъ былъ изъ крѣпостныхъ, то помѣщикъ засчиталъ и Ефросинію и ея сыновей, теперь уже почти взрослыхъ, въ число своихъ крестьянъ. Взмолилась Ефросинія къ отцу, чтобы не допустилъ ее пропасть на чужбинѣ, а отецъ сказалъ ей:

— Перебидуй до весны. На зиму попродай худобу, скажи, що ничимъ годувать; позбувай и все, що маешь въ хазяйстви,

такъ щобъ нихто не догадувався, а на лито я буду зъ Адесу йти, то зайду за тобою противъ ночи, та й заберу тебе до Поборокъ, якъ колись ты звидтиль помандрувала зъ твоимъ небожчикомъ. А прибудемо до себе, то тамъ побалакаемо зъ громадою, та зробимо твого старшого сына дякомъ, а молодшого паламаремъ; то й будешь ты при ихъ вику доживать.

Ефросинія съ радостью согласилась, въ точности исполнила совѣтъ отца и на слѣдующее лѣто была уже у насъ въ Поборокахъ. Къ тому времени умеръ старый нашъ Гримайло, пономаря жъ и давно у насъ не было; потому громада охотно приняла старшаго Сендерка, Ефима, дьячкомъ, а молодаго Ивана пономаремъ. Такъ-то Сендерки стали моими учителями. Чрезъ нѣсколько лѣтъ оба они вышли во священники, старшій въ село [illegible]кну, а младшій въ село Малую Кропивну.

Ефимъ Сендерко былъ доброй души и веселаго нрава; любилъ съ нами школярами поиграться и попѣть не только набожныя, но и мірскія пѣсни. Онъ-то и пріохотилъ насъ ходить на клиросъ. Молодой, здоровый и сильный, онъ умѣлъ при случаѣ постоять за себя и за другихъ.

Тогда великое навожденіе было народу не только отъ пановъ, но и отъ жидовъ. На водку былъ вездѣ откупъ, а откупщики и ихъ прислужники вездѣ были жиды. По селамъ въ корчмахъ такую скверную водку продавали, что пить было не возможно; разбавляли ее на половину водою, заправляли табакомъ, а брали вдвое дороже, чѣмъ за самую лучшую водку. Не возможно было человѣку справить крестины или свадьбу, доставши водки на сторонѣ. Сей часъ пронюхаютъ жидки и явятся во время угощенія, и когда отыщутъ чужую водку, совсѣмъ ограбятъ человѣка. На проводахъ, на храму, на обѣдахъ общественныхъ, и тутъ было явятся жидовскіе сыщики. Принялись наконецъ и за духовныхъ. Вотъ какъ-то на 4-й или 5-й день Пасхи пришли мы въ школу и сидимъ, ожидая своего учителя-дьяка, котораго сосѣди попросили въ гости. Приходитъ въ школу приказчикъ нашего арендаря Маіорки, Хаимъ, съ сотскими и понятыми и спрашиваетъ насъ, гдѣ дьякъ. Мы отвѣчаемъ:

не знаемъ.—Ну, а въ ёго чужа горилка? спрашиваетъ опять Хаимъ и, не дождавшись отвѣта, лѣзетъ къ сундуку, стучитъ сверху и по бокамъ, нюхаетъ крышку сундука. Но какъ хозяина не было дома, то Хаимъ и не рѣшился больше ничего сдѣлать и съ тѣмъ ушелъ. Мы тотъ часъ къ дяку и разсказали, какъ приходилъ Хаимъ «трусить горилки».

— Добре, хлопци, бижить же до корчмы та скажить жидамъ, що дякъ уже дома, говорить намъ Сендерко, а самъ, распрощавшись съ сосѣдями, пошелъ домой.

Приходимъ мы отъ корчмы и видимъ, стоитъ нашъ учитель среди школы, рукава засучены, самъ веселый, довольный, а у стола «добрый кіекъ».

Погуляйте тамъ соби на двори, говоритъ намъ, а самъ принялся прибирать что-то въ школѣ. Мы вышли на дворъ. Скоро появился Хаимъ съ сельскою полиціею. Дьякъ встрѣтилъ его въ сѣняхъ и, лишь только тотъ переступилъ порогъ, тотъ часъ захлопнулъ за нимъ дверь на засовку и давай «латать» его дубинкою на всѣ бока. Хаимъ не своимъ голосомъ кричалъ: «гвултъ! ратуйте!» Но никто не спѣшилъ оборонять его: сотскіе и понятые—свои люди только для виду потолкались въ дверь и равнодушно слушали тяжелые удары дьяка и отчаянные крики жида. Сбѣжались люди изъ села, прибѣжала жидова отъ корчмы. Люди потѣшались, жиды голосили: «ой вей миръ! гвултъ!» а дьякъ, втащивъ Хаима въ школу и поваливъ на полъ, билъ его руками и ногами. Вдругъ сѣни растворились и оттуда полетѣлъ, перекувыркнувшись раза три, Хаимъ. Всѣ расхохотались, а разсвирѣпѣвшій дякъ крикнулъ намъ: «быйте жидивъ, женить ихъ до корчмы»! И мы бросились на оторопѣлыхъ жидовъ и погнали ихъ передъ собою, какъ стадо барановъ, сбивая съ нихъ ермолки и патынки, обрывая лапсердаки и бросая въ нихъ, чѣмъ попало.

Прогнавъ жидовъ до корчмы, мы возвращались съ торжествующимъ видомъ къ нашему учителю. Онъ высоко стоялъ въ нашемъ и всѣхъ людей мнѣніи. При насъ пришелъ батюшка и говоритъ, смѣясь, дьячку:

— А це ты, Юхиме, на Амалыка ходивъ?

— А ходивъ, батюшечка, отвѣчаетъ Ефимъ.

— И ребра ему сокрушивъ?

— А сокрушивъ, батюшечка. Богъ мени допомигъ, якъ Давидови на Голіаѳа.

— Гляди, Юхиме, щобъ тоби чого не було, закончилъ батюшка и съ тѣмъ пошелъ.

Ефимъ съѣздилъ къ благочинному и возвратился оттуда веселый.

— А що благочинный? спрашиваютъ его.

— А що жъ? отвѣчаетъ Ефимъ. Питавъ, чи хорошенько побивъ.—Здаетьця, кажу, рукъ не жаливъ.—То-то, говоритъ, надо бы еще лучше, а самъ сміетьця.

Тѣмъ и кончилась вся эта исторія. Скажу больше: жидки присмирѣли и не смѣли уже являться для обысковъ, по крайней мѣрѣ во время общественныхъ обѣдовъ въ поминальные дни и въ храмовый праздникъ. Самъ спѣсивый Маіорко приходилъ къ дяку Ефиму просить прощенія за своего повѣреннаго и принесъ въ подарокъ два гарнца водки, которые дякъ передалъ бывшимъ при той оказіи людямъ. Миръ былъ заключенъ; но жиды продолжали поить народъ одурманенною водкою и сосать съ него кровь. Кто захотѣлъ бы строго судить дяка Ефима за его жестокую расправу съ жидами, тому слѣдовало бы знать, какъ нахальны и безчеловѣчны были жиды съ тѣмъ, у кого находили хоть рюмку не ихней откупной водки. Расправа Ефима, конечно, дикая; но онъ поступалъ только по жидовскому закону: око за око и зубъ за зубъ, а жиды, кромѣ того, что били, еще грабили и обманывали.

Съ дѣтства не зналъ я праздности и съ самыхъ раннихъ лѣтъ, по мѣрѣ возраста и силы, исполнялъ всѣ хозяйственныя работы, домашнія и полевыя. Сперва я пасъ гусенятъ, поросятъ и ягнятъ, потомъ отецъ сталъ брать меня въ помощь себѣ до плуга, или до рала, посылать въ поле съ волами на пастьбу и употреблять на всякую не трудную работу, а лѣтъ съ 13-ти посылалъ меня и на панщину. Работа для своего хозяйства,

дома или въ полѣ, никогда не тяготила меня; напротивъ, переночевать напр. съ волами гдѣ нибудь въ балкѣ, или подъ лѣсомъ, въ звѣздную либо лунную ночь и пригонять по утренней росѣ домой воловъ съ восходомъ солнца составляло для меня величайшее наслажденіе. Иное дѣло работа на панщинѣ, весь день безъ отдыха, когда солнце прожигаетъ тебя насквозь, а надъ шеей у тебя торчитъ экономъ или писарь, асаулъ или сипака, то и дѣло понукая къ работѣ бранью, палкою или кнутомъ. Однажды пришлось мнѣ возить панское жито съ поля и подавать снопы на скирду. Скирда высокая, снопы тяжелые: поднимаешь снопъ, руки и ноги дрожатъ, въ глазахъ потемнѣетъ. Снопъ за снопомъ, жара нестерпимая, выбился я изъ силъ. Размахнулся еще однимъ снопомъ, чтобъ выбросить его вверхъ на скирду, вилы повернулись въ рукахъ, снопъ съѣхалъ на рогъ, расчахнулъ вилы и грохнулся на землю такъ, что зерно посыпалось вокругъ. Вдругъ какъ потянетъ меня писарь «пугою» сзади черезъ плечо и самымъ концемъ по мокрой отъ поту груди, —я такъ и шарахнулся съ воза. Подняли меня, едва водою отлили. Идти я уже не могъ и меня отвезли домой. Вся грудь мнѣ распухла, со мною сдѣлалась горячка и я пролежалъ около двухъ недѣль. Мнѣ было тогда лѣтъ 15-ть, и это было первое крещеніе панскимъ нагаемъ.

Къ счастію, отецъ мой былъ зажиточный человѣкъ, держалъ наймита, который большею частію выручалъ меня и его въ отбываніи панщины, пока я не выросъ и не сталъ самъ хозяиномъ.

Имѣя чѣмъ выручиться дома, отецъ мой въ лѣтнее и осеннее время предавался любимому своему занятію—*чумачкѣ*, доставляя на собственныхъ волахъ въ Одессу большею частію чужую, а иногда и свою пшеницу, а на обратномъ пути подряжаясь перевозить другія тяжести въ ближайшіе къ главной дорогѣ пункты, или привозя за собственныя деньги соль или рыбу для продажи по ярмаркамъ. Еще 7-ми лѣтъ отецъ въ первый разъ взялъ меня съ собою въ такую далекую дорогу, а когда я подросъ, посылалъ меня съ другими и такъ пріохотилъ меня къ

этому дѣлу, что я 25 разъ сходилъ въ Одессу съ пшеницей, а однажды доставлялъ въ Николаевъ дубы для кораблей. Ничего пріятнѣе и представить я себѣ не могу, какъ это путешествіе въ теченіи пяти, шести, иногда и больше недѣль, особливо въ лѣтнюю пору.

Ѣздили чумаки валкою, возовъ 50—60, иногда и больше. Херсонская губернія, по которой пролегала большая часть нашего пути, была тогда еще очень мало заселена. Цѣлые дни бывало идемъ и не встрѣтимъ души живой; въ рѣдкій день встрѣтимъ на пути какой либо хуторъ или село въ сторонѣ отъ дороги. Выступали мы послѣ ночлега съ утренней зарей Взойдетъ солнце и освѣтитъ намъ путь. Кругомъ все степь: куда ни глянешь, конца ей не видно; широкая, ровная, чуть-чуть подымается мѣстами; вездѣ густыя, высокія травы, а въ нихъ безъ числа всякихъ цвѣтовъ; солнце блеститъ на нихъ такъ, что глаза слѣпитъ. Одно слово: море при восходѣ солнца. А вдоль этого зеленаго безбрежнаго моря черной лентой чуть замѣтно вьется ровная, твердая дорога. Валка растянется чуть не на полверсты. Волы идутъ «вольною ступою», покачивая круторогими головами. Прочные, свѣже подмазанные возы широкими ободьями чуть замѣтно катятся по широкой дорогѣ. Ни скрипу, ни стуку. Широко шагаетъ передній чумакъ, помахивая безъ нужды батогомъ, *вартовники*, сторожившіе всю ночь воловъ, храпятъ, растянувшись на возахъ; молчаливо, задумчиво идутъ старики, каждый около своихъ воловъ, молодые весело поглядываютъ вверхъ и по сторонамъ, иной пѣсню затянетъ, другой достаетъ длиннымъ батогомъ перебѣгающаго черезъ дорогу овражка, тотъ окликаетъ своихъ круторогихъ. Копошится и жужжитъ въ травѣ насѣкомая тварь, весело порхаютъ и поютъ птички надъ головой. Всякое дыханіе хвалитъ Господа по своему. Въ воздухѣ благодать, въ душѣ истинный рай. Невольно припоминаешь слова псалтири: *Изыдетъ человѣкъ на дѣло и на дѣланіе свое до вечера. Господи, вся премудростію Твоею сотворилъ еси!*

Подобьется солнце къ полудню, попристанутъ волы; пора кашу варить. Спустимся гдѣ либо въ балку, готовая паша и

водопой; тогда еще рѣдко гдѣ платили за это. Достаемъ щепки изъ воза, запасецъ дровъ или кизяку, разставляемъ триногъ, нацѣпляемъ котелокъ. Тутъ, какъ въ семьѣ, всякій знаетъ свою работу. Часъ-другой и каша готова. Кто не ѣдалъ каши въ степи послѣ нѣсколькихъ часовъ утренней ходьбы, тотъ не испыталъ настоящаго аппетита и чувства удовольствія отъ пищи.

Въ жаркіе дни привалъ длится часа четыре и мы отдыхаемъ въ тѣни возовъ; въ дни пасмурные и прохладные снимаемся раннѣе, дѣлаемъ еще одинъ короткій привалъ, а съ заходомъ солнца останавливаемся на ночлегъ, гдѣ поближе кормъ и водопой. Вечеромъ большею частію варили галушки. За «вечерей» шли веселые разсказы, раздавались шутки, прибаутки. Иногда кто нибудь наигрывалъ на «сопилку», молодежь пускалась въ плясъ, пѣла пѣсни, особливо, если удавалось гдѣ либо запастись и подкрѣпиться водкой. Но случалось это больше на обратномъ пути, когда чумаки получали деньги за провозъ.

Такъ тянулись дни и недѣли. Дневные привалы смѣнялись ночлегами, какъ каша галушками и галушки кашей. Казалось, конца нѣтъ степи и дорогѣ; а все таки придемъ наконецъ въ Одессу и домой возвращаемся.

Въ дорогѣ, въ компаніи чумаковъ, соблюдался самый строгій порядокъ. Въ самомъ началѣ пути сошедшіеся изъ разныхъ селъ чумаки избирали себѣ атамана, который и распоряжался всѣмъ въ дорогѣ, по чумацкому обычаю, съ общаго совѣта и согласія въ случаяхъ неожиданныхъ и болѣе важныхъ. По его командѣ снимались съ привала и останавливались на новый. Онъ велъ всѣ дорожные расходы и счеты, назначалъ по очереди «вартовниковъ», мирилъ ссорющихся, удерживалъ отъ буйства и дракъ, а тѣмъ болѣе отъ обидъ кому либо изъ встрѣчающихся въ дорогѣ и на ночлегахъ, журилъ неисправныхъ и сонливыхъ, во всѣхъ дорожныхъ приключеніяхъ, а особливо при сдачѣ груза и разсчетѣ говорилъ и дѣйствовалъ отъ имени всѣхъ. Мнѣ не было еще 18 лѣтъ, какъ меня выбрали однажды атаманомъ, и этимъ я обязанъ главнымъ образомъ тому, что умѣлъ читать и писать. «Вартовники» назначались не только для воловъ,

но и для возовъ. Все пропавшее по ихъ прямой винѣ взыскивалось съ нихъ; въ чемъ вина ихъ не могла быть доказана, то вознаграждалось на общій счетъ. Всякое несчастье съ кѣмъ либо изъ чумаковъ, а особливо болѣзнь, считалось общимъ всей валки горемъ и всѣ старались помочь впавшему въ бѣду; за то обидѣвшихъ кого либо, а особливо уличенныхъ въ кражѣ, били нещадно батогами, по общему приговору.

Въ воскресенье, въ праздникъ чумакъ ни за что не тронется въ дорогу, но даетъ въ эти дни покой себѣ и скотинѣ. По дорогѣ попадались церкви—наши, румынскія и болгарскія. Оставимъ было вартовниковъ при волахъ и возахъ, а сами идемъ въ церковь. Я, какъ умѣлъ читать и пѣть, еще малымъ будучи, становился на клиросъ и пѣлъ даже въ румынскихъ церквахъ, хотя одно только «*Домине милоэшти*». Народъ вездѣ почти былъ зажиточный и гостепріимный: завидятъ чумаковъ и разбираютъ изъ церкви по хатамъ на обѣдъ. Мнѣ, какъ помогавшему на клиросѣ, доставалась найбольшая честь и угощеніе; скорѣе всего запроситъ къ себѣ дьячекъ, а иногда и священникъ; напоятъ, накормятъ, еще и на дорогу чего нибудь съѣстнаго дадутъ. Такъ-то угостили меня съ отцемъ въ Ганскомъ, гдѣ я пѣлъ съ сыновьями управляющаго Сендерка, не зная, что придется быть у нихъ школяромъ. А то разъ выпало мнѣ заступить какъ бы священника и дьячка вмѣстѣ. Приходимъ мы въ слободку Кошкову, имѣніе Потоцкаго. Вдругъ на встрѣчу намъ люди.

— Чи не ма у васъ, спрашиваютъ, письменного. У насъ померъ багатый старый чоловикъ, а никому псалтырь почитать.

— Есть, отвѣчаемъ мы. Щобъ то мы за чумаки, щобъ межъ нами письменного не було.

— То становитьця, будьте ласкави, до насъ на ночлигъ; все одно вечиръ заходыть. Выпрягайте волы, нехай пасуться зъ нашими, а вы йдить до насъ уси на вечерю, а той нехай псалтырь чита.

Мы охотно согласились, ибо не только день кончался, но небо заволокло тучами. Два дня шелъ дождь; два дня читалъ я псалтырь. Звали насъ обѣдать и вечерять; волы поправились

и мы подкрѣпились и отъ непогоды укрылись. На третій день пришлось хоронить. Мнѣ подали святую воду и кропило изъ васильковъ; я окропилъ гробъ и покойника. Тѣло вложили въ гробъ и понесли до могилы, а я всю дорогу пѣлъ: *Святый Боже*. Надъ могилой сговорили всѣ: *Отче нашъ*, а я сказалъ и пропѣлъ *вѣчную память*. Такъ похоронили безъ священника, котораго и за 100 верстъ нельзя было достать. Такъ и чумаковъ хоронили, а случалось, что чумакъ чумаку въ степи передъ смертью исповѣдывался, а тотъ, придя домой, передавалъ исповѣдь священнику. Нужда законъ измѣняетъ. Такъ и съ нами теперь было. Похоронили, а потомъ зазвали насъ на обѣдъ, угощали щиро, еще и сѣна на возы наклали намъ много.

Но не всегда чумаковъ ждали одни пріятности въ дорогѣ и не всякому чумаку бывала удача въ его дѣлахъ. Кому неизвѣстна пѣсня:

Ой ходивъ чумакъ симъ рикъ по Дону,
Та не було пригодоньки николи ёму.

Или кто не слышалъ другой:

А вже чумакъ та й дочумаковався,
Нема свиты, кожухъ обидрався.

Нельзя по одному лѣтнему походу судить о пріятности другаго такого же похода; нельзя по одному удачному обороту заключать о доходности вообще чумацкаго дѣла. Случаются съ чумаками всякія несчастья въ дорогѣ; случаются съ ними крупныя неудачи, разрушающія иногда всю ихъ жизнь. «Нихто такъ усердно, говорили у насъ, Богу не молится, якъ матросъ на морѣ, а чумакъ въ дорози». Самый тяжкій бичъ для чумака —это знойное лѣто. Выгоритъ трава, засуха страшная, умалится и водопой, негдѣ накормить и напоить скотинку. Стоитъ жара невыносимая, по дорогѣ пыль столбомъ; волы задыхаются и млѣютъ, отъ поту изъ сѣрыхъ становятся черными; не рѣдко останавливаются, тяжко поводятъ боками, слезы каплютъ изъ глазъ. Въ нѣсколько дней скотина теряетъ тѣло и силу; не можетъ ѣсть, не хочетъ пить. Лежатъ волы, лежимъ и

мы, какъ мертвецы, у возовъ. А коли издохъ волъ у чумака, пропалъ весь его лѣтній заработокъ. Въ иное лѣто вмѣсто засухи льетъ дождь по цѣлымъ недѣлямъ. Новая бѣда для чумака: раскиснетъ дорога, позамокаютъ возы, попрѣютъ шеи у воловъ, стоимъ по цѣлымъ днямъ, время и деньги теряемъ; а каково намъ цѣлыя недѣли на дождѣ и холодѣ пробыть, о томъ не говорю. Чумаковъ въ собственною кладью, съ пшеницей въ Одессу и съ солью изъ Крыму, немного; большею частью это извощики. Подрядятся съ зимы или ранней весны въ извозъ и деньги впередъ заберутъ; а при неудавшейся дорогѣ приходится послѣднее продавать, чтобъ выполнить подрядъ и пополнить убытки.

Бывали и другія приключенія въ дорогѣ. Въ херсонскихъ степяхъ жило тогда хуторами не мало волоховъ, оставшихся отъ перваго заселенія тѣхъ мѣстъ; теперь ихъ и слѣда уже нѣтъ. Немилосердые то люди были и промышляли надъ нашимъ братомъ чумакомъ за потраву будто ихъ посѣвовъ и сѣнокосовъ. Вотъ какой случай былъ съ нами.

Проѣхали мы село Жеребково, ананьевскаго уѣзда, вышли въ степь, выбрали догодное мѣсто и такъ въ обѣдъ остановились попасать. Повыпрягали воловъ; волы пасутся, а мы кашу варимъ. Откуда ни возьмись волохъ на лошади верхомъ. Подъѣхалъ къ воламъ, отбилъ изъ гурта одного вола и погналъ передъ собою. Мы повылазили на возы и смотримъ, куда онъ погонитъ. Видимъ, за горбкомъ въ балкѣ труба отъ хатъ показалась, значить хуторъ; туда и погналъ волохъ вола и все немилосердно бьетъ его арапникомъ. Отрядили мы троихъ товарищей выручать вола. Приходятъ они къ тому хутору; видятъ, богатые люди живутъ: хаты порядочныя, огороды хорошіе, много хлѣба, скота, работниковъ. Только стали въ балку спускаться, а на встрѣчу имъ два волоха, отецъ и сынъ,—тотъ самый, что вола угналъ. Кланяются имъ наши, просятъ вола отдать, а тѣ какъ накинутся на нихъ:

— А мой чумакъ арнавутъ пасъ, сякой такой сынъ, польщакъ..., кричать оба волохи, траву рвутъ и со злостію броса-

ютъ нашимъ въ глаза, давая тѣмъ знать, что наши волы попортили ихъ пшеницу арнаутку.

Наши кланялись, просили, ничто не помогаетъ: волохи ругаются и безъ выкупа вола не отдаютъ, а выкупа требуютъ 20 руб. Бились наши до вечера, за совѣтомъ къ намъ приходили и опять къ волохамъ ходили, упрашивали ихъ всячески, кланялись до земли, руки и ноги цѣловали, но ничего не успѣли. Только на другой день богатые волохи выпустили вола, взявъ выкупу вмѣсто 20 руб. только 20 коп. А волъ все время стоялъ голодный, не ѣвши, не пивши. Пригнали его чуть живаго. Надо было опять стоять, чтобы подкрѣпить вола. Не столько уже намъ вола и денегъ жаль было, сколько безчестія, которое приняли наши отъ волоховъ. По свойственной человѣку склонности къ мщенію рѣшились мы наказать волоховъ.

Стоимъ мы; кашу сварили и сѣли обѣдать. Смотримъ, а волохъ изъ-за могилы верхомъ опять ѣдетъ къ намъ. Побоялись мы, что опять вола отобьетъ, и давай скорѣе воловъ запрягать. Но видимъ, волохъ за полверсты отъ насъ повернулъ въ бокъ и поѣхалъ къ Жеребковой.

— Дивитьця, хлопци, кричитъ одинъ изъ нашихъ; въ ёго кульбаки коло сидла; тамъ у трокахъ въ ёго баклажки, або барильця, и то напевне винъ ïде по дешеву до Жеребковои.

Присмотрѣлись, такъ и есть. Рѣшили мы выждать волоха и отплатить ему за обиду. Проѣхали нѣсколько впередъ и остановились. Вызвалось пять охотниковъ на волоха, а въ числѣ ихъ сторожъ церковный Исаакъ, ростомъ въ сажень. Пошли они на перерѣзъ волоху; четверо спрятались въ кустахъ, а Исаакъ пошелъ къ сапавшимъ невдалекѣ баштанъ. Заговорился съ ними, какъ тутъ и волохъ. Исаакъ къ нему и спрашиваетъ, не видѣлъ ли онъ еще одного нашего вола. Хитрость удалась; волохъ остановился. Тогда Исаакъ схватилъ лошадь за поводья, свиснулъ на своихъ, а волоха въ мигъ стащилъ съ коня Прибѣжали наши, забрали водку и лошадь, а волоха пустили. Усѣлись мы и пьемъ водку, какъ бѣгутъ волохи лошадь выручать. Отплатили же мы имъ: потребовали съ нихъ 50 р., грозя иначе до-

ставить корчемную водку въ контору откупщика. Накланялись и намъ волохи, а кончили мы тѣмъ, что взяли съ нихъ 8 руб. и 4 изъ нихъ отдали въ Ананьевѣ на церковь, а на 4 купили рыбы до каши.

— Не по христіански мы поступили, говорю я потомъ товарищамъ.

— Може воно й такъ, отвѣчали они; а все жъ таки на другій разъ волохамъ осторога буде.

Но осторога для однихъ не остановила другихъ, худшихъ людей, и въ слѣдующемъ году мы чуть было не лишились въ другомъ уже мѣстѣ пары воловъ. Шли мы въ обратный путь изъ Одессы и шли «порожнемъ», безъ клади. Было уже послѣ Покрова; время позднее, холодное; негдѣ покормить воловъ, развѣ попоить. Говорили тогда, что по дорогѣ грабятъ, разбиваютъ, убиваютъ, да мы на то не смотрѣли. Прошли уже верстъ сто, съ лишнимъ даже. Спустились въ одномъ мѣстѣ въ балку; видимъ, трава при дорогѣ такая, хоть коси. Остановились мы, пустили на пашу воловъ, повечеряли и спать легли. Небо звѣздное, ясное, все видно. «Вартовники» ходятъ около воловъ. Вдругъ видитъ одинъ, двое разбойниковъ съ топорами въ рукахъ выползли изъ обрыва, отбили пару найлучшихъ воловъ и погнали. Вартовникъ испугался, шепнулъ товарищу, а тотъ скорѣе къ намъ. Погнались мы гуртомъ, скоро догнали и оцѣпили воровъ. Кричимъ: «сдавайтесь»! А они съ топорами противъ насъ: «хто, говорятъ, подступить, тильки вже хлиба ïвъ».—«Намъ и пидступать не треба, отвѣчаемъ имъ; стійте оттакъ, поки сьвитъ, а тоди мы вамъ дамо рады». Грызлись они съ нами, бросались на насъ, а мы на нихъ, наконецъ сдались. Скрутили мы имъ руки назадъ и повели до валки на судъ. Стали судить. Одни говорятъ: «зъ якои обрывы вылизлы, туда ихъ сторчь головами», другіе говорятъ: «батогами ихъ обчухрать, по чумацькому звычаю», третьи говорятъ: «привяжемо до возивъ на ничъ, а ранењко до станового приставимъ».—«Э, говорю (а я въ тотъ разъ атаманомъ былъ), браття; въ прирву кинемъ, души загубимъ; пидъ батоги визьмемъ, часомъ не уважимъ, а до стано-

вого—одна тяганина». Не слушаютъ, спорятъ; кто на батоги приставалъ, и тѣ кричатъ: «убить ихъ въ смерть». А воры лазятъ у насъ въ ногахъ, плачутъ, молятъ. Спорило еще товариство, а потомъ видятъ, что до ладу дайти не можно, говорятъ: «ну, якъ панъ отаманъ розсудыть, на те й пристанемъ».

— А коли такъ, говорю, то отъ якъ буде.

Всѣ притихли. Я досталъ чистый ручникъ, положилъ его на *війя*, а на немъ хлѣбъ и сверху дрибочокъ соли и говорю ворамъ: «нехай васъ Богъ та хлибъ и силь побьютъ, а мы васъ бить, а ни вбивать не будемъ. Идить себи, звиткиль взялись». И развязалъ имъ скрученныя назадъ руки.

Воры пали предъ нами на колѣни, цѣловали у всѣхъ руки и ноги, горько каялись въ своихъ грабежахъ и убійствахъ, клялись впредь пальцемъ никого не тронуть. Всѣ радовались, а у кого и слезы на очи выступили.

— Господи! подумалъ я: какая-же то радость на небѣ бываетъ, когда Богъ грѣшника проститъ!

На сей разъ мы только страхомъ отдѣлались, а съ другими чумаками и не то бывало. Не говорю: воловъ украдутъ,—стой тогда валка!—а то ограбятъ еще и убьютъ. Въ степяхъ херсонскихъ было тогда еще много бродягъ, воровъ и разбойниковъ. Въ темную ночь подкрадутся къ возамъ, отобьютъ сундучокъ съ деньгами и уйдутъ. А случалось, днемъ верхами налетятъ, захватятъ свиту, кожухъ или торбу съ саломъ либо пшеномъ и драла. Ищи вѣтра въ полѣ!

Когда наконецъ прибудемъ бывало въ Одессу, какъ камень съ плечей свалимъ. Но тутъ новая бѣда отъ жидовъ, безъ которыхъ никакого товару ни продать, ни сдать нельзя. Станемъ пшеницу ссыпать, разсчетъ брать, жидъ непремѣнно какого нибудь фагля выкинетъ, чтобы обмануть и обсчитать. Говорили у насъ: жидъ и хлѣба въ ротъ не возьметъ, пока не обманетъ кого. Выпала разъ и на мою долю такая штука, да Богъ помогъ мнѣ одолѣть жидовъ.

Было это въ 1839 году. Мнѣ тогда было уже 19 лѣтъ. Привозимъ мы пшеницу въ Одессу какому-то купцу Хаиму. Ну,

извѣстно, купца не скоро увидишь. Обступили насъ приказчики, все жиды, гергочуть по своему, кто ихъ тамъ разберетъ. Сказали къ амбару подъѣзжать, мѣшки на гору, на 2-й этажъ носить. Оставалось на моемъ возу еще два мѣшка, когда одинъ изъ послѣднихъ я понесъ по лѣстницѣ вверхъ. Какъ разъ въ это время волы мои, отъ мухъ ли, или отъ чего другаго, перешли на другую сторону улицы, а на мѣсто моего воза сталъ другой. Замѣтили это жиды и подняли гвалтъ:

— А, злодіи, пшеницу сховали!

— Хиба, говорю, тоби повылазили, не бачишь, що волы зъ миста рушили, поки я вернусь.

— Добре рушили! самъ нагнавъ, а може кого напрохавъ... Обманщики, злодіи! кричатъ жиды и добавляютъ, что можетъ быть уже не одинъ возъ съ мѣшками отъѣхалъ.

— Та же ты, нависный жиде, на миру прыймаешь, а не на мишки: ну, то миряй! говорю я ему.

Но нѣтъ, слушать не хотятъ жиды и все кричать: «злодіи, пшеныцю покрали». Уже перемѣрили, сосчитали, на четверть больше вышло, а они все свое. Пошли мы къ купцу за деньгами и квитанціею, прикащики насъ не допустили. Деньги мы, правда, часть впередъ взяли; но тутъ по уговору намъ слѣдовало по 1 рублю съ воза, а всего 40 рублей; безъ квитанціи жъ мы не могли дома остальныхъ денегъ получить.

Вернулись мы къ своимъ возамъ и не знаемъ, что дѣлать. Сижу я и грызу сухарь; идетъ бѣдный человѣкъ и проситъ хлѣба. Я далъ ему сухарей и спрашиваю, кому намъ на жидовъ жаловаться, разсказываю, какъ насъ жиды обидѣли.

— Въ часть, говоритъ, идить.

— А часть, спрашиваю, за нами потягне, чи за купцемъ?

— А за купцемъ.

— А дежъ намъ правды шукать?

— До полиціи йдить.

— А полиція за нами постоить?

— Ни, и полиція за купцемъ; бо купци полиціи гостынци на праздныки посылають и такъ хабаря дають.

Лиха наша година, думаю себѣ; а впрочемъ что Богъ дастъ. Подбиваю двухъ стариковъ въ полицію съ жалобою идти.

— Побый ихъ сила Божа тыхъ жидивъ! Ще засудять насъ, отвѣчаютъ старики, а потомъ согласились.

Пришли мы въ полицію, жалуемся полицмейстеру; такъ и такъ, говоримъ.

— Ваше, говоримъ, благородіе! Змилуйтесь надъ нами бѣдными чумаками: обѣдивъ насъ купець на вики.

— Постойте, говоритъ онъ, распросивши насъ и записавши наши фамиліи. Пошелъ въ другую комнату, позвалъ какого-то писаря и скоро выслалъ къ намъ присяжнаго—солдата съ бумагою.

Вышли мы съ присяжнымъ на улицу, а онъ такой веселый, отошелъ немного и говоритъ намъ:

— Эхъ, вы чумачки, не будьте дурачки. Вотъ повѣстка до купца, чтобы шелъ въ полицію на расправу. Купецъ не пойдетъ; ему стыдно въ полиціи съ чумаками судиться; онъ будетъ говорить: я имъ давалъ старые карбованцы, а они не захотѣли брать, требовали новыхъ. Я буду бранить васъ, кричать на васъ; но вы ничего не говорите. Купецъ деньги отдастъ, а вы мнѣ око вина купите. Хорошо?

— Добре, говоримъ, купимо; а сами думаемъ: отъ такъ штука!

Приходимъ къ купцу. Присяжный пошелъ къ нему въ комнаты, а насъ прикащики не пустили, еще «злодіями» называли насъ и ругали. Выходитъ присяжный, а за нимъ купецъ. Присяжный на насъ съ кулаками:

— Ахъ, вы сякіе такіе, вамъ деньги даютъ, а вы не хотите брать, да еще жалуетесь.

— Какихъ же имъ еще денегъ нужно? говоритъ купецъ, бросая на столъ старые елисаветинскіе рубли. Сдается мнѣ, что эти старые лучше еще, какъ новые. Я давалъ имъ, а они... извѣстно, мужикъ.

Дивуемся мы. Я таки не вытерпѣлъ: дававъ, говорю, т зъ кишени не выймавъ.

А присяжный на меня какъ крикнетъ:

— Получай деньги и убирайся, а то я тебя расколочу.

Мы скорѣе деньги со стола, да въ двери. Вышли на улицу, пересчитали: 40 рублей старыми карбованцами. Радуемся мы и опять говоримъ: отъ такъ штука! Какъ догоняетъ насъ, не скоро, правда, присяжный, тычетъ въ руки квитанцію и говоритъ:
— Ну, спасибо вамъ чумаки. Около васъ и я поживился,—и показываетъ намъ десятирублевую ассигнацію, что получилъ отъ купца.—Ну, говоритъ; теперь могорычъ: уговоръ паче денегъ.

Купили мы ему око вина; купилъ и намъ онъ око-жъ вина. Съ тѣмъ и попрощались.

— А що? говоритъ одинъ изъ нашихъ. Хотивъ купець выдры, такъ самъ ледви выдерся!

Занятый нѣсколько лѣтъ подъ рядъ чумачкою, проводя все почти лѣто и осень въ далекихъ дорогахъ, думая только о томъ, какъ бы благополучно совершить путь и возвратиться съ заработкомъ, я никогда не приходилъ къ мысли о женитьбѣ, да и не представлялось мнѣ повода и случая къ избранію себѣ подруги жизни. Вдали, могу сказать, отъ жизни, ея утѣхъ и соблазновъ воспитали меня мои родители; не зналъ я ни «улыци», ни «вечерныць», ни другихъ сельскихъ собраній, гдѣ сходятся и сближаются молодые люди обоего пола, и родители сами должны были напомнить мнѣ о женитьбѣ, когда мнѣ минулъ 22-й годъ. Въ крестьянскомъ быту не рѣдкость и то, что отецъ самъ указываетъ сыну невѣсту; такъ случилось это и со мною. Посылалъ меня отецъ вмѣстѣ съ сватами къ одному крестьянину въ сосѣднее село Метановку «на оглядины». Говорили тутъ за меня сваты, но ничего изъ того не вышло. Отецъ рѣшился самъ ѣхать со мною въ Метановку, но въ сельскомъ быту считается за стыдъ для всѣхъ сельчанъ, если кто не находитъ на мѣстѣ невѣсты и ищетъ ее на сторонѣ и потому сосѣди наши отсовѣтовали отцу моему задуманную имъ поѣздку и указали невѣсту для меня у крестьянина нашего села, Софрона Гонорука, на которой, послѣ обычныхъ обрядовъ сватовства, и женили меня. Случилось это въ 1843 году послѣ свѣтлыхъ праздниковъ.

Жену мою звали Агафьей; была она очень добрая, благонравная и вмѣстѣ съ тѣмъ проворная и пригожая женщина, Когда она шла за меня, ей едва исполнилось 16 лѣтъ. Любовь должна была прійти съ супружествомъ, и она дѣйствительно пришла, но не на долго. Еще во время нашей свадьбы одинъ юродствовавшій сродникъ моей жены, по имени Лаврентій Криворукій, предсказывалъ намъ, что мы проживемъ вмѣстѣ не болѣе шести лѣтъ и что чрезъ 6 лѣтъ моя Агафія умретъ. Другой родственникъ съ моей стороны, слѣпой 70-ти лѣтній старикъ предсказывалъ намъ тоже самое. «Отъ», говорилъ онъ, «въ яку гарну пару сдруживъ васъ Богъ, та не довго будете вы вкупи жити, скоро васъ Господь роспаруе». Ужасно было для насъ такое предсказаніе въ самый день свадьбы, и какъ ни странно, но это дѣйствительно сбылось. Напуганные имъ, мы не могли отвязаться отъ мысли, что намъ не долго жить вмѣстѣ и это наложило особую печать на нашу супружескую жизнь. Уже на 5-й день послѣ свадьбы, когда моя жена отправлялась въ Кіевъ на богомолье и поклоненіе мощамъ св. угодниковъ Божіихъ, мнѣ невольно пришло на мысль: а что если, не дай Богъ, жена моя заболѣетъ и умретъ въ дорогѣ, или въ Кіевѣ! Невольный страхъ охватилъ меня; но я тогда же подумалъ, что не женился бы ни за что въ другой разъ, а посвятилъ бы себя на служеніе Богу. Въ свою очередь жена, не смотря на молодость, полную силъ и здоровья, не рѣдко поддавалась грусти, навѣваемой ужаснымъ предсказаніемъ, и только ежедневная злоба дня и хлопоты, неизбѣжныя при вступленіи въ новую жизнь, мало по малу отгоняли отъ насъ мысль объ ожидавшемъ насъ несчастьи.

Жили мы сначала не отдѣльнымъ хозяйствомъ, но вмѣстѣ съ моими родителями, и никогда не возникало у насъ никакого несогласія. Жена скоро привязалась ко мнѣ, какъ и я къ ней, и жили мы съ нею въ полной любви и согласіи. При совмѣстномъ хозяйствѣ съ родителями и щедрой помощи моего тестя не терпѣли мы ни въ чемъ недостатка. Умѣлъ я довольно искусно владѣть топоромъ: дѣлалъ самъ плуги, рала, бороны, колеса, ульи, учился гнуть ободья, не безъ успѣха занимался бондар-

ствомъ, шилъ, когда было нужно, сапоги и отчасти не дурно ткалъ полотна на ткацкомъ станкѣ, выучившись этому ремеслу отъ отца. Много помогало все это въ хозяйствѣ и пріумножало наши достатки. Только и несчастія испыталъ я за первые года супружества, что злые люди украли у меня пару лошадей, и мнѣ пришлось, отыскивая ихъ, побывать въ Жашковѣ и Бердичевѣ, извѣстныхъ издавна своими «злодійскими» ярмарками, и въ компаніяхъ разныхъ конокрадовъ. Много потратилъ я на это времени и денегъ; но когда, по совѣту добрыхъ людей, заказалъ три обѣдни въ трехъ сосѣднихъ церквахъ, лошади какимъ-то чудомъ нашлись и я невольно воскликнулъ: *по вѣрѣ вашей будетъ вамъ*!

Благословилъ насъ Богъ и дѣтьми, сыномъ и дочерью. На здоровьѣ мы не терпѣли, въ хлѣбѣ и одежѣ не нуждались, панщину отбывали больше работникомъ. Казалось бы жить да Бога хвалить; но не тутъ-то было. И Господь сказалъ: *егда речете: миръ и утвержденіе, тогда внезапу найдетъ на вы день той*, день несчастій. Такъ случилось и съ нами.

Началось съ того, что отецъ мой, видя умноженіе моей семьи, захотѣлъ отдѣлить насъ и самъ заложилъ для насъ новую хату съ отдѣльной усадьбой и полемъ. Надѣлилъ онъ насъ правда всѣмъ для хозяйства; но теперь пришлось уже самому обо всемъ думать, когда доселѣ мы жили у него, по пословицѣ, «якъ у Бога за дверьми». Мало того: ставъ самостоятельнымъ хозяиномъ, я сталъ отвѣтственнымъ за все передъ паномъ и громадой, а это и повлекло за собою всѣ почти послѣдующія мои несчастья.

Было у насъ въ селѣ двѣ власти: своя громадская и ненавистная панская. Первой надо было слушаться, второй бояться и все равно исполнять, что потребуетъ та или другая.

Памятуя мою чумачку и мое въ ней атаманство, а болѣе потому, можетъ быть, что я былъ грамотный, громада выбрала меня сборщикомъ «подушнаго» и другихъ налоговъ. Господи, что это за пытка требовать деньги у человѣка, когда знаешь, что ихъ у него нѣтъ, ходить къ нему по 10 разъ, напоминать,

приставать, требовать, грозить, браниться и выслушивать брань, забирать одежу, выставлять окна и двери, выламывать печь, какъ это дѣлали всѣ почти сборщики!... Ни на какія «здирства» у меня духу не хватало, а громадскую повинность надо было отбыть точно, аккуратно, и вотъ я, на первыхъ порахъ моего хозяйничанья, долженъ былъ приплатиться не однимъ десяткомъ рублей изъ собственнаго кармана.

Послужилъ я громадѣ, потратился для нея; но за то заслужилъ у нея доброе мнѣніе и расположеніе, и она не разъ выручала меня изъ бѣды.

Не такъ было справляться передъ панами. Натерпѣлся я отъ нихъ столько, что и теперь въ старости не могу вспомнить о томъ равнодушно. Село Поборки, какъ сказано мною выше, принадлежало графинѣ А. С. Потоцкой, но вмѣстѣ съ другими сосѣдними селами оно сдавалось въ поссесію. Была значительная разница въ пооложеніи крестьянъ тѣхъ селъ, въ которыхъ жили сами помѣщики или ихъ управляющіе, и тѣхъ, которыя сдавались въ аренду. Поссесія прибавляла намъ новую власть, кромѣ помѣщичьей, и новую тяжесть въ работахъ и разныхъ сборахъ, такъ какъ поссесоръ долженъ былъ арендную плату выработать и для себя заработать, а за все отвѣчалъ одинъ и тотъ же мужикъ. Съ другой стороны не даромъ пословица говоритъ: «не такъ паны, якъ пидпанки». Если и можно было еще бѣдному мужику искать милости и правды, то развѣ у большихъ пановъ, всѣ же эти поссесоры, экономы, надсмотрщики и писаря были прямыми тиранами нашими. Тяжкое иго была панщина. Говорилъ я объ ней выше и еще скажу. Хотя и было такое положеніе, что три дня въ недѣлю человѣкъ работаетъ на пана, а три дня на себя, но это такъ развѣ на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ мы были въ полной власти у пановъ: сколько скажутъ, столько и работай и куда прикажутъ, туда и иди. Въ жнива, въ косовицу заберутъ всѣхъ, такъ что и хаты не на кого покинуть, и дѣтей надо съ собою въ поле забирать. Но что всего хуже—это сѣченіе и побои. Чуть что не такъ, или не по нраву пану, сейчасъ въ зубы, въ спину, по шеѣ, по щекамъ и головѣ кулакомъ, палкой, либо нагаемъ. А

какъ возьмутъ подъ лозы на полѣ, въ сборнѣ или на панскомъ дворѣ, тутъ только проси Бога, чтобы остался живъ. Не приведи Богъ, какъ били и мучили насъ, и не то что управляющіе и экономы, а просто писаря и досмотрщики. И думаешь было не разъ, зачѣмъ это Господь такой порядокъ допустилъ, что одни работаютъ и сухимъ хлѣбомъ питаются, да еще и побои терпятъ, а другіе на боку лежатъ да бенкетуютъ, и ни въ чемъ не находишь отвѣта на такой вопросъ.

Тяжело было положеніе наше до 1847 г., т. е. до изданія «инвентарныхъ правилъ», но не легче оно было и потомъ, и виною сему были тѣже паны. «Царь хотивъ намъ добро зробить, та иродови паны перепутали по своему»,—такъ говорилъ народъ объ этихъ правилахъ, когда они вошли въ дѣйствіе, и говорилъ вѣрно. Что изъ того, что въ «Правилахъ» говорилось, съ какихъ лѣтъ можно брать человѣка въ работу и съ какихъ не должно, сколько дней работать въ недѣлю мужчинѣ и сколько женщинѣ, сколько напр. сноповъ и какого хлѣба и какой мѣры нажать, или обмолотить и проч. Но попробуй сказать, что онъ требуетъ не по «Правиламъ», сейчасъ тебя въ зубы или нагаемъ, либо на конюшню подъ розги, а то къ становому отправить, какъ бунтовщика. И сколько изъ насъ за такія упоминки о «Правилахъ» поплатились розгами въ стану, въ тюрьмахъ сидѣли, были выселяемы и ссылаемы! Досталось и мнѣ, и больше за это. На бѣду мою, я былъ грамотный, слушалъ, читалъ и помнилъ «Правила». Чуть было паны чего лишняго требуютъ, люди за работой спрашиваютъ меня, а я конечно не могу отказать ихъ просьбѣ. Какъ узнали про это паны, то такъ взялись на меня, что рады были бы со свѣта меня согнать, или изъ села выжить.

Поссесоромъ въ то время въ нашемъ селѣ былъ нѣкто Фавстъ Каминскій, а экономомъ Яворскій. Оба они сильно не любили меня и постоянно выискивали случай чѣмъ-нибудь досадить мнѣ и обидѣть меня. Разъ, во время свозки хлѣба, экономъ накинулся на меня за то, что я не выслалъ третьяго воза „на ланъ". Я говорю ему: „въ Правилахъ нема", а онъ меня „бацъ", едва на ногахъ удержался: «я говоритъ, покажу тоби правила» и хотѣлъ

меня еще нагаемъ, да я отскочилъ. Нажаловался онъ на меня поссесору. Думаю, не посмѣетъ и поссесоръ бить меня, когда я правъ. Не тутъ-то было. Ѣду я на другой день въ поле, правда не съ разсвѣтомъ, ибо для пана это все равно, лишь бы я привезъ ему споповъ, сколько положено. Налетаетъ на меня фольварковый козакъ и давай драть меня нагайкой за то, что поздно на ланъ ѣду. Оказалось, что его поссесоръ наслалъ на меня. А въ то время какъ разъ пріѣхалъ къ намъ изъ Варшавы Липинскій, управляющій имѣніемъ графини Потоцкой. Я и пожаловался ему на эконома и козака. Липинскій поручилъ разобрать это дѣло «ключевому эконому» и, по докладу его о томъ, что я былъ обиженъ экономомъ Яворскимъ и фольварковымъ козакомъ совершенно напрасно, приказалъ имъ обоимъ удовлетворить меня за нанесенные мнѣ ими побои.

За эту жалобу еще больше озлился на меня поссесоръ Каминскій и велѣлъ какъ меня, такъ и отца моего забить «въ коколодку» и посадить «на зборню». Проходитъ онъ черезъ нѣсколько часовъ мимо насъ и начинаетъ выговаривать мнѣ, издѣваться надо мною, бранить меня. Я только что началъ было оправдываться предъ нимъ, а онъ какъ стоялъ предъ нами съ палкою, такъ и ткнулъ мнѣ ею въ зубы. Продержалъ насъ панъ поссесоръ на зборнѣ три дня на сухомъ хлѣбѣ и на водѣ. Потомъ приходитъ къ намъ арендарь и уговариваетъ насъ просить у пана прощенія. Мы не покорились. На другой день панъ требуетъ насъ къ себѣ. Приходимъ, какъ были, въ колодкахъ, думаемъ, опять будетъ бить; а онъ вдругъ говоритъ намъ такія рѣчи: «ну, то я вже вамъ вшистко дарую; я панъ, тай вы люди поважни.—на що намъ сердитися, щобъ насъ люде судили»? Мы только переглянулись съ отцемъ, а панъ велѣлъ разбить колодки и отпустить насъ. Потомъ мы узнали, что онъ ждалъ Зелинскаго опять въ Поборки и боялся, чтобы мы уже на него не нажаловались пленипотенту графини.— Панъ, какъ и жидъ, верховодилъ надъ мужикомъ, когда чувствовалъ за собою силу, но готовъ былъ унизиться, если видѣлъ какую либо опасность для себя.

Унизился и посессоръ передъ нами, но затаилъ злобу противъ меня въ душѣ своей и при первомъ наборѣ рѣшился сдать меня въ солдаты. Какъ поссесоръ, онъ не имѣлъ права распорядиться этимъ безъ согласія громады, а потому отдалъ приказъ схватить меня въ самый день вывоза рекрутъ изъ нашего села на послѣдній осмотръ въ рекрутское Присутствіе, временно устроенное въ м. Соболевкѣ. И меня схватили тайно и совершенно неожиданно, забили въ колодки и повезли. Читатель! если тебѣ не приходилось видѣть прежняго рекрутскаго набора, то ты можешь считать себя счастливымъ. Ничего ужаснѣе я и представить себѣ не могу. Молодые, не женатые люди еще какъ нибудь могли мириться съ этимъ; но женатому, семейному, домовитому человѣку идти на 25-ти лѣтній срокъ тогдашней военной службы— это все равно почти, что идти на явную смерть. И какъ идти? Сидитъ себѣ человѣкъ въ своей хатѣ, или работаетъ на своемъ, либо панскомъ дворѣ, ничего не зная и не подозрѣвая, такъ какъ приказъ о наборѣ держался обыкновенно въ величайшемъ секретѣ. Вдругъ, по приказу панскому, набрасываются на него, схватываютъ, вяжутъ веревкой или поясомъ руки назадъ, забиваютъ ноги въ колодки, держатъ подъ карауломъ двѣ-три недѣли, а потомъ сваливаютъ, какъ бревно, на возъ и подъ стражею везутъ въ присутствіе; тамъ забрѣютъ, переодѣнутъ и погонятъ за сотни и тысячи верстъ. Прощай семья и село родное, прощай жена и дѣти, въ большей части на вѣки! Въ такомъ положеніи былъ и я теперь. Нужды нѣтъ, что я одинъ сынъ у отца, что у меня жена и маленькія дѣти. Схватили и повезли. Такъ папу угодно! Самъ онъ лично присутствовалъ при сдачѣ изъ опасенія, чтобы я какъ-нибудь не ускользнулъ отъ рекрутчины. Уже меня раздѣли и я готовъ былъ отправиться въ присутствіе. Но тутъ подошли мои ооносельцы, пришли и многіе знавшіе меня жители Соболевки и другихъ сосѣднихъ селъ. Заволновалась вся эта громада и заступилась за меня. Видитъ поссесоръ, что можетъ раздражить народъ, и говоритъ: «нехъ буде по вашому, тилько визьмить его собп зъ мого села; грунтъ ему сплачу и три годы буду за нёго подати платити». Входитъ тутъ коммисаръ Липинскій, при-

слушивается и говоритъ: «я возьму его за козака до скарбу». А священникъ нашъ о. Θеодоръ Сокальскій перебиваетъ: «а я его за старосту церковного радъ бы взять». Такъ и освободили меня отъ рекрутства.

Насталъ 1848 г., памятный для насъ холерою. Въ нашей семьѣ первыми заболѣли я и мать моя. Отвезли насъ обоихъ въ больницу, а тамъ сразу пустили намъ кровь. Лежимъ мы, на одного Господа уповая. Провалялись недѣли двѣ, пока насъ домой не забрали. Я сталъ выздоравливать, а мать моя на другой же день скончалась. Умеръ вскорѣ и меньшій братъ мой и родная дочь, а сынъ раньше сего. Все разомъ; не даромъ говорятъ: одна бѣда не ходитъ, а ведетъ съ собою другую. Напала на меня такая тоска и печаль, что не приведи Господи. Сталъ я и самъ думать о смерти, и ношусь съ этими мыслями денно и нощно.

Предъ праздникомъ Св. Троицы рѣшился я устроить поминальный обѣдъ за умершихъ сродниковъ и не пожалѣлъ для этого лучшаго вола. Прихожу въ церковь къ обѣднѣ и слышу, священникъ читаетъ въ евангеліи: *аще кто оставитъ домъ, или села, или отца, или мать, или жену, или чада имене Моего ради, сторицею пріиметъ и животъ вѣчный наслѣдуетъ.* Господи! думаю, да зачѣмъ же я скитаюсь въ семъ мірѣ? И что это за жизнь? Одни скорби и лишенія, страхи и мученія. Если и удалось что собрать, то кому оно останется? Дѣтей Богъ къ себѣ забралъ... А если оставить все это для Бога и самому послужить Богу? Тутъ впервые посѣтила меня мысль о монашествѣ. А жена? подумалъ я опять и остановился. Но вспомнилъ изъ житій святыхъ не одинъ примѣръ, какъ супруги, по взаимному согласію, оставляли міръ и шли на служеніе Богу, и опять принялся за мысль, всецѣло меня обнявшую. А слова Христовы глубоко запали мнѣ въ душу и я не могу ихъ забыть. Прихожу изъ церкви и говорю своей женѣ:

— А що, моя голубко, якъ я оце тебе покину?

Жена приняла мои слова за шутку, разсмѣялась и говоритъ:

— То кидай! тилько и шкоды, я ще кращого соби знайду.

Дальше говорить было невозможно, и я замолчалъ. Но волне-

ніе въ душѣ моей не улегалось цѣлый день, а ночью снилось уже мнѣ, что я діаконствую въ нашей сельской церкви. Пробудился я и хотѣлъ было забыть свои мысли, но нѣтъ, никакъ нельзя; за что ни возьмусь, все изъ рукъ валится. Такъ прошелъ цѣлый мѣсяцъ. Собрался я съ духомъ и опять говорю женѣ, что хочу оставить ее.

— Що ты це таке чудне, та дивне думаешь? спрашиваетъ меня жена.—Нема мабуть тоби чого робити? Онъ, у тебе хазяйство, объ тимъ думай, а то не знати що верзе.

Я однако серьезно и настойчиво сталъ объяснять ей мое намѣреніе и то, какъ оно могло бы быть выполнено. Жена слушала меня внимательно, видѣла, что это не шутка, но никакъ понять моего желанія не могла, и когда я кончилъ, глубоко вздохнула и, подумавши немного, сказала:

— А щобъ я лучше вмерла, нижъ бы мала такъ оставатись!

Проходили дни за днями. Запавшая мнѣ въ душу мысль росла и крѣпла, а жена впадала все въ большую задумчивость. Истекалъ шестой годъ нашего супружества. Припомнились ей зловѣщія предсказанія на нашей свадьбѣ и она стала все чаще и чаще говорить о смерти, и не только говорить, но и самымъ дѣломъ готовиться къ ней: все наше имущество, невѣдомо для моего отца, она стала раздавать бѣднымъ, какъ будто бы намъ самимъ уже ничего не нужно было. Я и не препятствовалъ ей въ этомъ, но какая то глубокая тоска запала мнѣ вновь въ душу, какое то тяжкое предчувствіе давило меня. Свадебныя предсказанія начинали сбываться: не прошло и мѣсяца послѣ нашего разговора о моемъ монашествѣ, какъ жена моя заболѣла. Чѣмъ она болѣла, никто разгадать не могъ; но мысль о смерти не покидала ее. Продолжала она раздавать все свое имущество и оставила себѣ нужное только на случай смерти. Лице, рѣчь и всѣ мысли ея совсѣмъ измѣнились. И какъ она радовалась, что, раздавая свое добро бѣднымъ, она тѣмъ самымъ готовится къ будущей блаженной жизни!

Болѣзнь моей жены длилась отъ Покрова до Пасхи. На страстной, въ пятницу, какъ будто пришелъ ей часъ умереть, такъ она ослабла и обезсилѣла. Собрались сродники. По просьбѣ жены

я сталъ читать псалтирь, а затѣмъ и молитвы на исходъ души; но смерть отступила отъ нея. Родные разошлись, женѣ стало легче и она дождалась еще Свѣтлаго Праздника и пережила первые его дни, а накануне свѣтлаго четверга тихо, съ радостію Богу душу предала.

Въ свѣтлый пятокъ похоронилъ я жену и въ тотъ же самый день—повѣритъ ли кто?—взяли опять меня въ рекруты. Вотъ что творили съ нами паны! Сначала поссесоръ склонился на просьбы нашего священника и въ воскресенье меня выпустили изъ колодокъ; но скоро я узналъ, что это сдѣлано лишь изъ опасенія волненія громады, а что затѣмъ велѣно схватить меня въ тотъ день, когда рекрутъ будутъ везти изъ села къ пріему; когда-жъ наступитъ этотъ день, никто не зналъ. Одинъ изъ моихъ односельцевъ, тотъ самый, который долженъ былъ взять меня, по предварительному уговору, далъ мнѣ о семъ знать, встрѣтивъ меня на улицѣ и дотронувшись до меня рукою. Принялъ онъ, правда, за это отъ пана 50 розокъ; но я успѣлъ скрыться.

Побрелъ я тайно отъ всѣхъ въ Грановскій монастырь, чтобы дать на сорокоустъ по женѣ и по матери. Прихожу и разсказываю игумену все, что творилось со мною.

— Хорошо, говоритъ; оставайся здѣсь, тутъ никто тебя не тронетъ, а хочешь въ монахи, и въ этомъ не откажемъ.

Съ великимъ страхомъ остался я въ монастырѣ и прожилъ тамъ двѣ недѣли. Но наступалъ праздникъ Пятидесятницы и мнѣ захотѣлось справить обѣдъ по моей покойницѣ для всего села. Какъ ни уговаривалъ меня игуменъ подождать, чтобы опять не попасть въ руки пановъ, но я рѣшился исполнить свой долгъ и пошелъ въ свое село.

Поминальный обѣдъ прошелъ благополучно, хотя поссесоръ и отдалъ приказъ слѣдить за мною. Собрались всѣ, кого я просилъ, пришли и тѣ, которымъ приказано было отъ поссесора стеречь меня. Я ввелъ ихъ въ хату, посадилъ за столъ и сказалъ имъ: «якъ маете зъ боку дивитись за мною и стерегти мене, то лучше сидить тутъ зъ людьми и поминайте мою покойныцю».

Чтобы устранить однако грозившую мнѣ опасность отдачи въ солдаты и вмѣстѣ препятствія къ поступленію въ монастырь, о чемъ узнали уже паны и люди, я пустилъ слухъ, что хочу жениться, пріодѣлся, подбрился и сказалъ пріятелямъ, чтобы искали мнѣ невѣсту. Хитрость моя удалась. Такъ чрезъ это и прекратились толки о моемъ намѣреніи уйти въ монастырь. Одному отцу моему я открылся во всемъ раньше и онъ одинъ зналъ о моемъ рѣшеніи. Сначала онъ не соглашался и не совѣтовалъ этого дѣлать.

— То тоби, говорилъ, такъ чогось въ голову зайшло, зъ нудьги, та зъ печали. Визьмись до роботы, або забирай пшеныцю та йди въ Адесъ, то тая дурныця, якъ пара, геть по степамъ розійдеця. Якій зъ тебе чернець? Хиба тымъ душу спасешъ, що чорну одежу на себе надинешъ? Спасись, кажуть, въ мыри, а не въ манастыри. Отъ що!

Но я не могъ нарушить обѣта, даннаго въ душѣ Богу, и преслѣдовалъ свою цѣль неустанно. А пока я достигъ осуществленія моихъ желаній, пришлось мнѣ вытерпѣть еще не мало.

Началась уборка хлѣба; въ первый день я послалъ на барщину въ поле своего работника, а самъ собирался ѣхать въ грановскій монастырь вмѣстѣ съ нашимъ священникомъ, который взялся довезти меня, отправляясь въ Гайсинъ. Когда я велъ его лошадей съ поля, встрѣчаетъ меня экономъ.

— А ты чомъ не на лану? Не знаешь, де ты повиненъ бути зъ серпомъ? закричалъ онъ на меня.

— Я, говорю, пославъ за себе на ланъ.

— Самъ повиненъ бути тамъ, крикнулъ экономъ и велѣлъ мнѣ идти за нимъ.

Пошелъ я за нимъ. Привелъ онъ меня къ «скарбовымъ» плугамъ, гдѣ рабочіе пахали, и крикнулъ: „розогъ!“ Тотъ часъ явились розги; меня раздѣли и начали бить немилосердно.

— Паночку, голубчику! Змилуйся надо мною! прошусь я у эконома, но онъ не обращаетъ вниманія на мои мольбы и только покрикиваетъ парубкамъ: «дужче его, дужче»!

Больно было мнѣ, не дай Богъ, какъ больно; рвусь, кричу:

— Мати Христова, Царица Небесная, не оставь мене!

А экономъ сидитъ на лошади и только подсмѣивается надо мною.

— А! говоритъ, богомольный, вміешъ проситися? Быйте его щилненько!

Перестали наконецъ бить меня.

— Теперь, говоритъ мнѣ экономъ, ступай на ланъ!

— Въ мене, говорю, серпа нема; пиду перше по серпъ, а тогди прыйду на ланъ.

Пошелъ я будто бы за серпомъ, а между тѣмъ отправился къ священнику и разсказалъ ему о томъ, что случилось со мною. Священникъ немедленно написалъ къ поссесору записку о томъ, что дѣлаетъ экономъ, и затѣмъ, усадивъ меня съ собою на повозку, поѣхалъ въ Гайсинъ, а оттуда въ монастырь.

Люди на полѣ видѣли, какъ мы проѣзжали, и стали говорить эконому:

— Ой буде, вамъ пане! цежъ Аверкій поихавъ зъ батюшкою въ судъ жалитися на васъ.

Люди смѣялись надъ экономомъ, а онъ повѣрилъ имъ и полетѣлъ за 20 верстъ въ м. Тепликъ къ становому приставу. Но для пристава это былъ сущій кладъ, когда панъ обращался къ нему за помощью или съ жалобою, особливо по дѣлу о причиненіи побоевъ крестьянамъ. Конечно, крестьянамъ отъ того не легче было, но изъ пана приставъ виварить воду, обдеретъ его, какъ липку. Что ужъ тамъ на сей разъ у нихъ было, не знаю; но только экономъ, воротясь домой, долго шушукался съ поссесоромъ, оба какъ-то присмирѣли и хотя приказали заковать меня въ желѣзные оковы и посадить «на сборнѣ», но со страхомъ выжидали пріѣзда пристава. Прошло такъ двѣ недѣли. Къ пріѣзду пристава поссесоръ и экономъ пригласили поссесора изъ с. Шимановки Инглуцкаго и помѣщика с. Рижавки, Коссовскаго, набрали изъ «громады» 12 человѣкъ свидѣтелей. Готовился какъ будто судъ надо мною за то, что меня побили. Послѣ я узналъ, что былъ предъ тѣмъ отъ высшаго начальства приказъ уѣздной полиціи строго наблюдать за панами, чтобы они не допускали жестокости въ наказаніи крестьянъ, и наши паны не на шутку боялись, чтобы приставъ

не подвелъ ихъ подъ судъ. Пріѣхалъ наконецъ и приставъ. Меня велѣли расковать и привели къ поссесору. Приставъ самъ разспрашивалъ меня обо всемъ подробно. Когда я разсказалъ ему, какъ со мною поступилъ экономъ, то онъ тутъ же, обратясь къ эконому и поссесору, стался выговаривать имъ:

— А! такъ вотъ какъ! Сами вы, господа, виноваты, а стараетесь обвинить человѣка совершенно невиннаго! Такъ вы вотъ какъ управляете людьми!

Тутъ паны стали усердно просить пристава въ комнату. Можно было подумать, что приставъ горою готовъ стоять за бѣднаго мужика и упечь пановъ: но ничего такого на самомъ дѣлѣ не было: онъ только ловко пугнулъ пановъ и намъ «туману» въ глаза пустилъ.

Долго переговаривались паны съ приставомъ въ «покояхъ», конечно за «килишками» и закуской, а мы все стояли на дворѣ передъ крыльцемъ. Наконецъ выходитъ къ намъ... кто же? — панъ Коссовскій, сосѣдній помѣщикъ, которому конечно и дѣла никакого до насъ не было, и говоритъ, обращаясь ко всѣмъ, кромѣ меня:

— Напиталисте соби клопотъ презъ едного гультяя. Вси вы люди, якъ люди, панщину одбуваете, податки складаете, пана послухаете, опричь того грубіяна (при этомъ панъ со злостію взглянулъ на меня). Наробивъ теперь гвалту, що доставъ у шкуру! Щожъ то? звычайна речь. Варто бъ вамъ его видъ себе виддалити. То есть, якъ една паршива скотинка въ згони. Бо громада...

Панъ удержался отъ нелестнаго для громады сравненія съ «быдломъ» и, въ замѣнъ того кашлянувъ раза два, закончилъ:

— Ну, идить же соби зъ Богомъ!

— А зо мною якъ же буде? спросилъ я его.

— А коли тебе нихто не арештуе, то не маешъ на що ждати, отвѣтилъ онъ мнѣ и съ тѣмъ потянулъ до своей компаніи.

Приставъ такъ и не показывался къ намъ. Очевидно, панъ Коссовскій посланъ былъ къ намъ отъ всей компаніи. Выслушавъ его не мудрую рѣчь, я подумалъ про себя, что теперь ни

паны, ни громада не будутъ меня удерживать и мѣшать мнѣ въ моемъ намѣреніи принять иночество. Должно быть однакожъ приставъ хорошенько обчистилъ нашихъ пановъ, потому что экономъ на другой же день, не найдя меня на лану, послалъ за мною козака и еще разъ жестоко высѣкъ меня.

Послѣ этого я поспѣшилъ упросить моихъ односельцевъ подписать изготовленное мною свидѣтельство объ увольненіи меня изъ сельскаго общества и съ этимъ свидѣтельствомъ пошелъ къ становому приставу, чтобы попросить у него совѣта на счетъ увольненія меня изъ помѣщичьяго подданства. Приставъ посовѣтовалъ мнѣ подать просьбу объ этомъ управляющему, для представленія ея графинѣ, а до времени увольненія меня изъ ея подданства, чтобы я могъ спокойно жить въ монастырѣ, далъ мнѣ, по просьбѣ моей, срочное свидѣтельство на полгода. Очевидно, что все было заранѣе условлено между нимъ и моими панами и они готовы были на все, только бы сбыть меня съ рукъ и спокойно, безъ протеста угнетать моихъ односельцевъ.

По срочному свидѣтельству, которое возобновлялось на каждое полугодіе, прожилъ я въ монастырѣ цѣлыхъ три года и все ждалъ увольненія, посылая просьбу за просьбой. Жилось мнѣ тамъ хорошо: игуменъ былъ очень привѣтливъ ко мнѣ и поручилъ мнѣ, какъ знакомому съ хозяйствомъ, завѣдываніе монастырскою экономіею; но меня постоянно смущало то, что мнѣ не даютъ увольненія изъ подданства, а чрезъ это я лишаюсь надежды когда либо принять постриженіе въ монашество. Не желала ли того сама графиня, или главноуправляющій всѣми ея имѣніями, не знаю. По прошествіи трехъ лѣтъ управляющій Липинскій, о которомъ я не разъ упоминалъ, былъ смѣненъ, а на мѣсто его поступилъ Силицкій, зять главноуправляющаго Гродецкаго, который и самъ по этому случаю прибылъ изъ Варшавы въ м. Тепликъ, гдѣ было управленіе подольскихъ имѣній графини. Узнавъ о пріѣздѣ Гродецкаго, я отправился къ нему. Онъ охотно обѣщалъ выхлопотать мнѣ у графини увольненіе изъ ея подданства, но потребовалъ, чтобы я доставилъ ему отъ монастырской братіи свидѣтельство о моемъ поведеніи въ монастырѣ во все время пребыванія моего тамъ. Игуменъ не только не отказалъ

мнѣ въ этомъ свидѣтельствѣ, но далъ мнѣ даже просфору, чтобы я вручилъ ее Гродецкому. Иду я и, не доходя версты три до м. Теплика, встрѣчаю Гродецкаго, который шелъ пѣшкомъ. Поздравивъ его съ праздникомъ Пасхи, вынимаю просфору и даю ему вмѣстѣ съ прошеніемъ и свидѣтельствомъ. Панъ остался по видимому очень доволенъ вниманіемъ игумена, оказаннымъ черезъ меня, взялъ просфору и бумаги и обѣщалъ чрезъ два мѣсяца прислать мнѣ изъ Варшавы увольненіе. Я попросилъ его выдать мнѣ дозволеніе на прожитье въ монастырѣ до присылки увольненія.

— Хорошо, сказалъ онъ, иди ко мнѣ. Я вотъ только встрѣчу своихъ дѣтей (дочь съ мужемъ), ѣдущихъ изъ Дашева, и сей часъ домой. Пріѣдетъ зять и выдастъ тебѣ свидѣтельство.

Дѣйствительно, вскорѣ показалась на дорогѣ коляска, запряженная цугомъ. Изъ нея вышли зять и дочь Гродецкаго, почтительно привѣтствовали его и, усадивъ съ собой, поѣхали въ Тепликъ. Я пошелъ въ слѣдъ за ними и на другой день получилъ необходимое мнѣ свидѣтельство за подписью новаго управляющаго. Но вотъ что разсказалъ мнѣ кучеръ Гродецкаго, который привозилъ его дѣтей и у котораго я ночевалъ.

Когда, говоритъ, нашъ панъ садился въ коляску, то, показывая своимъ дѣтямъ просфору, говорилъ: «Это, видите ли, хлопъ встрѣтилъ меня на дорогѣ съ благословеннымъ хлѣбомъ».—А это хорошій знакъ, замѣтилъ ему зять и полюбопытствовалъ узнать, чтобы это былъ за хлопъ, что встрѣтилъ пана съ просфорой, да еще въ полѣ.—А это, говоритъ, такой хлопъ, что хочетъ стать чортомъ.—Какъ такъ?—Да онъ, говоритъ, хочетъ быть монахомъ.

—Что жъ, и хорошо! замѣчаетъ зять.—Что же тутъ хорошаго? отвѣтилъ ему тесть и прибавилъ: «хлопъ законникъ, а чортъ, то все одно».

Зять, говоритъ (Богъ его знаетъ, откуда онъ, а видно добрый панъ), заступился за нашу вѣру. Вы, говоритъ, не знаете конечно, что когда мнѣ (давно то, говоритъ, уже было) случилось заболѣть, да такъ, что и доктора уже отказались лечить меня, то исцѣлился я не въ другомъ мѣстѣ, а только въ кіевской лаврѣ, которая у хлоповъ считается такою великою святынею. Много слышалъ

я объ ней у насъ на Украинѣ, поѣхалъ туда, помолился и вернулся домой здоровымъ, и съ тѣхъ поръ здоровъ и до сего дня. Ахъ, какъ тамъ хорошо! И сколько тамъ святыхъ! Изъ того я, говоритъ, вижу, что и хлопская вѣра угодна предъ Богомъ.

— А что, васпанъ, мовишь? отвѣтилъ ему Гродецкій. Ничего, говоритъ, ты не разумѣешь. Наша католицкая вѣра первая у Господа Бога и она одна Ему пріятна, а хлопская вѣра ничего предъ Нимъ не значитъ. Чортъ чортомъ, а хлопъ хлопомъ; чортъ и хлопъ—то все одно.

Вотъ какъ наши паны думали объ насъ и о нашей вѣрѣ, хотя въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не было костеловъ, они ходили въ наши церкви, прикладывались къ кресту и евангелію, принимали и подносимыя имъ просфоры, допускали священниковъ къ окропленію ихъ домовъ въ Крещенье и пр.

Выслушавши весь этотъ разсказъ, я понялъ, что мнѣ нечего полагаться на обѣщанія Гродецкаго и рѣшился лично отправиться въ Варшаву и тамъ выпросить себѣ непосредственно у графини увольненіе изъ ея подданства. Распросивъ у того же кучера дорогу до Варшавы и взявъ въ коммисарскомъ управленіи проходное свидѣтельство, а по нему въ уѣздномъ казначействѣ плакатный паспортъ, попрощался я въ родномъ селѣ съ отцемъ и съ обществомъ, а въ монастырѣ съ игуменомъ и братіею, пустился въ далекій путь чрезъ Почаевъ и прибылъ въ Варшаву спустя недѣлю послѣ Пасхи.

Въ Варшавѣ я зашелъ прямо въ архіерейскій домъ и попросился переночевать, въ чемъ мнѣ и не отказали. На другой день доложили обо мнѣ архіепископу Арсенію. Этотъ умный и достойнѣйшій архипастырь, впослѣдствіи митрополитъ кіевскій, былъ прежде въ Подоліи; поэтому появленіе въ Варшавѣ человѣка изъ подольской его паствы, пришедшаго сюда искать увольненія изъ подданства и поступленія въ монашество, его заинтересовало. Владыка приказалъ позвать меня къ себѣ, распросилъ, обласкалъ и обѣщалъ даже принять меня въ одинъ изъ своихъ архіерейскихъ домовъ въ Почаевѣ или Житомірѣ (тогда варшавская епархія еще не была отдѣлена отъ волынской).

Того же дня я отправился къ графинѣ Потоцкой. Оказалось, что графиня выѣхала за границу; вмѣсто нея пришлось обратиться къ тому же Гродецкому. Онъ принялъ меня сурово, расходился было не на шутку, грозилъ отправить меня обратно въ грановскій монастырь, наконецъ сказалъ, что безъ графини ничего не можетъ сдѣлать и что она возвратится не скоро. Я отвѣчалъ, что готовъ и подождать, и на вопросъ его, гдѣ же буду ждать? сказалъ: меня тутъ архіерей принялъ. Гродецкій замолчалъ и, подумавъ немного, сказалъ: «ну, какъ хочешь».

Владыка Арсеній опредѣлилъ меня временно въ послушаніе просфорникомъ при каѳедральномъ соборѣ и свѣчаромъ въ архіерейскихъ домовыхъ церквахъ. Между тѣмъ чрезъ двѣ недѣли вернулась изъ-за границы графиня Потоцкая. Владыка самъ начертилъ мнѣ прошеніе и отослалъ къ графинѣ чрезъ консисторію, а когда я шелъ лично явиться графинѣ, послалъ со мною одного іеромонаха. Графиня ласково приняла меня, обѣщала на другой же день прислать увольненіе, какъ и дѣйствительно сдѣлала. Это окончательно рѣшило мою судьбу, и съ тѣхъ поръ я не возвращался въ міръ.

Того же лѣта графиня отправилась въ теплицкое свое имѣніе навѣдаться, какъ тамъ идутъ дѣла, какъ живутъ ея люди. Много милостей она оказала тогда: во всѣхъ православныхъ храмахъ была и гдѣ требовались исправленія, велѣла произвести таковыя, вознаградила людей за притѣсненія и обиды, которыя они терпѣли отъ поссесоровъ и даровала всѣмъ правдивый судъ и милость. «Я желаю, говорила она поссесорамъ, чтобы мои люди не плакались на меня. Смотрю на нихъ не какъ на подданныхъ, а какъ на дѣтей моихъ, ибо другихъ дѣтей у меня нѣтъ».

Заканчивая на этомъ мои воспоминанія о мірской моей жизни, скажу коротко: много врагъ ставилъ препятствій моему намѣренію посвятить себя на служеніе Богу; но Богъ помогъ мнѣ ихъ преодолѣть и ввелъ меня въ тихое пристанище. Послѣ многихъ перемѣнъ и въ иноческой моей жизни, водворился я наконецъ въ к—ской пустыни, и здѣсь въ мирѣ скончаваю животъ свой, благословляя Бога, спасшаго меня отъ малодушія и отъ бури.

Іер. Ѳ—лъ.

Библіографія.

Первое столѣтіе города Екатеринослава. 1787—9 мая 1887 г. Матеріалы для историческаго очерка. Сост. М. М. Владиміровъ. Екатеринославъ. 1887 г.

Столѣтній юбилей Екатеринослава. 9 мая 1787—1887 г. Сост. преподаватель екатеринославской семинаріи Константинъ Корольковъ. Екатеринославъ. 1887 г.

Обѣ названныя книжки вышли въ свѣтъ весною текущаго года въ Екатеринославѣ и явились продуктомъ празднованія столѣтняго юбилея основанія этого города, прошлаго 9 мая. Пора эта вызвала усиленную дѣятельность мѣстныхъ интеллигентныхъ силъ, хотя далеко не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ бы то было и желательно, и возможно, судя по ихъ наличности. Помимо обилія корреспонденцій въ столичныхъ и провинціальныхъ періодическихъ изданіяхъ (особенно, выходящихъ въ Одессѣ, Харьковѣ, Николаевѣ), въ самомъ Екатеринославѣ выходила въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, апрѣля и мая, спеціально-посвященная событію газета «Екатеринославскій Юбилейный Листокъ», помѣщавшая замѣтки и статьи, исключительно о жизни Екатеринослава и его окрестностей въ истекшемъ столѣтіи. Даже «Екатеринославскія Губернскія Вѣдомости», обыкновенно безжизненныя и наполненныя лишь сыскными статьями да перепечатками, стали помѣщать и «приватныя» замѣтки Егорова, Манжуры, Новицкаго и др., все по тому-же вопросу археологіи Екатеринослава, придававшія и этому омертвѣлому органу нѣчто оживленное. Въ эту-то пору и напечатаны обѣ книжонки, названія коихъ приведены нами въ заголовкѣ, и мы считаемъ необходимымъ сказать о нихъ нѣсколько словъ.

Книга «Первое столѣтіе», въ 19 печатныхъ листовъ (275 страницъ), составлена по порученію екатеринославской городской думы, выраженному въ постановленіи 19 февраля 1887 г. и возложенному на го-

родскую управу въ такой формулѣ: «отпечатать въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ докладъ управы, заключающій въ себѣ краткій исторический очеркъ города Екатеринослава за минувшіе сто лѣтъ». Управа же, въ свою очередь, поручила эту работу своему городскому секретарю Владимірову, въ распоряженіи котораго для исполненія этой работы оставалось (до 9 мая) около двухъ мѣсяцевъ. Всѣми этими условіями опредѣляются и характеръ изданія, и его содержаніе; и съ этой точки зрѣнія мы только и можемъ трактовать исполненіе г. Владиміровымъ своей задачи. Никакой программы для него не было дано; никакихъ, болѣе осязательныхъ указаній о содержаніи «краткаго историческаго очерка города Екатеринослава» не было сдѣлано. Время было спѣшное; медлить было некогда; надо было «хоть что нибудь» дать населенію по части исторіи города, и дума, вѣроятно, была-бы рада всякому «докладу», самого казеннаго и сухаго содержанія, какъ и вообще дѣловые управскіе доклады. Но г. Владиміровъ далъ думѣ не сухой докладъ, не бѣглый перечень чиселъ, именъ и событій, а очеркъ живой и чрезвычайно интересный. Напрасно рецензентъ „Русской Мысли", въ октябрьской книжкѣ (стр. 598-я), упрекаетъ трудъ г. Владимірова въ «случайномъ подборѣ матеріала» и въ его отрывочности, тѣмъ болѣе, что и ему извѣстенъ былъ короткій срокъ, данный на исполненіе (съ 19 февраля до 9 мая); упрекать въ этомъ слѣдуетъ, при ближайшемъ знакомствѣ съ вопросомъ, не составителя «Перваго столѣтія», а тѣхъ, которые сдѣлали порученіе, не соразмѣривъ ни времени, ни средствъ, ни условій предстоящей работы и не снабдивъ составителя всѣмъ тѣмъ, что для подобнаго труда было бы необходимо. Да и слова: «матеріалы для историческаго очерка» уже сами собою опредѣляютъ сущность задачи, какъ понималъ ее и самъ авторъ, а слѣдовательно и тѣ требованія, какія можно предъявить къ исполненію ея. Отъ «матеріаловъ» не требуется ни строгой систематичности, ни художественнаго изложенія, ни вообще отчетливой литературной обработки предмета; требуется лишь возможная полнота и доброкачественность собраннаго матеріала. Но разсматривая и съ этой зрѣнія точки работу г. Владимірова, мы думаемъ, что размѣры историческихъ матеріаловъ, вошедшихъ въ его книжку, можно было-бы значительно расширить. Разобранныя дѣла думскаго архива могли-бы дать, полагаемъ, много свѣдѣній, напримѣръ, о постепенномъ развитіи въ городѣ торговли и промышленности, о его врачебной и вообще санитарной части; о его территоріальномъ владѣніи и недвижимыхъ имуществахъ населенія, облагаемыхъ сборами; о системѣ и размѣрахъ обложеній сборами; о прежнемъ городскомъ управленіи и составленіи смѣтныхъ росписей; о проявленіи художественныхъ вкусовъ общества

(музыка, живопись, церковное пѣніе, архитектура, театральное искусство); наконецъ о выдающихся явленіяхъ внѣшней и внутренней жизни городскаго общества (примѣчательныхъ событіяхъ, эпидеміяхъ, внутреннихъ замѣшательствахъ, поморахъ, наводненіяхъ) и пр. и пр. Ничего почти по всѣмъ этимъ сторонамъ жизни города Екатеринослава за истекшее столѣтіе въ книжкѣ Владимірова нѣтъ, между тѣмъ какъ архивныя дѣла управы представляли для всего этого богатый источникъ, и воспользоваться имъ едва ли было трудно. Затѣмъ, и въ матеріалахъ, внесенныхъ въ книжку, видна недодѣланность, лишающая ихъ того значенія, какое они могли бы имѣть. Такъ напр., въ таблицѣ «Представители екатеринославскаго городскаго общественнаго управленія», на стр. 240, помѣстивъ списокъ городскихъ головъ и гласныхъ, начиная съ 1787—1887 г., составитель ограничился приведеніемъ лишь ихъ именъ, отчествъ и фамилій, безъ обозначенія званій и сословности; за послѣдніе же годы, съ 1871 г., со времени учрежденія новой думы, и совсѣмъ не поименовалъ гласныхъ. Подобные списки, съ указаніемъ сословности, могли бы служить отвѣтомъ на вопросы о причинахъ такого или иного хозяйничанія въ городѣ, о направленіи, такъ сказать, внутренней городской политики; но безъ указанія сословности городскихъ дѣятелей списки не имѣютъ, по нашему мнѣнію, никакой цѣны. Словомъ, книжка «Первое столѣтіе», хотя и дала намъ не мало о Екатеринославѣ весьма интересныхъ свѣдѣній, взятыхъ изъ разныхъ, мало доступныхъ, а частію и совсѣмъ недоступныхъ источниковъ, но могла бы дать ихъ, при тѣхъ же условіяхъ ея изданія, гораздо больше; но всецѣло винить въ такой неполнотѣ ея одного лишь автора ея, искренно признающаго, что онъ «далъ, что могъ и какъ умѣлъ», мы едва-ли въ правѣ. Виною этому всего болѣе сама дума, слишкомъ неопредѣленно выразившаяся о желаніи ея имѣть «докладъ» съ очеркомъ города Екатеринослава и не позаботившаяся поставить составителей такого «доклада» въ полную возможность удовлетворить ея желанію возможно-обстоятельнымъ обзоромъ.

Совсѣмъ иной характеръ имѣетъ другая книжка—«*Столѣтній юбилей города Екатеринослава*», составленная г. Корольковымъ. Предъявляя извѣстную притязательность на полноту и всестороннее изложеніе предмета, она даетъ намъ право отнестись къ ней съ болѣе строгими требованіями. Самъ авторъ, въ предисловіи, говоритъ, что онъ желаетъ дать «очеркъ жизни Екатеринослава за истекшія сто лѣтъ» и малую книжицу свою назвалъ первымъ выпускомъ. Это даетъ намъ право ожидать и послѣдующихъ выпусковъ, по выходѣ которыхъ можно будетъ говорить о цѣломъ изданіи. Авторъ не даетъ намъ подробной программы своего труда; онъ даже и вскользь не дѣлаетъ намека о томъ, какихъ

сторонъ жизни города Екатеринослава онъ думаетъ коснуться въ своемъ трудѣ. Говоря о значеніи юбилеевъ вообще, въ кротенькомъ вступленіи, названомъ имъ громкимъ именемъ «исторической замѣтки», онъ разсматриваетъ юбилей, какъ историческое событіе большой важности, съ «четырехъ» различныхъ точекъ зрѣнія, обхватывающихъ все прошлое города самымъ широкимъ образомъ. Это «предпосланіе» сулитъ намъ въ его будущемъ трудѣ именно подобное всестороннее изслѣдованіе нашего города, и мы можемъ только радоваться появленію такого труда и пожелать ему скорѣйшаго осуществленія. До этого же вожделѣннаго времени обратимся къ предлежащей брошюркѣ, сравнительно очень краткой, всего въ 126 страничекъ.

Собственно общимъ судьбамъ города Екатеринослава удѣлено въ этой брошюрѣ очень мало мѣста, 11-ть листочковъ (3—24 страницы); остальная же часть ея посвящена спеціально изложенію основанія и развитія екатеринославской епархіи и вообще учрежденій духовнаго вѣдомства. Въ изложеніи событій обще-городской жизни авторъ не пошелъ далѣе 1803 года, но и тутъ онъ говоритъ собственно о мѣропріятіяхъ административнаго свойства, касавшихся болѣе внѣшняго устройства города Екатеринослава. Послѣ книжки г. Владиміровa «Первое столѣтіе» и раньше вышедшей брошюрки Егорова: «Екатеринославское блуканіе» (см. Кіев. Старину, 1887 г., апрѣль), книжица г. Королькова не даетъ намъ въ этомъ отношеніи ничего новаго; это перефразировка того, что всякому уже извѣстно, положимъ, довольно гладкая и плавная, но никакъ не болѣе. Часть брошюры, излагающая судьбы екатеринославской семинаріи, сильно напоминаетъ статьи бывшаго ея преподавателя Никольскаго, помѣщавшіяся въ Екатеринослав. Епарх. Вѣдомостяхъ. Точной ссылки на эти статьи у г. Королькова не находимъ ни въ его «исторической запискѣ», гдѣ онъ указываетъ матеріалы для своего труда, ни въ рюбрикѣ «Епархіальныя Вѣдомости» (стр. 121), и хотя встрѣчается на стр. 70 бѣглое указаніе на нихъ, но затѣмъ «пользованіе» ими у автора вышло какъ-то слишкомъ рабское. Трудъ г. Королькова печатался первоначально въ тѣхъ-же Екатеринослав. Епарх. Вѣдомостяхъ (№№ 8, 9 и 10 за 1887 г.), такъ что весь первый выпускъ есть лишь оттискъ статеекъ, тамъ помѣщенныхъ. Пройдутъ-ли и послѣдующіе его выпуски чрезъ тѣ-же Вѣдомости, намъ неизвѣстно; но, преслѣдуя свою спеціальную задачу, Вѣдомости едва-ли не наложатъ особой окраски и на послѣдующую работу г. Королькова, а это не можетъ не ослабить общаго значенія его труда. Повременное помѣщеніе имъ своего очерка въ видѣ отдѣльныхъ статей давало ему полную возможность къ осмотрительности въ работѣ, къ точности изложенія. Посему не знаемъ, чѣмъ

объяснить напр. такой недосмотръ, какой встрѣчаемъ на стр. 29-й. Онъ говоритъ здѣсь, что „въ екатеринославской эпархіи не было ни одного монастыря“ въ пору перенесенія въ Екатеринославъ архіерейской каѳедры (1804 г.), а чрезъ три листика, на стр. 35-й, поясняетъ вдругъ, что «въ первое время по основаніи екатеринославской епархіи существовалъ въ ней только Самарскій монастырь“.—Затѣмъ вся его статья, посвященная екатеринославской епархіи, говоритъ почти исключительно о «пасущихъ» стадо Христово и ихъ дѣятельности, но совершенно умалчиваетъ о самомъ „пасомомъ стадѣ“ города Екатеринослава, о степени его религіозной воспріимчивости и взаимныхъ отношеніяхъ духовенства и жителей, о положеніи церквей и приходовъ, кладбищъ, церковныхъ братствъ и попечительствъ, буде таковыя существовали; словомъ, умалчиваетъ обо всемъ томъ, что именно составляетъ «исторію» жизни городской общины, что найлучше характеризовало-бы духъ и направленіе городскаго населенія и наиболѣе входило бы въ задачу самого автора—дать „очеркъ жизни города Екатеринослава“. Впрочемъ быть можетъ, авторъ все это восполнитъ въ слѣдующихъ выпускахъ своего изданія... Мы желали бы также, что-бы въ этихъ выпускахъ было поменьше сладкихъ рѣчей о дѣятеляхъ живыхъ, современныхъ, дѣйствующихъ на одномъ поприщѣ съ авторомъ и въ томъ-же служебномъ районѣ. Даже и достойное похвалы, при воздаяніи таковой подчиненнымъ, не можетъ не казаться не нужнымъ преувеличеніемъ, не можетъ не вызывать сомнѣнія въ объективности изложенія и потому значительно утрачиваетъ даже въ своемъ достоинствѣ.

Сопоставляя обѣ вышеназванныя книжки, нельзя не сознаться, что брошюра «Столѣтній юбилей Екатеринослава» настолько кратка и бѣдна фактами изъ общественной жизни этого города, насколько сравнительно богата ими книга «Первое столѣтіе города Екатеринослава», три главы которой—I, II и III (въ текстѣ 153 страницы) наполнены по преимуществу выдержками изъ дѣлъ и бумагъ архива екатеринославской управы и иныхъ источниковъ. Тутъ обиліе сырья даже затемняетъ общій порядокъ событій и лишаетъ изложеніе необходимой ясности и цѣльности представленія: очевидно, авторъ подавленъ былъ массою матеріала и не могъ разобраться въ немъ съ достаточною послѣдовательностью. Отсюда нежданные переходы отъ факта совершающагося къ давно-совершившемуся, возвраты къ событіямъ прежней поры, лирическія отступленія и вообще отсутствіе въ «Первомъ столѣтіи» прагматической стройности повѣствованія.—Общій обоимъ изданіямъ недостатокъ въ томъ, что они въ фактическомъ изложеніи устроенія города не идутъ далѣе 1803 г., съ этого же времени до послѣднихъ дней, прерывая послѣдовательное из-

ложеніе хода обще-городской жизни, даютъ лишь отрывочныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ ея сторонахъ.

«Историческаго очерка города Екатеринослава» намъ, очевидно, ни одно изъ названныхъ изданій не дало, и смутно-выраженное въ этомъ отношеніи желаніе городскихъ представителей осталось невыполненнымъ. Будущему бытописателю города Екатеринослава много далъ-бы, полагаемъ, «Екатеринославскій Юбилейный Листокъ», который, несмотря на краткое свое существованіе, успѣлъ вмѣстить въ себѣ не мало интересныхъ воспоминаній старожиловъ и вообще замѣтокъ весьма разностороннего содержанія. На страницахъ его высказывалось предположеніе о продолженіи „Листка". Осуществленію его можно-бы было лишь порадоваться. Наши населенные пункты, даже крупные города, такъ мало описаны, изучены и изслѣдованы, что всякая въ этомъ направленіи работа, всякая литературная затѣя не можетъ быть безплодна.

В—о.

Программа для собиранія этнографическихъ свѣдѣній, составленная при этнографическомъ отдѣлѣ Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи Москва. 1887 г.

Состоящее при московскомъ университетѣ общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи приступило къ изданію программъ для собиранія юридическихъ обычаевъ и этнографическихъ свѣдѣній. Сначала вышла въ свѣтъ программа для собиранія юридическихъ обычаевъ, въ видѣ отдѣльной книжки солидной величины, въ 335 стр., а теперь передъ нами лежитъ немного меньшая по объему этнографическая программа (147 стран.). Изъ находящагося въ началѣ программы введенія видно, что иниціатива этого полезнаго предпріятія принадлежитъ проф. В. Ѳ. Миллеру, а заслуга приведенія его въ исполненіе М. Н. Харузину и Н. А. Янчуку. Въ основу юридической программы положены програмы А. Ѳ. Кистяковскаго, П. А. Матвѣева и П. С. Ефименка; въ основу этнографической—программы Мангардта, Потанина, А. Матвѣева. При составленіи программъ имѣлись въ виду всѣ народности, населяющія Россію; но при этомъ указана научная потребность въ мѣстныхъ программахъ. «Потребность въ мѣстныхъ программахъ является уже теперь крайне настоятельною, замѣчаетъ г. Харузинъ. Сколь велика разница въ бытѣ жителей разныхъ мѣстъ Россіи, окажется очевиднымъ, если сравнить между собою даже чисто русскихъ крестьянъ,

напримѣръ, сѣвернаго поморья, московской губерніи и Новороссіи, великоросса съ малороссомъ и т. д.

Чтобы удовлетворить новымъ потребностямъ, которыя тѣмъ болѣе заявляютъ себя, чѣмъ обстоятельнѣе и глубже становится изученіе обычнаго права, программа для собиранія юридическихъ обычаевъ должна быть составлена изъ ряда мѣстныхъ программъ, выработаннымъ какъ по племеннымъ оеобенностямъ обитателей Россіи, такъ и по отдѣльнымъ полосамъ Россіи, обнимающимъ мѣстности, которыя имѣютъ общія типическія особенности быта». Замѣчаніе это сохраняетъ свою силу также въ приложеніи къ этнографіи.

Этнографическая программа заключаетъ въ себѣ вопросы по слѣдующимъ общимъ главамъ: 1) географическія и историческія свѣдѣнія, 2) антропологическія свѣдѣнія, 3) жилище и его принадлежности, 4) одежда, 5) пища и питье, 6) бытъ и занятія, 7) семейные нравы и обычаи, 8) вѣрованія, 9) языкъ, письмо, искусства и 10) народная словесность. Наиболѣе вопросовъ предложено относительно вѣрованій народа.

Полнота и подробность изданныхъ обществомъ любителей естествознанія программъ составляютъ и крупное достоинство ихъ, когда ими будутъ пользоваться спеціалисты, и недостатокъ ихъ въ приложеніи къ массѣ любителей этнографіи.

Такая полнота и подробность можетъ смутить или запугать человѣка неопытнаго въ дѣлѣ собиранія этнографическаго матеріала. Не всякому прійдетъ на мысль воспользоваться богатымъ арсеналомъ научныхъ вопросовъ, изложенныхъ въ программахъ. Желательно было бы на ряду съ этими прекрасными программами имѣть программы болѣе краткія, простыя, притомъ мѣстнаго характера, и тѣмъ и другимъ программамъ, толстымъ и тоненькимъ, дать самое широкое распространеніе по лицу всей русской земли, направляя мѣстныя программы, разумѣется, въ тѣ стороны, гдѣ наиболѣе могутъ ими интересоваться. Хотя давно уже прошли годы, благопріятные для изученія этнографіи, годы живаго увлеченія вопросами народнаго быта и любовнаго ихъ изученія, что потомъ такъ жестоко и грубо было осмѣяно съ придачей разныхъ „фильствъ", однако и теперь что нибудь можетъ быть сдѣлано въ области собиранія и изученія этнографическихъ и юридическихъ особенностей народа отдѣльными исключительными лицами, сохранившими еще въ глуши лѣсовъ или на просторѣ полей чистоту и цѣльность чувства любви къ родному краю. Самый фактъ появленія такого рода людей, независимо отъ того, что они соберутъ съ народнаго поля, будетъ уже отраднымъ фактомъ сохранности явленій жизни. **О.**

Холмскій народный календарь на 1888 годъ. Годъ IV. Изданіе холмскаго правосл. св. богородицкаго братства. Кіевъ. 1887 г.

Постоянные читатели «Кіевской Старины» достаточно ознакомлены съ характеромъ названнаго изданія, четвертый годъ выпускаемаго, по выраженію старинныхъ нашихъ издателей, «працею и коштомъ» существующаго въ городѣ Холмѣ при соборной рождество-богородичной церкви православнаго братства, возстановленнаго послѣ вѣковаго перерыва въ 1879 г. Едва ли однако не въ этотъ первый годъ холмскій календарь, если даже считать и нѣсколько лѣтъ его первоначальнаго выхода съ 1865 г., заслуживаетъ вполнѣ названія *народнаго*. Опытъ умудряетъ насъ во всемъ, и это сказывается даже на такомъ изданіи, какъ календарь. Давно чувствовалась потребность низвести холмскій народный календарь съ высоты научно-историческихъ изслѣдованій, для которыхъ, быть можетъ, не было тамъ и надлежаще подготовленныхъ дѣятелей, въ сферу религіозно-практическихъ интересовъ русскаго населенія холмско-подлясскаго края, едва начинающаго примыкать къ православно-русской жизни и въ нѣкоторой части то запутывающагося еще въ сѣтяхъ латино-польской пропаганды, то слѣпо-вѣрующаго ей и держащагося за нее, какъ держится слабое дитя за того, кто раньше далъ ему свою руку... Нѣкоторыя попытки къ удовлетворенію этой потребности дѣлаемы были раньше, но рѣшительно изданіе холмскаго братства становится на новый путь только теперь. Быть можетъ, исчерпано уже все, что можно было по добытымъ доселѣ матеріаламъ сказать о минувшихъ судьбахъ Холмщины и Подлясья; быть можетъ, просто руководство издательскимъ, да и вообще братскимъ дѣломъ перешло въ болѣе умѣлыя руки; но указываемой нами перемѣны не можемъ не привѣтствовать съ особою радостью.

Содержаніе холмскаго календаря на 1888 г. подраздѣляется на три части. Первая содержитъ собственно календарныя свѣдѣнія, общія и мѣстныя, во второй помѣщены популярныя статьи историко-практическаго характера, а третья представляетъ смѣсь практически нравоучительныхъ, медицинскихъ и сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній, съ нѣкоторыми офиціальными свѣдѣніями (о холмскомъ духовномъ училищѣ и братствѣ), заканчивающимися краткимъ отчетомъ о дѣятельности холмскаго братства въ $188^5/_6$ г.

Въ первой части, кромѣ хронологическаго перечня церковно-историческихъ событій, имѣющихъ отношеніе къ Холмской Руси, составленнаго правда безъ строгаго соображенія съ научно-историческими данными, и болѣе серьезно сдѣланнаго списка холмскихъ православныхъ епископовъ, со времени учрежденія холмской епархіи, обращаютъ на себя

вниманіе прекрасно задуманный и выполненный „Церковный годъ православнаго христіанина“, а также вполнѣ пригодныя для тамошняго сельскаго люда «Свѣденія о храмовыхъ праздникахъ и торжественныхъ празднованіяхъ въ церквахъ люблинской и сѣдлецкой губерній, съ показаніемъ крестныхъ ходовъ и мѣстъ особеннаго стеченія богомольцевъ». Въ „Церковномъ годѣ“ почтенный о. Антоній Медвѣдь мастерски дѣлаетъ историко-правоучительное объясненіе взятыхъ имъ на выборъ 13-ти дней въ году, отнюдь не изъ числа великихъ и найболѣе замѣчательныхъ. Чтобы дать понятіе о манерѣ его изложенія и его умѣньи самую общую истину примѣнить къ положенію и потребностямъ мѣстнаго населенія, приведемъ нѣсколько строкъ изъ наставленія по поводу 1-го января. Сказавъ о необходимости внутренняго обновленія въ новый годъ, о. Антоній дѣлаетъ такое обращеніе къ мѣстнымъ поселянамъ: «Люди! уразумѣйте свое достоинство: вѣдь мы первобытные жители этой страны, цѣлыя тысячелѣтія живемъ на землѣ Холмской Руси. Земля наша богата, а мы бѣдны. Почему? Потому, что не обновлялись съ каждымъ годомъ, какъ дерево, какъ природа... Чужіе люди пришли къ намъ, на нашу Русь, и за воротами нашихъ домовъ покупаютъ нашу землю, и на нашихъ глазахъ богатѣютъ, а мы смотримъ, заложивъ руки, не имѣя ни копѣйки, и пожимаемъ плечима. Соромъ намъ, соромъ“! Или вотъ выводъ изъ объясненія 2 мая, дня перенесенія мощей св. князей Бориса и Глѣба: „Даже нашъ народъ, холмщане и жители Подляской Руси, прибѣгалъ съ молитвами къ православнымъ князьямъ мученикамъ Борису и Глѣбу. Въ Голетовѣ на Подлясьѣ и теперь въ этотъ день храмовый праздникъ, храмовый праздникъ былъ недавно и въ Ортелѣ. Все это ясно говоритъ, что мы издавна были православными, отторгнуты правда на время къ уніи, но, благодареніе Богу, опять соединились съ православною церковію». Если это даже рядъ коротенькихъ поученій, которыя о. Антоній говорилъ въ своей приходской церкви, то тѣмъ болѣе они дѣлаютъ ему честь. Только въ такомъ духѣ и объемѣ и такъ просто можно говорить съ тамошнимъ сельскимъ людомъ. Это памятныя поученія знаменитаго въ своемъ родѣ о. Родіона Путятина!

На сколько умѣстны въ холмскомъ народномъ календарѣ и пригодны для возсоединеннаго съ православіемъ холмско-подляского русскаго населенія «Свѣденія о храмовыхъ праздникахъ» и пр., это можетъ вполнѣ понять только тотъ, кто знаетъ глубокую набожность этого населенія, воспитаннаго въ семъ направленіи общимъ строемъ господствовавшей тамъ польско-католической церковной жизни и ея пышныхъ церемоній. Къ особой чести и проницательности духовныхъ руководителей тамошняго возсоединеннаго люда надо отнести то, что они позаботились не

только поддержать, но распространить и усилить тѣ крестные ходы и торжественныя празднованія, какія существовали въ возсоединенныхъ приходахъ на пространствѣ двухъ смежныхъ губерній, люблинской и сѣдлецкой. Помѣщенныя въ холмскомъ народномъ календарѣ на 1888 годъ свѣдѣнія объ этихъ крестныхъ ходахъ и празднованіяхъ показываютъ, въ какіе дни въ году и въ какихъ приходахъ они совершаются и какое число богомольцевъ привлекаютъ. Кому изъ коренныхъ русскихъ не покажется удивительнымъ, что есть цѣлые десятки приходовъ, гдѣ они привлекаютъ отъ 1,000 до 15,000 богомольцевъ? Много ли на необъятномъ пространствѣ внутренней Россіи можно указать мѣстъ подобнаго проявленія народнаго благочестія и набожности? Богомольцы идутъ къ мѣсту праздненства большими или меньшими партіями, съ хоругвями, крестами, съ церковными или народно-набожными пѣснями и по пути слѣдованія поднимаютъ погрязшихъ въ суетѣ мірской, будятъ и поддерживаютъ въ народѣ религіозное настроеніе и память о чествуемыхъ святыхъ и святыняхъ. По приходѣ на мѣсто празднованія, они, во время торжественнаго богослуженія, пріобщаются святыхъ таинъ, а предварительно на исповѣди, тутъ-же совершаемой, получаютъ *отпущеніе* грѣховъ, откуда и самыя празднества получили названіе *отпустовъ*. Названіе, какъ и самое учрежденіе, очень давнее и общее какъ польско-католической, такъ и всей юго-западной русской церкви. Посредствомъ *отпустовъ*, пышно устраиваемыхъ, польско-католическіе ксендзы, совмѣстно съ уніатскими священниками, уловляли сотнями и тысячами православное населеніе Холмщины и Подлясья въ унію и католичество, а потомъ и самыхъ уніатовъ приводили къ тому же католичеству. Теперь православное духовенство той мѣстности ведетъ тѣмъ же путемъ бывшихъ уніатовъ къ православію, а въ возсоединившихся уже поддерживаетъ духъ единства съ русскою православною жизнью, наглядно представляя величіе, чистоту и умилительность православнаго богослуженія, совершая оное всенародно и даже подъ открытымъ небомъ, бесѣдуя съ народомъ объ истинахъ вѣры православной въ живыхъ и простыхъ бесѣдахъ его же языкомъ и огромными массами распространяя въ немъ православные крестики и образки, а также популярно составленныя и поучительныя книжечки, говорящія его уму и сердцу о его прошломъ и настоящемъ. Указать народу, гдѣ и когда происходятъ такіе отпусты, значитъ облегчить ему возможность принять въ нихъ участіе, и онъ, получившій вѣковую привычку къ такимъ торжествамъ, пойдетъ на нихъ и теперь и обновится духомъ, просвѣтится мыслію. Просматривая эти указанія въ названномъ отдѣлѣ холмскаго календаря, приходишь въ невольное изумленіе при видѣ того, какъ широко сѣются сѣмена древняго

«благочестія» и какъ быстро выростаютъ они, если уже теперь возможны многотысячныя стеченія богомольцевъ въ такъ недавно вполнѣ католической и глубоко фанатической Радечницѣ, въ Щебрешинѣ, насчитывавшемъ 20 лѣтъ назадъ едва 11 уніатовъ, въ Краснобродѣ, гдѣ ихъ было лишь 3, и т. д. и т. д. Вотъ что значитъ побивать врага его же оружіемъ!

Открывающему 2-ю часть холмскаго календаря популярному разсказу о св. равно-апостольномъ князѣ Владимірѣ предшествуетъ литографное изображеніе этого князя. Откуда оно и насколько приближаетъ къ намъ историческій образъ просвѣтителя Россіи? Сколько можемъ припомнить, такой образъ писалъ въ 1866 г. для холмскаго каѳедральнаго, тогда еще уніатскаго, собора пріѣзжавшій изъ Галиціи „историчный маляръ“ Устиновичъ, который на наше замѣчаніе о томъ, что въ изображенной фигурѣ примѣчается легкость, не свойственная русскому князю такого далекаго времени и напоминающая скорѣе легкую позу Аполлона Бельведерскаго, отвѣчалъ“: власне, мавемъ на угледи Аполліона, але то ницъ; бо скоро попущу му паса, то винъ стане грубшій въ плечахъ». И на представленномъ въ календарѣ изображеніи Владиміра „пасъ“ замѣтно „попущенъ“ и «плечи грубши», но осталась почти таже легкость фигуры и чуждые ей типъ лица и вышитая на выпускъ рубаха. Пора бы установить общій, хотя приблизительно вѣрный историческій типъ великаго просвѣтителя Россіи, чуждый всякой тенденціи!

Самый разсказъ о равно-апостольномъ князѣ Владимірѣ не отличается ни особою живостью и общедоступностію изложенія, ни строго соображеннымъ подборомъ лѣтописныхъ сказаній; но въ немъ довольно искусно установлена и показана, конечно, на основаніи преданія, связь равноапостольнаго просвѣтителя всей Руси съ Холмщиной, съ самымъ Холмомъ и съ однимъ изъ древнѣйшихъ окрестныхъ его поселеній, извѣстнымъ подъ именемъ Спаса.

Въ томъ же родѣ и духѣ слѣдующій разсказъ священника В. Якубовскаго о просвѣщеніи Руси св. крещеніемъ, принаровленный къ наступающему въ 1888 году празднованію 900 лѣтія сего событія и сопровождаемый литографированнымъ изображеніемъ крещенія кіевлянъ.

Разсказъ г. Шайдицкаго объ основаніи св. кіево-печерской лавры и о созданіи въ ней великой церкви воспроизводитъ слагавшіяся въ теченіе двухъ вѣковъ въ младенческомъ представленіи нашихъ предковъ легенды объ этомъ предметѣ, сообщенныя въ XIII уже вѣкѣ въ посланіи Симона, епископа суждальскаго, къ игумену печерскаго монастыря, въ какомъ видѣ сказанія эти вошли и въ печерскій Патерикъ. Къ этому разсказу приложенъ видъ великой церкви кіево-печерской лавры и колокольни при ней.

Небольшой также разсказъ свящ. П. Гапонова о жизни и подвигахъ преподобнаго Іова почаевскаго какъ нельзя болѣе пригоденъ для возсоединеннаго населенія Холмщины и Подлясья, по давней связи онаго съ почаевскою обителью и особымъ симпатіямъ къ ней. Но, подобно предъидущимъ разсказамъ, и онъ не держится на почвѣ строгой исторической дѣйствительности и еще менѣе ихъ можетъ похвалиться простотою и легкостью изложенія.

Двѣ «Бесѣды священника съ прихожанами по поводу самовольныхъ похоронъ», прот. Н. Страшкевича, весьма почтенны по замыслу и имѣютъ благую цѣль, но недостаточно, кажется, продуманы и обработаны. Вызваны эти бесѣды существованіемъ въ возсоединенномъ населеніи такъ называемыхъ «упорствующихъ», или по народному „калакутовъ", проще сказать не желающихъ быть православными и, за невозможностію исполнить случающіяся у нихъ требы но уніатскому или католическому обряду, рѣшающихся обходиться въ сихъ случаяхъ безъ всякаго священника и впадающихъ нерѣдко въ совершенное безвѣріе. Въ основѣ бесѣдъ факты мѣстной печальной дѣйствительности, доказательства же противъ защитниковъ самовольныхъ похоронъ заимствуются изъ Ветхаго Завѣта и менѣе ветхаго Свода Законовъ. Тонъ бесѣдъ не для пастыря, языкъ ихъ не для простаго народа, особливо той мѣстности. Діалогическая форма одна изъ самыхъ трудныхъ и требуетъ большой тонкости и искусства, иначе она просто не пригодна.

Иначе совсѣмъ построены слѣдующія за „бесѣдами" два разсказа: „Степанъ и Анна" и „Бесѣды стараго дѣда". Въ первомъ излагается простой случай, какъ молодые супруги изъ возсоединенныхъ, Степанъ и Анна, по поводу пріѣзда православнаго епископа въ одно село, пожелали причаститься св. таинъ, но подъ вліяніемъ мелочныхъ обстоятельствъ своей будничной жизни исполнили свой христіанскій долгъ не одинаково: первый съ благоговѣніемъ и къ великой душевной радости, вторая съ небреженіемъ, въ состояніи раздраженія, а потому къ пущей своей досадѣ, и въ этой-то незатѣйливой формѣ искусно проведена мысль о достойномъ приготовленіи къ принятію св. таинъ по духу и обычаямъ церкви православной. Во второмъ старый дѣдъ, пользующійся почетомъ и любовію всего села, прочитываетъ и толкуетъ молодымъ односельчанамъ извѣстный „Польскій Катехизисъ" 1717 г. объ уничтоженіи русской вѣры и народности въ русскихъ областяхъ Польши. Хотя это матерія нѣсколько трудная для пониманія народа, но «старый дѣдъ» справляется съ нею довольно успѣшно, особенно потому, что онъ, какъ и авторъ предъидущаго разсказа, очень хорошо владѣетъ языкомъ, близкимъ къ народному пониманію. По языку и изложенію этимъ послѣднимъ двумъ разсказамъ безспорно принадлежитъ первое мѣсто.

Относительно 3-й части холмскаго календаря скажемъ коротко, что вся она составлена очень разнообразно и разумно, проникнута желаніемъ прійти въ помощь тамошнему простому сельскому люду и, не смотря на свою краткость, даетъ ему весьма существенныя и полезныя свѣдѣнія въ нуждахъ и бѣдахъ его повседневной жизни. Особенно хорошо составлена и вполнѣ доступно и тепло написана статья А. Бескидина о посѣвѣ разныхъ кормовыхъ травъ.

Заканчивающій 3-ю часть и весь календарь краткій отчетъ холмскаго православнаго братства за 188$^{5}/_{6}$ г. оставляетъ въ читателѣ самое отрадное впечатлѣніе. Приращаются средства братства, расширяется его благотворная дѣятельность, видятся ясные признаки новой жизни тамъ, гдѣ два десятка лѣтъ назадъ, какъ на полѣ Іезекіилевомъ, приходилось съ подавляющимъ сомнѣніемъ вопрошать: *Господи, оживутъ ли кости сія?*

Отъ души желаемъ юному братству преуспѣяиія въ его начинаніяхъ и дѣлахъ, а его руководителямъ и всѣмъ потрудившимся въ изданіи столь разумной и полезной книжки для тамошняго русскаго люда всегда будетъ честь и великое спасибо отъ всего русскаго общества.

Холмскій старожилъ.

Сводная галичско-русская лѣтопись съ 1700 до конца августа 1772 г. Частъ I-я. Составилъ А. С. Петрушевичъ. Львовъ. 1887 г.

Мы только что получили книгу, названіе которой приведено. По краткости остающагося времени мы не можемъ представить здѣсь подробнаго ея разбора, ограничимся сообщеніемъ о ея выходѣ и самыми общими замѣчаніями о ея содержаніи и значеніи.

Имя достоуважаемаго составителя настоящей книги, о. А. С. Петрушевича давно пользуется почетною извѣстностью не только въ галицко-русской, но и нашей исторической литературѣ. Недавно въ семъ году, въ Львовѣ состоялось скромное чествованіе 35-лѣтія ученой его дѣятельности, прошедшее у насъ совершенно незамѣченнымъ.

Отличительный характеръ многочисленныхъ трудовъ о. Антонія Петрушевича по исторіи Руси Галицкой и вообще южной есть лѣтописный. Такой характеръ носитъ и настоящая работа. Годъ за годомъ авторъ кратко, а иногда и довольно обстоятельно, отмѣчаетъ всѣ сколько нибудь примѣчательныя событія въ судьбахъ южной Руси и преимущественно Галичины. Событія одного года записываются по мѣсяцамъ и днямъ, а при неизвѣстности ихъ нѣсколько событій записываются подъ рядъ, переходною жъ и связующею ихъ фразою служатъ въ большей части такъ обычныя въ малорусскихъ лѣтописяхъ слова: „того жъ року".

Большая или меньшая краткость записей зависитъ отъ характера событія, количества свѣдѣній объ немъ и источниковъ, изъ которыхъ заимствуетъ ихъ авторъ. Въ поясненіе и подтвержденіе записей изъ этихъ источниковъ авторомъ дѣлаются выписки. Эти-то выписки и составляютъ самую цѣнную часть книги, такъ какъ авторъ располагаетъ массою рукописей и старо печатныхъ изданій, ему лично принадлежащихъ или доступныхъ весьма не многимъ спеціалистамъ. Для любителей легкаго, хотя бы и историческаго чтенія трудъ о. Петрушевича представитъ значительную трудность какъ по способу изложенія, такъ и по языку; но не ихъ конечно онъ имѣлъ въ виду. Задачею его, какъ видно, было группировать, хотя въ хронологическомъ порядкѣ, всѣ имѣющіяся у него и доступныя ему историческія данныя и ими освѣтить судьбу своей родины вообще и въ частности за указанный періодъ времени, сдѣлавъ эти данныя достояніемъ людей науки.

Достопочтенный авторъ въ названномъ трудѣ не ограничилси исключительно ролью лѣтописца, но въ довольно обширномъ къ нему предисловіи устанавливаетъ ту общую точку зрѣнія, какая служитъ связующею нитью отмѣчаемыхъ событій. Во всей совокупности ихъ въ очерчиваемый періодъ онъ видитъ разширеніе уніи въ западно-русскихъ областяхъ съ постепеннымъ погубленіемъ въ нихъ русской народности не только въ средѣ православныхъ, но и уніатовъ, а это потубленіе, систематизированное проэктами уничтоженія Руси 1717 и 1786 гг., считаетъ прямымъ дѣломъ всей внутренней политики Польши, навязанной ей Римомъ и представляющей продолженіе борьбы, погубившей Моравское княжество. Съ этой стороны трудъ о. Петрушевича можетъ служить поучительнымъ указателемъ для современной польско-католической лиги въ Галиціи и для всего славянскаго запада. Какъ научная работа, онъ соединяетъ въ себѣ полную добросовѣстность и точность, обиліе драгоцѣннаго матеріала и необычайную кропотливость въ его собираніи и группировкѣ.

Настоящему своду предшествовалъ такой же сводъ событій 1600—1700 гг., напечатанный въ «Литературномъ Сборникѣ» галицко-русской Матицы 1874 г. Окончаніе этого свода событій 1772—1800 гг. авторъ обѣщаетъ издать въ непродолжительномъ времени. Грустно подумать, что «Сводныя лѣтописи» его же за XIV, XV и XVI ст. остаются не изданными «для недостатка иждивенія» и что только составленная имъ же «Сводная молдавско-русская лѣтопись» будетъ издана, какъ надѣется авторъ, «стараніемъ румыновъ, любящихъ свою отечественную исторію».

К. Шнейдеръ.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

Къ вопросу о южно-русскихъ апокрифахъ.

Недавно оконченная на страницахъ «Кіев. Старины» монографія г. Сумцова «Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифяческихъ сказаній и пѣсенъ» вѣроятно не нами одними, но и многими другими была прочтена съ большимъ интересомъ. Нельзя однако скрыть того, что, какъ всякій первый опытъ въ научной обработкѣ новаго матеріала, трудъ г. Сумцова, въ общемъ весьма добросовѣстный и талантливый, не лишенъ нѣкоторыхъ недосмотровъ, упущеній и, быть можетъ, прямыхъ даже ошибокъ. Будемъ надѣяться, что спеціалисты не преминутъ сдѣлать подробныя указанія на всѣ подобнаго рода недостатки въ новомъ изслѣдованіи молодаго ученаго; а пока что, да позволено будетъ намъ, лицу вовсе не спеціальному въ данной области, предложить два замѣчанія, или, точнѣе, дополненія къ названному труду: одно изъ нихъ касается вопроса о такъ называемой *евангелистой* пѣснѣ, а другое сказаній объ антихристѣ.

I. Евангелистая пѣсня.

Приводя мнѣніе г. Веселовскаго о томъ, что великорусскіе тексты евангелистой пѣсни пришли изъ югозападной школы, г. Сумцовъ замѣчаетъ: «трудно сказать что-нибудь положительное и опредѣленное, судя по одному галицко-русскому варіанту пѣсни (въ сборникѣ Головацкаго)... Въ Малороссіи, по видимому, не знаютъ евангелистой пѣсни». Нѣтъ, знаютъ ее хорошо и въ Малороссіи,

и можно лишь удивляться, почему она не вошла ни въ одинъ изъ малорусскихъ этнографическихъ сборниковъ. Разумѣется, знаетъ ее не простой народъ, къ которому, по справедливому замѣчанію г. Сумцова, и не могло привиться сухое догматическое содержаніе этой пѣсни, а знаетъ и донынѣ распѣваетъ ее то сословіе, въ средѣ котораго получила она и свое бытіе, т. е. малороссійское духовенство. Намъ неоднократно приходилось слышать эту пѣсню въ полтавской губерніи; ее обыкновенно пѣвали на храмовыхъ празднествахъ и тому подобныхъ съѣздахъ духовенства, и помнится, что въ пѣніи принимали участіе не одни священно- и церковно-служители, но и ихъ жены. Помню также, что среди полтавскихъ семинаристовъ въ 60-хъ годахъ пѣсня эта была общеизвѣстной; таковою же она была и нынѣ есть въ средѣ питомцевъ семинаріи кіевской, да вѣроятно, и многихъ другихъ. Очень жалѣемъ, что въ свое время не догадались записать сполна текстъ этой пѣсни. На дняхъ намъ сообщили мотивъ и текстъ ея изъ таращанскаго уѣзда, но, къ сожалѣнію, не сполна. Въ непродолжительномъ времени будемъ имѣть и полный текстъ, а пока помѣщаемъ лишь первую половину:

1. Ой ты, дяче, дяче ученый, надъ школами выбраный,
Скажи мени, дяче, що то есть *единъ?*
—Единъ Сынъ Маріи,
Той у неби царствуе,
Кролюе надъ нами.

2. Ой ты, дяче ученый, надъ школами выбраный,
Скажи мени, дяче, що то есть *два?*
—Дви таблыци Мусіёви,
Единъ Сынъ Маріи,
Той у неби царствуе,
Кролюе надъ нами.

3. Ой ты, дяче.., и проч., що есть *три?*
—Три янголи билохори
Дви таблыци Мусіёви и т. д.

4. Ой ты, дяче... що есть *штыри?*
—Штыри листы—вангелисты,
Три янголи билохори... и проч.

5. Ой ты, дяче... що есть *пять?*
—Пять ранъ терпивъ Панъ
За насъ гришныхъ христіянъ,
Штыри листы—вангелисты,
Три янголи... и проч.

Лице, сообщившее намъ эту пѣсню, къ сожалѣнію, не могло припомнить дальнѣйшихъ стиховъ, но увѣряетъ, что вопросы и отвѣты продолжаются далѣе числа 9, вѣроятно, они доходятъ до 12, каковое число, по изслѣдованію г. Веселовскаго, признается нормальнымъ для евангелистой пѣсни, распѣвавшейся въ средніе вѣка почти въ цѣлой Европѣ.

Сравнивая текстъ этой пѣсни съ галицкимъ (по сборнику Головацкаго), находимъ разницу, отчасти текстуальную, а особенно языковую: галицкій варіантъ переполненъ полонизмами. Ближе другихъ нашъ текстъ къ великорусскимъ варіантамъ, какъ по сходству большей части отвѣтовъ, такъ еще болѣе по тождественности выраженій (сравни, напр., отвѣтъ на первый вопросъ), что на нашъ взглядъ еще болѣе подтверждаетъ предположеніе г. Веселовскаго относительно происхожденія великорусскихъ варіантовъ этой пѣсни.

II. Сказанія объ антихристѣ.

Г. Сумцовъ справедливо замѣчаетъ, что въ концѣ XVI и особенно въ XVII ст. въ южной Руси, подъ вліяніемъ религіозныхъ преслѣдованій, сильно развилась идея о наступившемъ или близкомъ пришествіи антихриста; авторъ извѣстной «Книги о вѣрѣ» положительно утверждалъ, что появленіе антихриста должно состояться именно въ 1666 г. Въ ближайшей связи съ этими общими чаяніями, какъ намъ кажется, стоитъ одно любопытнѣйшее южно русское сказаніе XVII в. объ антихристѣ *уже народившемся,*—сказаніе, почему-то оставленное г. Сумцовымъ совсѣмъ безъ вниманія, между тѣмъ какъ оно дало бы ему благодарнѣйшій матеріалъ для интересныхъ соображеній и выводовъ. Сказаніе это называется «*История албо новина о анътихристѣ*»; текстъ его списанъ г. Голубевымъ изъ современной рукописи, принадлежащей извѣстному галицкому ученому Петрушевичу, и помѣщенъ нами въ VI томѣ 1-й ча-

сти «Архива юго-западной Россіи» подъ № 286. Отсылая спеціалистовъ къ подлинному тексту, считаемъ умѣстнымъ познакомить читателей съ содержаніемъ этого, повторяемъ, весьма любопытнаго апокрифа.

«История албо новина о анътихристѣ» составлена въ формѣ какъ-бы универсала отъ имени мальтійскаго магистра и «справцы кролевства и панства іерусалимского», адресованнаго князьямъ, панамъ и «кождому христіянскому человѣкови, великому и малому». Въ немъ повѣствуется о томъ, что въ 1634 году «у вавилонской краинѣ сталася барзо дивная и чюдная новина», именно народился антихристъ. Съ цѣлью точнаго освѣдомленія относительно этого событія, магистръ якобы посылалъ на мѣсто происшествія «на розвѣдки» нарочитыхъ пословъ, которые донесли ему слѣдующее. Мать антихриста—жидовка, по имени Кармута, «барзо красная и спанѣлая жена»; ея порожденіе не унаслѣдовало однако маменькиной красоты; вотъ его «тварь и постава»: черный цвѣтъ тѣла, короткая шея, «колчистая» голова, длинныя уши и уста, острые зубы, «зморщеное чоло» и все лице, «а нусъ (носъ) долгий и кривый, якъ орловый». Рожденіе чудовища было ознаменовано «дивами и зраками барзо великими»: днемъ нѣсколько разъ затмѣвалось солнце, а ночью «указалася великая свѣтлость и ясность, такъ, якобы огни изъ повѣтря падали надъ тымъ домомъ, въ которомъ ся народило». Тогда же всѣ горы «и пагорки пороспадалися на двое», а въ самомъ Вавилонѣ упалъ и разбился деревянный идолъ, а внутри его «оказалася картка», на которой было написано по жидовски: «южъ пришло нарожене антихриста, южъ ся народилъ». Въ тотъ же часъ, когда антихристъ родился, слышенъ былъ на 300 миль въ въ окружности «страшливый голосъ зъ неба: приправтесь, приправтесь и приймѣте сына моего! Благословенный будетъ, который увѣруетъ въ него, и не будетъ зотраченный»! На восьмой день дитя «почало ходити и мовити», и такъ разумно «мовило», что на его «розумъ великий людъ барзо ся чудовалъ». Съ того же дня антихристъ началъ «чуда великии чинити»: исцѣлялъ нѣмыхъ, глухихъ и хромыхъ, воскрешалъ мертвыхъ и творилъ разныя знаменія.—Когда послы обо всемъ этомъ донесли магистру, онъ созвалъ сеймъ, на которомъ было постановлено: избрать новую коммиссію изъ членовъ сейма, духовныхъ и свѣтскихъ, и послать ихъ

въ Вавилонскую землю «для большаго свѣдоцтва и для лѣпшей певности того всего, що ся тамъ стало». Новое посольство вполнѣ подтвердило донесенія прежнихъ пословъ. Сказаніе заканчивается слѣдующимъ увѣщаніемъ: «прего жъ вы, панове, и вы отци духовныи и все набоженства християнскаго и вѣры правдивое люде, пилно смотрите и всегды паметайте, що кончина вамъ ознаймуетъ... а быcте ся всѣ въ часъ трудный отъ сна пробудили и чуйными были завше во дни и въ нощи, а о томъ старалися, абысте тому злому и фалшивому антихристу опиратись умѣли, а зводитись не давали и не вѣровали ему, але при евангелии I. Христовомъ трѣвали и отъ него не отступовали, але и животъ свой при немъ скончали. Аминь».

Приписка: «тая новина... принесена до Угорскои землѣ року 1635 г.».

Приписка эта даетъ поводъ предполагать, что, быть можетъ, и самое сказаніе проникло въ южную Русь черезъ Угорскую Русь; но это должно входить уже въ область изслѣдованія апокрифа, каковое предоставляемъ сдѣлать спеціалистамъ.

О. Л.

Еще одна изъ древнѣйшихъ церквей въ Кіевѣ.

Въ одной изъ первыхъ книжекъ «Кіевской Старины» за 1882 г. помѣщена была любопытная замѣтка о томъ, какъ въ 1613 г. кіевляне, по поводу захвата уніатами соборной церкви св. Софіи, съ большою поспѣшностію поправили стоявшую впустѣ послѣ разоренія татарскаго церковь Успенія Божіей Матери на Подолѣ и на время замѣнили ею отнятую софійскую катедру; но о степени древности этой церквн, о времени ея построенія не было въ той замѣткѣ сказано ничего.

Оказывается, что эта церковь Успенія пресвятыя Богородицы, именуемая и по нынѣ градскою соборною, принадлежитъ несомнѣнно къ числу древнѣйшихъ въ Кіевѣ, къ постройкамъ древняго, великокняжескаго періода; въ этомъ убѣждаютъ насъ и ея планъ, представляющій собою удлиненный прямоугольникъ съ 3 абсидами или закругленными выступами на восточной сторонѣ, и матеріалъ, изъ

котораго она построена, именно: широкій и тонкій, почти квадратной формы, кирпичъ, а также толстые слои цемента изъ браиловской извести, смѣшанной съ жженымъ кирпичемъ. Кѣмъ и когда построена эта церковь, точныхъ историческихъ свѣдѣній о томъ нѣтъ; но можно полагать, что она была тѣмъ храмомъ, посвященнымъ чудотворной иконѣ Божіей Матери «Пирогощей», къ которому ѣхалъ, спускаясь по Боричеву изъ Кіевскаго Кремля, князь Игорь Святославичъ, по сказанію Слова о полку Игоревѣ. Это единственный случай указанія на существованіе этой церкви въ древнѣйшій періодъ. Затѣмъ ея имя не попадается нигдѣ въ русскихъ лѣтописныхъ сказаніяхъ. Въ первые встрѣчаемъ упоминаніе о ней уже въ XVI вѣкѣ въ ревизіи кіевскаго замка 1543 года. Къ 1581 году относится свѣдѣніе, что воевода кіевскій князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, отдалъ Щекавицкую гору подъ пашню во владѣніе настоятелю этой церкви, названному Матеробозскимъ протопопомъ. Съ 1613 по 1633 годъ кіево-подольская церковь Успенія Божіей Матери, какъ указано было въ вышеупомянутой замѣткѣ, замѣняла для православныхъ кіевлянъ отнятый у нихъ уніатами кіево-софійскій каѳедральный соборъ. Въ 1620 году ее посѣщаетъ іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ, возстановившій православную кіевскую митрополію. Въ 1651 году, при занятіи Кіева поляками подъ предводительствомъ князя Радзивилла, она сгорѣла вмѣстѣ съ прочими церквами Подола. Въ 1654 году успенская церковь была оправлена на столько, что въ ней совершенъ приводъ къ присягѣ бывшихъ въ Кіевѣ козаковъ и всѣхъ кіевлянъ на вѣрность подданства московскому государю. Въ томъ же году эту церковь посѣщалъ антіохійскій патріархъ Макарій, возвращаясь изъ Москвы. Въ 1672 году гетманъ Самойловичъ своимъ универсаломъ подтвердилъ пожалованное ей прежде право брать «помѣрное» или плату за мѣру съ зерноваго хлѣба, привозимаго на кіевскій базаръ. Въ 1772 году при ней построена отдѣльная каменная колокольня «общимъ милостиннымъ подаяньемъ», съ церковью въ нижнемъ ея этажѣ во имя св. великомученицы Варвары. Въ 1811 году, во время страшнаго пожара, постигшаго весь Подолъ, не уцѣлѣла и соборная успенская церковь, а въ 1830 году сломана до основанія ея прекрасная колокольня, оказавшаяся по новому плану г. Кіева по срединѣ улицы. Въ замѣнъ ея

въ 1835 году надстроена настоящая круглая колокольня надъ западнымъ придѣломъ, который самъ составляетъ пристройку первой четверти нынѣшняго столѣтія.

Вотъ все, что можно сказать о судьбѣ древнѣйшей изъ кіево-подольскихъ церквей. Скудныя эти свѣдѣнія можно дополнить еще кое-чѣмъ изъ отрывочныхъ замѣтокъ о Кіевѣ, сдѣланныхъ въ началѣ XVII вѣка въ древней рукописной книгѣ уставщикомъ той же успенской церкви, іереемъ Кириломъ Ивановичемъ.

Этотъ случайный хроникеръ самъ вѣрилъ древности церкви, при которой состоялъ, «оглядѣлъ въ ней все очима своими» и желалъ сказать что-либо о ея началѣ; но даже о томъ, «яко поправлена она на старомъ фундаментѣ, отъ перваго початку стараго, нигдѣ, говоритъ, въ кроникахъ не обрѣтохомъ». Оставалось одно указаніе, и то не на очень еще сѣдую тогда древность ея, это «антиминсъ на томъ же престолѣ старомъ, сице подписанный: Освятися олтарь великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа пресвятыя Богородицы честнаго ея успенія преосвященнымъ архіепископомъ и митрополитомъ кіевскимъ и всея Руси Мисаиломъ, при великомъ короли Казимери, а положенъ бысть здѣ въ лѣто 690-е (1474), индикта 6, марта 30 дня, на память преподобнаго отца нашего Іоанна Лѣствичника». Обрѣлъ еще о. Кирилъ въ какой то «Кроницѣ» извѣстіе близкаго за симъ времени о томъ, какъ при нападеніи на Кіевъ Менгли-Гирея, «сія божественная церковь была изнищена, все побрано серебро и злато, кресты и иконы полуплены (ободраны) и попалено все отъ поганаго царя перекопского и отъ нечестивыхъ его агарянъ»; какъ очевидецъ, онъ разсказываетъ, какъ исправляема была успенская церковь въ 1613 и слѣдующемъ году, замѣчая, что «поправлялъ ее майстеръ зе Влахъ (Италіи) Севастіанъ Брану», и по свѣжему преданію, а быть можетъ и личной памяти, передаетъ слѣдующія интересныя свѣдѣнія о первыхъ попыткахъ уніатовъ овладѣть кіевскими церквами (намекая тѣмъ косвенно и на судьбу успенской церкви) и о томъ отпорѣ, какой они здѣсь встрѣчали.

«Року 1609 панъ Жолковскій, гетманъ великаго князства литовскаго, наехалъ на воеводство кіевское. Того жъ року и святая Софія церковь остала отъ службы, не почали священники до неи со кресты ходити и службы Божои отправовати, пре то, ижъ митрополитъ Ипатій приступилъ до костела римскаго, и казалъ былъ

тамъ священникомъ кіевскимъ за себе Бога просити, за што и самъ зле живота своего доконалъ у Володимери; позвалъ поповъ мандатомъ на трибуналъ, да самъ и справъ своихъ не побралъ. А предъ нимъ былъ митрополитъ Михаилъ Рогоза. Тотъ начлникъ того болиства найпервей прислалъ тутъ до Кіева врядника своего, именемъ Янъ Хрушинскій, щырый ляхъ,—того николи не бывало,—который задавалъ трунковъ попамъ о послушенство; теды и того Богъ явне скаралъ, же якъ сытили медъ ко рожеству Богородици, хотѣлъ мѣть поповъ въ себе на обѣдѣ, имѣя сполечность показовать костела римского исъ церковью восточною; але не допустилъ котелъ: пришли до него сыты глядѣти, мусели въ немъ и долго сидѣти, а они еи не почали глядѣти, такъ и той далъ покой».

Послѣднее извѣстіе очень напоминаетъ другое, какъ козаки подобнаго же посланца Юзефовича, желавшаго захватить выдубецкій монастырь, пустили въ Днѣпръ подъ ледъ «воды пити».

П. Л—въ.

Къ древней топографіи Кіева.

По записанному въ нашей древней лѣтописи преданію объ основаніи города Кіева, у полянъ было три брата: Кій, Щекъ и Хоревъ, а также сестра Лыбедь; эти три брата съ родами своими жили на трехъ горахъ, которыя стали потомъ называться ихъ именами. Братья создали небольшой городъ и назвали его по имени старшаго брата Кіевомъ. Такъ осмыслялся фактъ основанія города Кіева примѣрно въ XI вѣкѣ: на мѣстѣ современнаго Кіева было раньше три поселенія, каждое на особой горѣ, названіе которой звучало именемъ одного изъ его первыхъ поселенцевъ; еще одно поселеніе было внизу на рѣчкѣ, называвшейся Лыбедью. Жители первыхъ трехъ поселеній основали общее укрѣпленіе или городъ на мѣстѣ главнаго, значительнѣйшаго поселенія, т. е. у старшаго брата, и городъ этотъ сталъ историческимъ Кіевомъ.

Не имѣемъ основанія сомнѣваться, что въ этомъ преданіи скрывается фактъ синойкизма трехъ поселеній, сперва обособленно существовавшихъ на вершинахъ трехъ кіевскихъ горъ, а затѣмъ слившихся своими промежуточными поселками. Это сліяніе сдѣлало

всѣ три поселенія какъ бы однимъ, а затѣмъ необходимость защиты вынудила жителей укрѣпить одно, конечно, важнѣйшее поселеніе, или по крайней мѣрѣ самую возвышенную часть его, гдѣ жители могли бы укрываться въ случаѣ опасности. Это укрѣпленіе на одной изъ горъ и было городомъ Кіевомъ, центральнымъ пунктомъ, отъ котораго шли не укрѣпленныя, но защищаемыя городомъ слободы. Очень возможно, что укрѣпленіе было предпринято съ цѣлью обезпеченія перевоза черезъ рѣку Днѣпръ, на что указываетъ другое, извѣстное въ древности преданіе объ основаніи города Кіева перевозчикомъ Кіемъ, встрѣчающее себѣ аналогію во многихъ народныхъ сказаніяхъ.

Мѣсто древняго города Кіева опредѣлено съ достовѣрностью: городъ былъ тамъ, гдѣ нынѣ находятся церкви Десятинная, Андреевская, Трехвятительская и прилегающія къ нимъ съ юго-востока усадьбы. Здѣсь и можно съ достовѣрностію полагать мѣсто поселенія лѣтописнаго Кія, заключавшаго и устроенный имъ «городъ», или укрѣпленіе.

Не трудно опредѣлить и ту гору, на которой, по лѣтописному преданію, было другое поселеніе втораго брата Щека. И лѣтописи и народныя преданія указываютъ на возвышенность, довольно близкую къ собственно кіевской и донынѣ называемую Щековицею, или, по мѣстному народному, Скавикою.

Иначе стоитъ дѣло относительно третьяго поселенія и горы Хоревицы, мѣстность которой остается еще неопредѣленною. Хотя на нынѣшнемъ Кіевскомъ Подолѣ и есть улица Хоревая, идущая отъ подошвы горы Киселевки, но названіе ея чисто административнаго происхожденія и относится уже къ XIX в.

Нѣкоторые изъ прежнихъ изслѣдователей, кажется начиная еще съ кн. Щербатова, руководимые идеей, что всѣ три горы названы лѣтописью въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ идутъ вверхъ по теченію р. Днѣпра, готовы были видѣть Хоревицу въ горѣ Вышгородской, отстоящей отъ города Кіева верстъ по крайней мѣрѣ на 12, такъ какъ ближе къ Щековицѣ вверхъ по р. Днѣпру горы нѣтъ. Но это предположеніе совершенно неосновательно; 12 верстъ и нынѣ большое разстояніе, а для того, весьма отдаленнаго времени, къ которому приходится пріурочивать укрѣпленіе Кіева, со-

вершенно не возможно такое сопоставленіе мѣстъ, столь удаленныхъ одно отъ другого въ топографическомъ отношеніи.

И такъ Хоревицу надо искать въ какой то другой горѣ, болѣе близкой къ кіевской, чѣмъ вышгородская, стоящей въ первой примѣрно въ такомъ же отношеніи, какъ и Щековица, и жители которой могли бы дѣйствительно въ случаѣ опасности стать подъ защиту города Кіева.

Намъ кажется, что лѣтопись дѣйствительно ставитъ всѣ три горы въ извѣстную систему, но не въ ту линейную, которую думали уловить въ лѣтописномъ разсказѣ прежніе изслѣдователи. Лѣтописный разсказъ помѣщаетъ Щековицу отъ Кіева на правой сторонѣ; естественно предполагать, что Хоревицу онъ помѣщалъ на лѣвой. Такъ размѣщаютъ народныя преданія другихъ мѣстностей лицъ, аналогичныхъ тремъ кіевскимъ братьямъ. Вотъ напр. извѣстный разсказъ о Рюрикѣ, Синеусѣ и Труворѣ. Первый селится въ Новѣгородѣ, у озера Ильменя, или въ Ладогѣ, у озера Нево (Ладожскаго), что безразлично; направо отъ него, если смотрѣть изъ Кіева, гдѣ записанъ въ лѣтопись разсказъ, на Бѣлѣозерѣ-занимаетъ мѣсто Синеусъ, на, лѣво въ Изборскѣ, у псковскаго озера, Труворъ. Въ такомъ же родѣ иноземныя преданія о трехъ основателяхъ ирландскихъ городовъ: Амлавѣ (Дублина), Ситаракѣ (Гватерфорда) и Иворѣ (Лимрика), или о трехъ сестрахъ богатыршахъ: Люціи, Розаліи и Маріи, основательницахъ крѣпостей Люцинской, Рѣжицкой (Розитенской) и Маріенгаузенской.

Конечно, не вездѣ въ разсказѣ о поселеніи трехъ родственныхъ лицъ можно наблюдать строгую симметрію; притомъ мы не всегда можемъ знать, или сообразить, гдѣ именно составилось преданіе, но все же старшее лицо живетъ по срединѣ, младшія по бокамъ. Нѣчто подобное можемъ усмотрѣть и въ библейскомъ разсказѣ о сыновьяхъ Ноя и размѣщеніи ихъ потомковъ, по которому, какъ ни толковать его, Симъ сидитъ среди братьевъ. Аналогично расположеніе земель, завоеванныхъ Гераклидами въ Полопонезѣ и хотя въ этомъ преданіи Лаконія, находящаяся въ центрѣ, досталась меньшому брату (собственно дѣтямъ его), но первенство меньшого брата, или сестры надъ двумя старшими, особенно если эти старшія обижаютъ меньшихъ, что именно имѣло мѣсто при дѣлежѣ Гераклидовъ, вещь обычная въ народныхъ сказаніяхъ. Не говоря уже

о легендахъ объ Иванушкѣ дурачкѣ и о Сандрильонѣ, какъ общеизвѣстныхъ, укажемъ на легенду о Кадмѣ, младшемъ изъ трехъ, но наиболѣе геройскомъ сынѣ царя Агенора, о Колоксаисѣ, младшемъ сынѣ скиѳа Тарштая, взявшемъ въ руки золото, которое обожгло руки его старшихъ братьевъ, а также на легенду о Психеѣ, хотя и младшей, но болѣе достойной. Изъ трехъ чешскихъ сестеръ: Любуша, т. е. любимая, тоже младшая сестра, владѣетъ Вышгородомъ; наконецъ тенденція, что младшій братъ можетъ стать выше старшихъ, есть и въ библіи.

Разсказъ о Любушѣ и ея сестрахъ, связывающій съ ихъ именами мѣста ихъ жительства, по видимому, располагаетъ эти послѣднія по теченію рѣки, хотя въ порядкѣ обратномъ нашему преданію о трехъ кіевскихъ братьевъ; но если допустить, что Касина могила лежала именно между городами Тетинымъ и Вышеградомъ, тогда разсказъ представитъ аналогію съ нашимъ кіевскимъ преданіемъ. Сходное размѣщеніе встрѣчаемъ въ позднемъ книжномъ чешскомъ разсказѣ о трехъ братьяхъ Чехѣ, Лехѣ и Русѣ: Лехъ живетъ около Чеха, а за нимъ Русъ.

Преданій, параллельныхъ появленію сестры Лыбеди при братьяхъ, тоже существуетъ достаточно; такъ въ греческихъ преданіяхъ Елена является при Діоскурахъ, Гармонія при Дардолѣ и Ясіонѣ, Клеопатра при Іетесѣ и Калаисѣ, Ифигенія при Орестѣ и Пиладѣ и т. д.

Слѣдуя порядку, отмѣченному болѣе или менѣе ясно во всѣхъ указанныхъ преданіяхъ, и кіевское поселеніе, связанное съ именемъ Хорева, естественно искать вблизи поселенія Кія, но въ сторону, нѣсколько обратную той, гдѣ находится Щековица, а потому не на Киселевкѣ, гдѣ нынѣ флоровскій монастырь, и не на древней Уздыхальницѣ, прилегавшей и причислявшейся къ горѣ Кія.

По видимому, всего естественнѣе было бы искать Хоревицу въ тѣхъ возвышенностяхъ праваго берега р. Днѣпра, которыя составляютъ ближайшую къ рѣкѣ часть такъ называемыхъ Липокъ. Но историческія свѣдѣнія объ этой мѣстности не допускаютъ подобнаго предположенія. Судя по лѣтописямъ и по сказаніямъ Патерика печерскаго, нынѣшнія Липки, а тѣмъ болѣе Печерскъ, были мѣстами не кіевскими, но отдѣленными отъ города Кіева лѣсистымъ удольемъ (нынѣшнимъ Крещатикомъ) и въ свою очередь покрытыми густымъ лѣсомъ, среди котораго были села, напр. Берестово, уже

не причисляемыя къ Кіеву. Этими дебрями надо было очень долго ѣхать въ печерскій монастырь; словомъ вся эта мѣстность еще въ XI в. не была Кіевомъ.

Извѣстно, особенно изъ разсказа кіевской лѣтописи о волненіяхъ въ Кіевѣ въ 1147 г., что г. Кіевъ въ то время былъ пересѣченъ оврагомъ, настолько глубокимъ, что черезъ него былъ построенъ мостъ. Найти мѣсто этому оврагу не трудно, тѣмъ болѣе, что голова его сохранилась еще и нынѣ. Это и теперь еще довольно широкій и глубокій оврагъ, идетъ съ Крещатика, отъ котораго онъ отдѣленъ уже домами, и оканчивается недалеко около михайловскаго монастыря; въ половинѣ же XII в. онъ пересѣкалъ всю нынѣшнюю площадь между михайловскимъ монастыремъ и софійскимъ соборомъ, шелъ тамъ, гдѣ нынѣ зданіе присутственныхъ мѣстъ, и далѣе выходилъ на сѣверъ, впадая въ ущелія, отдѣлявшія кіевскую гору отъ Щековицы; теперь вся эта часть оврага уже засыпана. По нашему мнѣнію, этимъ оврагомъ и отдѣлялась отъ горы Кія древняя Хоревица, которая занимала въ такомъ случаѣ мѣстность нынѣшняго софійскаго собора и окрестныхъ усадьбъ. Что здѣсь еще въ X в. были поселенія, и даже довольно значительныя, видно изъ того, что вел. кн. Ярославъ счелъ необходимымъ ввести эту часть города въ укрѣпленіе, соорудивъ кругомъ ея валы, остаткомъ которыхъ служатъ Золотыя Ворота. Вѣроятно тогда же улучшено было и сообщеніе между старымъ и новымъ городомъ, напримѣръ построенъ мостъ черезъ оврагъ, вслѣдствіе чего древнее хоревицкое поселеніе вполнѣ слилось съ Кіевомъ и св. Софія уже была построена въ Кіевѣ. Этимъ можетъ быть объясненъ и тотъ весьма странный фактъ, что названіе Хоревица, мелькнувъ всего одинъ разъ въ самомъ началѣ древней лѣтописи, исчезаетъ затѣмъ на вѣки, тогда какъ названія другихъ кіевскихъ урочищъ постоянно появляются въ разсказахъ о войнахъ въ Кіевѣ. Подобный фактъ не покажется страннымъ, если предположить, что Хоревица уже въ XI в. стала частью города Кіева. За этою же, обнесенною валами, частью города опять шли слободы, доходя до самой рѣчки Лыбеди, что и дало поводъ лѣтописи причислить Лыбедь къ семьѣ трехъ кіевскихъ братьевъ.

Возможно и еще одно предположеніе, что Хоревицею называлась гора, на которой стоитъ нынѣ михайловскій монастырь.

Мѣста для небольшаго поселенія здѣсь достаточно, и эта часть города довольно рано слилась съ Кіевомъ и могла потерять свое собственное названіе. А между этою горою и кіевскою находилось небольшое удолье, по которому шелъ Боричевъ взвозъ. Но именно этотъ-то путь и препятствуетъ видѣть въ михайловской горѣ Хоревицу, такъ какъ Боричевъ взвозъ, главный путь въ Кіевъ съ рѣки Днѣпра, т. е. съ мѣста переправы черезъ него и изъ Почайнской пристани, выходилъ на Кіеву гору и вся мѣстность этого взвоза причислялась къ Кіеву. Мало того, лѣтописный разсказъ какъ бы подчеркиваетъ, что именно мѣстность Боричева взвоза, т. е. михайловская гора, была первымъ мѣстомъ поселенія Кія, а потомъ уже три брата устроили г. Кіевъ тамъ, гдѣ онъ впослѣдствіи и находился. Если понять лѣтописный разсказъ такимъ образомъ, то еще удобнѣе признать за Хоревицу мѣстность нынѣшняго софійскаго собора, такъ какъ она съ третьей стороны замыкаетъ кіевскую возвышенность, къ которой съ одной стороны примыкаетъ михайловская гора, а съ другой подходятъ отроги Щековицы, четвертая же сторона обрывомъ падаетъ къ рѣкѣ Днѣпру, или, вѣрнѣе, къ прежней Почайнской пристани.

Окончимъ нашу небольшую замѣтку оговоркою, что мы не имѣемъ здѣсь въ виду вопроса о древнѣйшемъ поселеніи на мѣстѣ нынѣшняго Кіева. Очень возможно, что справедливы тѣ предположенія, которыя, на основаніи найденныхъ кладовъ, указываютъ на нынѣшній Подолъ, какъ на мѣсто самаго ранняго поселенія въ Кіевѣ. Пещеры въ обрывахъ около кирилловскаго монастыря тоже могутъ быть весьма древняго происхожденія, равно какъ и пещеры вдоль берега Днѣпра ниже цѣпного моста. Но все это не Кіевъ. Пространство, нынѣ занятое этимъ городомъ, такъ велико, что въ него вошли многія мѣстности, хотя бы напримѣръ тотъ же Печерскій монастырь, которыя по лѣтописямъ находились возлѣ Кіева, но не въ самомъ Кіевѣ. Кіевъ могъ втянуть въ себя многія и древнѣйшія поселенія, какъ втянулъ села Берестово, Предславино и др. Но мы вели рѣчь собственно о той мѣстности, которая была Кіевомъ при составленіи древне-русской лѣтописи (собственно свода), т. е. приблизительно въ XI—XII вѣкѣ.

Алексѣй Маркевичъ.

Изъ воспоминаній о Н. Д. Иванишевѣ.

Кому изъ читателей не извѣстно имя славнаго кіевскаго профессора, Н. Д. Иванишева, автора нѣсколькихъ капитальныхъ изслѣдованій въ области исторіи юго-западной Руси (Жизнь князя Курбскаго, О копныхъ судахъ, О сельской общинѣ), вице-предсѣдателя и одного изъ учредителей кіевской археографической коммисіи, принимавшаго самое дѣятельное участіе въ ея трудахъ и выработавшаго прекрасную программу для ея работъ, удерживаемую и нынѣ, бывшаго декана юридическаго факультета и ректора университета св. Владиміра, послѣ кратковременной службы въ Варшавѣ въ званіи вице-директора юридической коммисіи, мирно окончившаго жизнь въ Кіевѣ надъ грудами архивныхъ бумагъ, въ широкихъ замыслахъ о будущихъ работахъ? Въ обширной біографіи его, составленной вскорѣ послѣ его смерти проф. Романовичъ-Словатинскимъ, обстоятельно очерчена его профессорская и ученая дѣятельность, разсмотрѣны и обслѣдованы его научные труды, собраны многія біографическія о немъ свѣдѣнія; но осталась почти не тронутою его внутренняя жизнь, въ особенности та сторона его характера, которою онъ преимущественно остался въ памяти всѣхъ знавшихъ или приходившихъ съ нимъ въ какое-либо соприкосновеніе, именно его отрицательное по преимуществу направленіе и критическое отношеніе къ людямъ и ихъ дѣйствіямъ, сказавшееся между прочимъ въ выдававшейся его наклонности шутить и острить надъ всѣми и всѣмъ, не исключая и самаго себя. Это тотъ особый складъ души и мысли, которымъ покойный Николай Дмитріевичъ рѣзко выдѣлялся изъ среды его сослуживцевъ и знакомыхъ, который дѣлалъ его душою своего кружка, доставлялъ ему пріятелей, а нерѣдко и враговъ. Этой стороны въ его характерѣ я и хочу коснуться въ моихъ о немъ воспоминаніяхъ, удерживаясь отъ всякихъ выводовъ и заключеній.

Судьба привела меня къ Николаю Дмитріевичу еще се студенческой скамьи. Я писалъ диссертацію по исторіи уніи и мнѣ посовѣтовали обратиться къ нему за нѣкоторыми рукописными источниками и пособіями. Это было въ 1851 г. Николай Дмитріевичъ принялъ меня самымъ радушнымъ образомъ и снабдилъ меня всѣмъ, что только было у него подъ рукою, приглашалъ и впредь обращаться

къ нему, чѣмъ я охотно пользовался. Съ тѣхъ поръ и началось мое знакомство съ нимъ, не близкое, но самое искреннее, продолжавшееся, иногда съ большими перерывами, до самой его смерти, послѣдовавшей въ 1874 г. Отсюда-то у меня въ памяти тѣ случаи, о которыхъ хочу здѣсь разсказать.

Саркастическое настроеніе Николая Дмитріевича памятно мнѣ прежде всего по тѣмъ вопросамъ, съ которыми онъ встрѣчалъ меня, и тѣмъ сообщеніямъ, которыя онъ дѣлалъ мнѣ, когда я приходилъ къ нему.

— Скажите, какъ это у васъ тамъ, въ академіи, плетьми философію изгоняли? спрашивалъ онъ меня однажды, по поводу дошедшаго до него слуха о вырвавшемся у покойнаго митрополита Филарета восклицаніи: «плетьми ее, эту философію»! въ то время, когда послѣ отчетливыхъ отвѣтовъ по философіи, кто-то изъ студентовъ не могъ разсказать жизни св. ап. Павла. А этотъ митрополитъ памятенъ былъ Н. Д. по извѣстному случаю публичнаго перерыва его рѣчи въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорилось о конкубинатѣ.

— Скажите, спрашивалъ онъ въ другой разъ, какой это монахъ у васъ, въ семинаріи, составилъ психологію по *антифонамъ* и *сѣдальнамъ?*— Былъ дѣйствительно такой чудакъ, который вводилъ *антифоны* и *сѣдальны* въ свои лекціи по психологіи, разумѣется, ни къ селу, ни къ городу.

— Вообразите, встрѣтилъ онъ меня въ третій разъ: монахъ кіево-печерской лавры изобрѣлъ машину!—Не вѣрите? Я вамъ покажу.— И показалъ мнѣ книжку «Трудовъ вольнаго экономическаго общества» съ рисункомъ лодки, безъ паруса и веселъ плывущей вверхъ. Устройства машины, равно и имени изобрѣтателя, за давностію я уже не помню.

Само собою разумѣется, что эти и подобные случаи служили темою для дальнѣйшаго въ томъ же тонѣ разговора.

Въ одно изъ посѣщеній пришлось мнѣ присутствовать при разговорѣ декана Иванишева съ студентомъ, пришедшимъ просить о назначеніи ему стипендіи.

— Скажите, вы очень бѣдны? спрашиваетъ его Иванишевъ.— Быть можетъ вамъ нечего кушать? Такъ вы бы ходили ко мнѣ.

Студентъ смутился. Оскорбленное чувство ясно отразилось на его лицѣ. Иванишевъ замѣтилъ это и тотъ часъ перемѣнилъ разговоръ.

— Нѣтъ, это я такъ, шутя. А вы мнѣ пожалуста скажите, гдѣ вы живете.

— На Глубочицѣ (самая бѣдная часть Кіева и далекая отъ университета).

— У кого же?

— У бубличницы мѣщанки.

— Что же? Можетъ быть у нея дочь есть дѣвица?

— Есть.

— А вы бы приволокнулись за ней. Право. А она васъ бубликами стала бы кормить. Впрочемъ вы знаете мой характеръ. Не смущайтесь; тамъ ужъ какъ нибудь устроимъ вамъ стипендію.

Иванишевъ былъ одно время инспекторомъ классовъ въ кіевскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Кто въ то идеальное для институтовъ время не служилъ въ нихъ предметомъ обожанія? Даже горбатый Шульгинъ, даже одноглазый учитель пѣнія Петрашень, оба давно почившіе. А Иванишевъ имѣлъ много прекрасныхъ внѣшнихъ достоинствъ. Вотъ передаютъ ему однажды, что такая-то классная дама (подгулявшая на счетъ красоты) вздыхаетъ по немъ.

— Скажите ей, отвѣчаетъ Иванишевъ, что я лучше ея откапывалъ въ древнихъ курганахъ.

Если не измѣняетъ мнѣ память, ему принадлежитъ извѣстный каламбуръ относительно профессора Мирама или Мирома, точнѣе плохаго знанія имъ русскаго языка. А каламбуръ въ томъ, что проф. Миромъ, будучи приглашенъ на обѣдъ къ викарію 8-го ноября и придя къ обѣднѣ въ михайловскій монастырь, разсказывалъ будто потомъ преосвященному, какъ вѣжливо встрѣтилъ его въ церкви болшой священникъ, сказавъ очень громко: «*Миромъ Господу помолимся*»!

Въ день выхода изъ Кіева банды повстанцевъ въ 1863 году прихожу я рано утромъ въ помѣщавшуюся въ домѣ Иванишева канцелярію археографической коммисіи, которой я былъ секретаремъ Слышу, въ сосѣдней комнатѣ, въ которую дверь была открыта, сестра Николая Дмитріевича въ страшномъ испугѣ передаетъ ему о томъ, что повстанцы идутъ уже въ городъ и начнутъ рѣзню.

— Не безпокойтесь, сестрица, говоритъ ей Николай Дмитріевичъ. Вы не знаете еще, что какъ войны съ поляками дѣло древнее, то усмиреніе ихъ поручено нашей коммисіи древностей. Какъ пойдемъ мы съ нашимъ предсѣдателемъ, разнесемъ ихъ въ прахъ. Право!

Въ самомъ началѣ польскаго возстанія Иванишевъ былъ уже ректоромъ университета. Является къ нему депутація отъ студентовъ поляковъ и съ нахальствомъ, какое царило тогда въ нихъ, заявляетъ петицію относительно открытія въ университетѣ каѳедры польскаго языка, польской исторіи, польскаго права и еще чего-то, на томъ основаніи, что это край польскій и университетъ польскій же. Ивянишевъ съ серьезнѣйшею миною выслушалъ студентовъ и затѣмъ говоритъ:

— Я совершенно признаю справедливость вашихъ требованій. Сдѣлаю надлежащее представленіе и надѣюсь, что мое ходатайство будетъ уважено, тѣмъ болѣе, что край вскорѣ вновь можетъ принадлежать вамъ. Но, господа, если вамъ удастся возстановить Польшу и дойдетъ до выборовъ короля, пожалуста, не забудьте составить мнѣ протекцію...

Поклонился и ушелъ. Студенты потолклись на мѣстѣ и также вышли, не солоно хлебавши.

Въ ректорство Николая Дмитріевича читались въ университетской залѣ профессоромъ богословія Н. А. Ѳаворовымъ публичныя лекціи о Ренанѣ, по поводу извѣстной его книги: «Жизнь Іисуса». Талантливыя чтенія, блестящее изложеніе, превосходная дикція лектора, помимо самаго предмета, привлекли массу публики. Вѣ слушали съ напряженнымъ вниманіемъ, одинъ Иванишевъ сидѣлъ у каѳедры съ зажмуренными глазами. На мое замѣчаніе объ этомъ Иванишевъ отвѣчалъ мнѣ:

— Я, знаете ли, какъ только споръ заходитъ далеко, всегда предпочитаю вздремнуть немножко.

Ректура была больнымъ его мѣстомъ и тяжелымъ временемъ въ его жизни. Проѣзжался онъ тогда на сѣрыхъ, только не въ яблокахъ, проѣзжался и на счетъ университета. Не любилъ онъ новаго тогда устава: «завели, говоритъ, у насъ республику, а вы знаете, республиканское правленіе самое безтолковое». Въ то время въ университетѣ происходила борьба партій, возмущавшая его до глубины души.

Прихожу я къ нему какъ-то не скоро послѣ занятія имъ ректорской должности и застаю нѣсколькихъ профессоровъ. Спрашиваю: какъ же вы, о. ректоръ, на новой должности себя чувствуете?

— А видите ли, когда я сижу у нихъ въ совѣтѣ, то воображаю себя въ положеніи Спасителя въ храмѣ іерусалимскомъ и думаю: сотворить бы бичъ отъ вервія и...

Въ другой разъ, когда ему пришлось прежде времени оставить должность ректора, на вопросъ мой: кто же будетъ вашимъ преемникомъ? Николай Дмитріевичъ, въ присутствіи также нѣсколькихъ профессоровъ, отвѣчалъ:

— Пока еще они придумали только способъ выбора: будутъ примѣрять эти, знаете, бѣлые, и на кого они придутся, тотъ и будетъ моимъ преемникомъ.

Около того же времени состоялся 1-й внутренній заемъ съ выигрышами, а по всей Галиціи и Польшѣ собирались деньги на канонизацію Іосафата Кунцевича, на что требовалось 200,000 р.

— А знаете ли, говоритъ мнѣ Ивнишевъ въ одно изъ моихъ посѣщеній, я купилъ себѣ билетъ внутренняго займа.

— А на что онъ вамъ? спрашиваю. У васъ вѣдь и такъ денегъ куры не клюютъ.

— Какъ на что? Выиграю 200,000 т. и пошлю папѣ; онъ меня канонизуетъ вмѣсто Іосафата, на котораго поляки не могутъ собрать такой суммы. И представьте: доселѣ не было изъ ректоровъ университета никого во святыхъ, а тутъ вдругъ....

Тутъ же въ ректорской квартирѣ происходило однажды годичное собраніе членовъ археографической коммисіи. Я читалъ отчетъ. По прочтеніи отчета усѣлись за чай, роскошно сервированный гостепріимнымъ хозяиномъ. За чаемъ мы, какъ археографы, вели рѣчь больше о древнихъ манускриптахъ. Къ концу уже, когда матеріалъ для разговора сталъ истощаться, покойный профессоръ Селинъ, извѣстный своею аффектированною декламаціею, сталъ декламировать посланіе Іоанна Грознаго къ монахамъ Іосифова волоколамскаго монастыря.

— Помните, говоритъ, какъ смиренно онъ начинаетъ: «У, лютѣ мнѣ, псу смердящему»! А потомъ, войдя въ свой нравъ, какъ начнетъ: «ахъ вы, кабацкіе пропойцы!» и т. д.

И, воодушевившись, Селинъ прочелъ все посланіе до конца. Настало общее молчаніе. Тогда Иванишевъ, сидѣвшій рядомъ съ Селинымъ, наклоняется къ нему въ полъоборота и говоритъ:

— А что, Александръ Ивановичъ, небось и вы иной разъ, сидя въ минуты раздумья, восклицаете про себя: «У, лютѣ мнѣ»!...

Раздался всеобщій хохотъ и тѣмъ ученое засѣданіе наше окончилось.

Любилъ Николай Дмитріевичъ пошутить и надъ собою. Былъ онъ сынъ священника кіево-подольской успенской церкви и никогда не скрывалъ своего духовнаго происхожденія, какъ-то дѣлали въ ту пору многіе; напротивъ любимою его шуткою при встрѣчѣ съ однимъ изъ священниковъ, состоявшимъ при той же церкви, было: «а, вы отбили у меня приходъ!» и т. д.

Раобралъ онъ свой флигелекъ и сталъ строить домъ на улицу. Прихожу я, а онъ говоритъ: «рекохъ въ сердцѣ моемъ: разорю житницы моя и большая сихъ созижду». А потомъ прибавилъ: «безумне, въ сію нощь душу твою истяжутъ»...

Пришелъ я къ нему разъ послѣ пожалованія его генеральскимъ чиномъ и спрашиваю о здоровьѣ.

— Теперь лучше, а то мнѣ совсѣмъ было худо стало. Представьте, ничего не могу дѣлать. За что ни возьмусь, все валится изъ рукъ. Думаю: засидѣлся. Пошелъ пройтись, все равно. Пойду, думаю, въ гости. Опять тоже. Что такое со мною?—Ба! догадываюсь наконецъ; я дѣйствительный статскій совѣтникъ. Забылъ объ этомъ, и работа, какъ по маслу, пошла.

Извѣстенъ переходъ его въ Варшаву и обстоятельства, его сопровождавшія. Вмѣсто обѣщаннаго директорскаго мѣста ему предоставили лишь мѣсто вице-директора въ юридической коммисіи и въ добавокъ насадили въ помощь его ученой работѣ людей съ бору да съ сосенки. Самолюбивый отъ природы и серьезный въ работѣ, онъ не могъ сносить этого положенія, и добродушная въ большей части его шутка переходила уже въ злую иронію. Былъ я не разъ у него въ Варшавѣ и видѣлъ возроставшее его недовольство, заставившее его наконецъ бросить службу и возвратиться къ своимъ пенатамъ.

— Наѣхали, говорилъ онъ, сюда русскіе дѣятели; а поскребите любого: или нѣмецъ, или татаринъ... Бываю иногда у А. Ѳ. Кошелева. У него, знаете, сейчасъ кулебяка, бараній бокъ съ кашей...

— А что тотъ вашъ, что говорилъ въ Немировѣ: «я за православіе готовъ голову сложить»? (Намекъ былъ на Ѳ. Ѳ. Витте).

Спросилъ я какъ-то о коммисіи, юридической, конечно.

— Да что, говоритъ, насажали мнѣ сюда такихъ *филовъ*, что не знаютъ ни носа, ни рыла... Давно, знаете, хочу бросить все и въ Кіевъ уйти. Одно только останавливаетъ. Помните вѣдь, меня сюда,

какъ восьмое чудо, выписывали, въ Петербургъ вызывали, государю представляли. И вдругъ это восьмое чудо бѣжитъ... Вотъ что!

Изъ Варшавы проѣхалъ Николай Дмитріевичъ однажды въ Люблинъ порыться въ архивѣ люблинскаго трибунала. Было это въ концѣ 1864 или началѣ 1865 г. То была пора самаго высшаго поднятія тамъ русскаго духа. Квартировавшіе въ Люблинѣ военные разнаго оружія рѣшили почтить славнаго ученаго обѣдомъ, устроеннымъ въ клубѣ. При тостѣ за его здоровье много говорили о томъ, что самое прочное завоеваніе путемъ науки и что хотя молъ мечи наши и сокрушили польскую гидру, но что дальнѣйшая работа принадлежитъ вашимъ головамъ.

— Итакъ, господа, провозглашаетъ Иванишевъ въ отвѣтъ на эту любезность, за ваши мечи и наши головы!

Громкое ура, шумныя оваціи и все такое. Съ тѣмъ и проводили рѣдкаго и почетнаго гостя. Только уже немного спустя спохватились, что въ его тостѣ была ѣдкая острота. Бросились къ Николаю Дмитріевичу за объясненіемъ, а его и слѣдъ простылъ,— укатилъ въ Варшаву.

По переселеніи Иванишева въ Кіевъ доходили до меня слухи, что онъ тамъ скучаетъ, сталъ нелюдимымъ, никого не принимаетъ, самъ нигдѣ не бываетъ и ничего не производитъ. Пріѣзжаю въ 1869 г. въ Кіевъ и первымъ дѣломъ къ нему. Къ удивленію, онъ принялъ меня самымъ радушнѣйшимъ образомъ, съ живѣйшимъ любопытствомъ распрашивалъ о Варшавѣ и Польшѣ, разсказывалъ о задуманныхъ имъ научныхъ работахъ, строилъ широкіе планы. Не обошлось и въ этотъ разъ безъ обычныхъ его шутокъ. даже надъ самимъ собою. Разстались мы самымъ сердечнымъ образомъ. Но это было послѣднее наше свиданіе.

Припоминаю еще: когда Николай Дмитріевичъ велъ меня, въ качествѣ новаго члена археографической коммисіи, въ центральный архивъ, то говорилъ съ добродушнѣйшей усмѣшкой: «я васъ введу въ храмъ безсмертія, въ которомъ самъ много времени провелъ. И представьте, мы оба будемъ безсмертны»! Но и его судьба привела лишь къ почетной извѣстности.

Ѳ. Лобода.

Междуплеменныя соприкосновенія.

Три сосѣдственныя и родственныя племена: великорусское, малорусское и польское, а также влѣзшее въ среду ихъ чужеядное жидовское племя въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ приходили въ постоянныя, то такія, то иныя соприкосновенія другъ съ другомъ, и это отразилось въ сознаніи каждаго изъ нихъ и породило массу сказокъ и анекдотовъ, характеризующихъ взглядъ ихъ другъ на друга и самыя ихъ соприкосновенія.

Хохолъ въ глазахъ великороссіянина представляется дураковатымъ и «москаль» всегда проводитъ «безмозглаго хохла». Анекдотовъ на этотъ счетъ и не перечтешь. Общеизвѣстенъ одинъ изъ нихъ, какъ хохолъ, забравшись въ Москву, считалъ галокъ или воронъ на Ивановской колокольнѣ и заплатилъ за то не мало ловкому солдатику. Но вотъ отвѣтный анекдотъ.

Пріѣхали хохлы въ Москву на волахъ съ какимъ-то провіантомъ, который должны были сдать въ Кремлѣ. Нало было въѣзжать чрезъ Спасскія ворота. Показался первый возъ и его хозяинъ, а часовой: «шапку долой»! Повернулъ хохолъ головой; видитъ, всюду иконы, а предъ одной горитъ лампадка, и кричитъ къ своимъ:

— Гей, Иване! не наганяйсь, та назадъ завертай.

— Чого?

— Бо въ церкву заихали.

Другой анекдотъ.—Шелъ хохолъ лѣсомъ, встрѣчаетъ его разбойникъ изъ великороссіянъ. Повалилъ хохла и хотѣлъ зарѣзать.

— Дядечку, голубчику! взмолился къ нему хохолъ. Не рижъ мене; отдамъ тоби все, що маю, тильки даруй мене душею.

— А что у тебя естъ? спрашиваетъ разбойникъ.

— Е хлибъ и сало.

— Ну, давай хлибъ и сало. Покушаемъ прежде, а потомъ я тебя зарѣжу, потому—выдашь меня.

Усѣлся разбойникъ, порѣзалъ сало на мелкіе куски, накалываетъ по кусочку на ножъ и отправляетъ прямо въ свою пасть. Хохолъ долго посматривалъ на своего обидчика и, какъ только тотъ еще разъ поднесъ ножъ ко рту, онъ кулакомъ по ножу. Погалился разбойникъ, а хохолъ къ нему, связалъ ему руки, оторвалъ отъ сапога старую подошву и давай пилить ему горло.

— Да не мучь ты меня, безмозглый хохолъ! кричитъ разбойникъ. Возьми ножъ да скорѣй кончай.

— Э! говоритъ хохолъ, посмотрѣвъ на солнце. До вечера ще далеко; допиляю и пидошвою.

У поляковъ сложился иной взглядъ на хлопа-русина. Мужикъ ворона, а хитрійшій видъ чорта—пословица польская. Анекдотовъ впрочемъ на эту тему не много или почти нѣтъ, такъ какъ вообще они слагаются въ средѣ народной, а съ народомъ польскимъ мы мало соприкасались. Но относительно пановъ польскихъ у насъ масса анекдотовъ и сказокъ.

Есть сказка, начинающаяся словами: «Ой бувъ соби Конинъ, та пишовъ до пана красти коней, а Тихинъ та й знавъ объ тимъ, а Панасъ та й той прыйшовъ до насъ». Суть ея въ томъ, что три мужика, провѣдавъ, что набожный ихъ панъ боялся страшнаго суда даже во время сна и, чтобы убаюкивать себя, клалъ у своей постели казачка, которому, просыпаясь, велѣлъ каждый разъ разсказывать какую либо сказку, воспользовались этимъ, чтобъ одурачить пана и увести его лошадей, да и обокрасть совсѣмъ. Одинъ изъ нихъ, по уговору съ козачкомъ изъ своихъ же, замѣнилъ его у постели пана, пробравшись чрезъ незапертыя двери, и когда панъ въ просонкахъ крикнулъ: «бай байку»! разсказалъ ему какую-то страшную сказку, предвѣщавшую скорую кончину міра. Подъ впечатлѣніемъ разсказаннаго панъ грезилъ, а когда проснулся, увидѣлъ, что вся комната освѣщена яркимъ свѣтомъ, доходившимъ со двора. Онъ бросился къ окну и видитъ,—земл горитъ, а то остальные воры зажгли на дворѣ сотни восковыхъ свѣчекъ. Панъ къ дверямъ, а оттуда входятъ два хлопца въ бѣломъ, съ свѣчками въ рукахъ, и говорятъ: «пришли отъ Бога по твою душу! Лизь сюды въ мишокъ, понесемъ тебе на небо». Потерявшійся отъ страха панъ полѣзъ въ мѣшокъ, хлопцы понесли его и повѣсили въ полѣ на вербѣ при дорогѣ. Вѣтеръ колышетъ, а панъ думаетъ, что летитъ на небо. Тѣмъ временемъ Кононъ, Тихонъ и Панасъ обобрали пана дочиста и увели всѣхъ его лошадей. Только на утро слѣдующаго дня одураченнаго пана снялъ съ вербы его сосѣдъ, проѣзжавшій мимо.

Другой анекдотъ на счетъ панскаго лакомства.—Ѣдетъ панъ мимо пруда, а изъ пруда выкинулась большая щука. Панъ спрашиваетъ своего фурмана, чтобы тотъ сдѣлалъ, еслибъ ему пойма-

лась такая щука.—А щожъ? отвѣчаетъ тотъ; ошкромадивъ бы та въ капусту вкинувъ.—Панъ такъ и шарахнулся съ нетычанки. Фурманъ къ нему, ничего не подѣлаетъ; лежитъ панъ безъ признаковъ жизни. Ѣдетъ другой панъ, распросилъ фурмана, въ чемъ дѣло и говоритъ.

— O gałgan jesteś, kiep! Powinien-byś odpowiedzić, że zgotuje z niej nadziewanę, ta z octem, ta z chrzanem, ta z pieprzem, ta z olejkami...

Панъ задвигалъ ногами, зачмокалъ губами и сказавъ: «o to co innego»! поднялся съ земли и, выбранивъ фурмана, поѣхалъ дальше.

Анекдоты о жидахъ осмѣиваютъ ихъ жадность къ деньгамъ, трусость, лукавство и пр. Вотъ одинъ изъ цѣлой массы. Ѣдетъ жидъ съ мужикомъ ночью черезъ лѣсъ. На встрѣчу ему разбойникъ и требуетъ денегъ. Видитъ жидъ, разбойникъ дряблый и безоружный, а съ нимъ мужикъ здоровый; набрасывается на разбойника, бранитъ его, какъ можетъ, грозитъ связать и къ становому доставить. Вдругъ изъ-за деревьевъ еще пять молодцевъ. Жидъ униженно подбѣгаетъ къ старшему изъ нихъ и говоритъ:

— Ну, отъ цоловикъ поважный, я сёму дамъ гроши, а не тоби, свиня, мурло, сто цортивъ въ твою голову....

— А бы гроши, отвѣтилъ старшій, и—обобрали жида до нитки.

Но вотъ анекдотъ, аналогичнаго которому не приходилось намъ слышать.—Ѣдетъ молодой парубокъ съ молодою же жидовкою куда-то въ далекое мѣстечко. Стали въ полѣ ночевать. Ночь темная. Жидовка дрожитъ отъ страха въ возу, а парубокъ изъ предосторожности привязалъ возжами хомутъ и отъ скуки дергаетъ возжей, поглядывая на пасущуюся вблизи лошадь. Хомутъ то поднимется, то опустится, точно что прыгаетъ.

— Иванку, Иванку! а що то скаче? кричитъ испугавшаяся жидовка.

— А що? Вовкъ, отвѣчаетъ тотъ.

— Ой, Иванку, лизь до мене, сховай мене одъ вовка!

Иванко полѣзъ въ возъ и тамъ уже объяснилъ жидовочкѣ, что напугалъ ее хомутомъ, а спустя не много опять на свое мѣсто.

— Иванку, Иванку! кличетъ не много погодя жидовка уже другимъ голосомъ.

— Чого тоби? откликается Иванко.

— А знаешь що? Налякай мене ще разъ хамутою....

И. Кулюмбашъ.

„Царь-Максиміліанъ" въ Ковлѣ.

Рождественскіе праздники въ Ковлѣ (волынской губерніи) празднуются мѣщанами также, какъ и въ другихъ городахъ и селахъ той же губерніи. И здѣсь, какъ и въ другихъ городахъ, на второй и третій день праздниковъ мальчики дѣлятся на небольшія группы, устраиваютъ такъ называемыя звѣзды и съ ними ходятъ подъ окна домовъ колядовать. Взрослые безъ звѣзды ходятъ колядовать, а передъ Новымъ годомъ щедровать, въ самый же Новый годъ мальчики посыпаютъ. Наканунѣ Новаго года мѣщанскіе парни рядятся: кто евреемъ, кто цыганомъ и т. п. и съ музыкой ходятъ по домамъ своихъ знакомыхъ. Особенность же здѣсь въ празднованіи Рождества Христова, какой нѣтъ, кажется, на Волыни нигдѣ, заключается въ томъ, что во время праздниковъ парнями мѣщанами играется «Царь-Максимильянъ». Это длинная пьеса, и передается по памяти изъ устъ въ уста, а списанной нѣтъ. Обыкновенно задолго еще до Рождества, Филиповымъ постомъ собирается большая партія парней и мальчишекъ (нужное число, по числу ролей) и разучиваютъ пьесу; каждый старается выучить данную ему роль; а дѣло это не легкое, ибо учить ее приходится не по запискамъ, а изустно, пьеса же очень длинная. Репетиціи дѣлаются часто и труппа любителей актеровъ бываетъ довольно многочисленна, такъ какъ дѣйствующихъ лицъ въ пьесѣ довольно много: царь Максимильянъ, сынъ его, Скороходъ (адъютантъ), Черный арапъ, Гробокопатель, Великовоинъ и мн. др. Великовоиномъ всегда выбираютъ какого либо рослаго сильнаго парня.

Съ наступленіемъ праздника вся труппа любителей актеровъ, каждый въ соотвѣтствующемъ его роли костюмѣ, идетъ по домамъ и въ каждомъ разыгриваетъ пьесу. Труппа обыкновенно ждетъ у дома на дворѣ, а впередъ въ хату посылаютъ скорохода (адъютанта) спросить хозяевъ, позволятъ ли показать «Царя Максиміліана». Скороходомъ обыкновевно бываетъ какой либо шустрый,

бойкій на словахъ и на дѣлѣ парень, который, какъ говорится, за словомъ въ карманъ не полѣзетъ. Скороходъ, войдя въ домъ, обыкновенно говоритъ шуточками и прибауточками, какъ бы предисловіе, а затѣмъ уже говоритъ о дѣлѣ, за которымъ пришелъ, спрашиваетъ, можно ли представить «Царя Максимиліана»? Вотъ образчикъ рѣчи Скорохода: «Здравствуйте, почтенные господа! Я не самъ, но съ царской свитой пріѣхалъ сюда. У меня сюртукъ парадный! въ тридцать три заплатки; у меня заплатки гладки... Можно ли представить «Царя Максимиліана»? Хозяева обыкновенно отвѣчаютъ согласіемъ. Тогда Скороходъ извѣщаетъ объ этомъ труппу, и она входитъ въ домъ и начинается игра, по окончаніи которой хозяева награждаютъ труппу деньгами, иногда усаживаютъ всю ее за столъ и угощаютъ. Труппа изъ одного дома переходитъ въ другой и обходитъ весь городъ.

Какъ самая пьеса, такъ и игра ея весьма интересны. Ковельскіе парни играютъ съ воодушевленіемъ, непринужденно и подъ часъ совсѣмъ хорошо; видно, что она пришлась имъ по вкусу. Я старался добиться, когда и какъ эта пьеса попала сюда, и вотъ что мнѣ разсказали объ этомъ.

Давно давно когда-то забрелъ въ Ковель и поселился на концѣ города отставной солдатъ. Откуда онъ самъ былъ родомъ, какъ его звали, никто того не знаетъ. Знаютъ, только, что онъ собралъ мѣщанскихъ парней, разсказалъ содержаніе пьесы, объяснилъ, растолковалъ, какъ и что слѣдуетъ дѣлать и выучилъ каждаго наизусть, что кому слѣдуетъ говорить и какъ дѣйствовать. Солдатъ умеръ, а занесенная имъ «комедія» живетъ въ Ковлѣ и до нынѣ и обязательно играется каждый годъ во время рождественскихъ праздниковъ.

Форма ея стихотворная, содержаніе принаровлено къ праздничному событію, на подобіе «Вертепа», языкъ смѣшанный—великорусско-малорусско-польскій.

И. Б.

Два стихотворенія П. П. Артемовскаго-Гулака.

Предлагаемыя стихотворенія написаны покойнымъ поэтомъ въ самомъ началѣ крымской войны, въ концѣ 1853 или въ началѣ 1854 года, вскорѣ послѣ синопской битвы, и въ свое время чита-

лись съ восторгомъ на всемъ югѣ Россіи. Мною записаны они тогда же въ Одессѣ, во время службы моей въ Ришельевскомъ лицеѣ, и недавно отысканы въ ворохѣ старыхъ бумагъ. Не помню, чтобы они когда либо были напечатаны. Во всякомъ случаѣ не лишне освѣжить ихъ въ памяти.

I.

Ой не мандруй Султане,
До Андріаполя,
Бо тамъ тебе застане
Лихенькая доля.
Ой не бажай, Султане,
Водыци зъ Марыци,
Бо въ животи стане
Гирше видъ горчыци.
Ой не схиляйся, Султане,
До Балканивъ зъ ухомъ,
Бо пахне погано
Кульмовскимъ духомъ.
Нехай твій пись, Султане,
Туды й не досягае,
Бо тамъ Дыбычъ якъ встане,
До смерти злякае.
Не поглядай, Султане,
На Чорнее море,
Бо тамъ въ хвиляхъ, въ тумани,
Плыве твое горе.
Бачъ въ Сынопи, Султане,
Клубы дыму вьются,
Оттожъ твои пиддани
Зъ Нахименкомъ бьются.
Бачъ, якъ море, Султане,
Видъ ихъ гарматъ стогне,
Твое війско погане
Зъ байдаками тоне.

Ой подивись, Султане,
Зъ моря на ту хуру,
Тамъ доставъ, та й ще достане
Турчинъ добре въ шкуру.
Не посылай, Султане,
Війска до Арпачаю,
Бо вернетця пьяне
Видъ руського чаю.
Не накликай, Султане,
На руськихъ Шамиля,
Бо винъ лыбонь не встане
Зъ руського похмилья.
Не вызволють, Султане,
Праньци й агличаньци,
Москаль свое достане
Не ничью, то враньци.
Такъ спижъ, Меджиде,
Мы буркать не будемъ,
А якъ москаль прыйде,
Мы тоди розбудимъ.

II.

Сыдыть Абдулъ,
Губы надувъ,
Та й гадку гадае:
Що тамъ мое
Турецькое
Війско поробляе?
Скилько воно
Въ море на дно
Москаливъ пустило?
Скильки ребьятъ
Зъ рушниць, зъ гарматъ
Трупомъ положило.
Ой вже жъ тіи
Турецкіи

Війска розчухрали,
Нахименко зъ Бебутомъ
Й Андроникомъ отспивали.
Вже й въ Петенбурхъ
Гинець Явтухъ
Черкнувъ, що мавъ силы
Зъ лыстомъ объ тимъ,
Що Туркамъ всимъ
Пенька въ нисъ встромили.
Сполать тоби
Въ руськiй земли
Андроньче, козаче,
Ты бусурманъ
Зимьявъ въ гаманъ,
Нехай Меджидъ скаче.
Сполать тоби
Въ руськiй земли
Нахименку хвацькiй,
Що потопивъ
И попаливъ
Байдаки султаньски!
Такъ бачъ, Султанъ
На свiй изъянъ
Ще въ гору нисъ пындючить,
На панъ-отця,
На Воронця
Арканъ зъ шовку сучить.
Сучи арканъ,
Абдулъ Султанъ,
Тай сучи тугенько,
Бо туркамъ всимъ
На аркани тимъ
Высить хорошенько.

Сооб. **И. П. Сокальскiй.**

Рекрутская пѣсня.

Та по-за садомъ-виноградомъ,
Дорижка лежала.
Гей туды наша та судариня
Некрутъ выряжала,
Выряжала на воронимъ кониченьку.
Выйди, выйди, серце мое, дивчинонько!
Ой не выйшла дивчинонька,
Выйшла стара мати,
Взяла коня за поводы
Та й стала питати:
Ой, сыну жъ мій, соколику,
Де жъ тебе шукати?
Шукай въ степу край-дороги,
Моя ридна мати;
Тамъ я буду, моя мати,
Горемъ горювати,
Своимъ чубомъ кучерявымъ
Степы устилати,
А своею кривицею
Моря доповняти,
А ще своимъ билымъ тиломъ
Орливъ годувати.
— Бодай же вы, вориженьки,
Вси разомъ пропали,
Якъ вы тую биду знали—
Мени не сказали;
А тоди вже вы сказали,
Якъ сына піймали.
Ой піймали мого сына
Ще й руки звязали,
А звязавши били руки,
Везуть на Прилуки,
А зъ Прилуки до Полтавы—
До вичнёй присяги.

Присягъ царю—присягъ Богу:
Одрикся одъ роду.
Прощай, сыну, мій голубе!
Не думай до-дому.

Сообщ. **И. Пономаревъ.**

Поправки. Въ ноябрьской книжкѣ „Кіевской Старины", за болѣзнью нашею, вкрались двѣ существенныя погрѣшности, которыя спѣшимъ исправить.

1) Въ концѣ рецензіи на книгу „Холмская Русь", изд. П. Н. Батюшкова, сказано, будто въ нѣкоторыхъ экземплярахъ этой книги есть біографія и портретъ издателя. Рецензентъ смѣшалъ въ семъ случаѣ майскую книжку „Русской Старины", гдѣ таковые помѣщены, съ книгой „Холмская Русь", гдѣ ихъ не было и нѣтъ, а смѣшалъ потому, что при составленіи рецензіи пользовался экземпляромъ одного кіевскаго ученаго, имѣющаго обыкновеніе для своихъ работъ переносить однородныя статьи изъ одного изданія въ другое и переплетать ихъ вмѣстѣ. Считаемъ долгомъ извиниться въ семъ предъ достоуважаемымъ издателемъ.

2) Въ той же рецензіи на страницѣ 556, строка 20, вмѣсто *четверо* конечнымъ крестомъ, сказано *семи* конечнымъ. Ошибка произошла отъ неразборчивости письма въ рукописи.

Ред.

Отъ редакціи.

Журналъ „Кіевская Старина" выходитъ *неизмѣнно* 1-го **числа** каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія подписчика, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки

За перемѣну адреса иногородняго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногородняго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882—1886 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ*, *Михайловская улица*, *домъ № 12-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, «Новаго Времени» и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Мелье, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Федорова, Розова, Динтера, Корейво, Гинтера и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляръ своихъ изданій въ редакцію, обѣщается рецензія.

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА".

1887 г. (VI годъ изданія.) 1887 г.

Журналъ **«Кіевская Старина»** посвященъ исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, и выходитъ ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 и болѣе листовъ.

Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетристическаго содержанія, историческіе документы, мемуары, хроники, дневники, воспоминанія, разсказы, біографіи, некрологи, характеристики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказкахъ, пѣсняхъ и пр., а также библіографическія извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Къ книжкамъ журнала въ неопредѣленные сроки прилагаются изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей, а также памятниковъ южно-русской старины.

Подписная цѣна за **12 книжекъ**, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ **10 руб.**, на мѣстѣ **8 руб. 50 к.**, за границу **11 руб.**

Экземпляры прошедшихъ годовъ (1882—1887) въ отдѣльной продажѣ высылаются по той же цѣнѣ. При выпискѣ за всѣ годы уступается 25%, за четыре года 20%, за три 15% и за два 10% съ подписной цѣны.

Адресъ: *Въ редакцію* **«Кіевской Старины»**, *Кіевъ, Михайловская ул., д. № 12-й.* Тамъ-же и контора редакціи.

Редакторъ-издатель Ѳ. Г. Лебединцевъ.